

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 4
АПРЕЛЬ
1956

В этом номере:

Здесь работал Ленин	3
Книга подвигов и славы	8
На вершине Джугджура. — Повесть Г. Федосеева. Окончание. Рисунки А. Ливанова	10
320 000 000 000. — Г. Остроумов. Рисунок В. Андреевича	20
Год в степи. — Очерк Е. Гариной. Окончание. Рисунки И. Фердмана	23
Сегодня и завтра	30
Старик паровоз и его наследники. — А. Некрасов. Мост. — Стихи. Юрий Коринец	31
Зонтик. — Рассказ Жоржа Коньо. Перевёл с Французского А. Ладинский. Рисунки В. Цельмера	34
Лицо весны. — Е. Рубцова. Фотографии Н. Немнонова	37
Два урожая в одно лето. — В. Альтов	38
Мы рады таким помощникам. — Д. В. Горюнов, кандидат сельскохозяйственных наук	39
Симпатия. — Рассказ Н. Воронова. Рисунки Ф. Глебова	40
На озере Киёво. — П. Петряев. Фотографии А. Аниканова	44
Почему и отчего	46
Из путевого альбома. — Художник А. Кокорин	48
Сказка о малярной кисти. — Виктор Виткович, Григорий Ягфельд. Рисунки Е. Щеглова	49
Генерал Лукач. — Б. Сарнов	58
Генерал. — Стихи К. Симонова. Рисунок Ф. Лемкуля	61
Наша почта	62
Рисунки и стихи наших читателей	67
В мире книг	68
Море цветов. — К. Кочетков	70
Второе рождение. — А. Красильщиков	72
Кляксы	74
Мастерская «Золотые руки». По народным узорам. — Е. Рубцова, Дм. Соболев. Фотографии С. Карасёва	76
В часы досуга	79

На обложке:
рисунок В. Каменского
«Интересная книга».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пройдут
года
сегодняшних тягот,
летом коммуны
согреет лета,
и счастье
сластью
огромных ягод
дозреет
на красных
октябрьских цветах.
И тогда
у читающих
ленинские веления,
пожелтевших
декретов
перебирая листки,
выступят
слёзы,
выведенные из употребления,
и кровь
волнением
ударит в виски...

Вл. Маяковский

Владимир Ильич в своём кабинете.

ЗДЕСЬ РАБОТАЛ ЛЕНИН

В эти комнаты нельзя входить без волнения: здесь работал и жил Ленин. Здесь всё, как при Ленине. Вот только занавески повешены на окна, чтобы обои не выцветали,— Владимир Ильич занавесок не признавал. А в остальном всё неизменно. На тех же местах мебель, и в том же порядке лежат на столе мелкие вещицы, ещё хранящие прикосновение ленинской руки...

САМОЕ НЕОБХОДИМОЕ

Мы в рабочем кабинете Владимира Ильича, кабинете, знакомом многим из вас по кинофильмам и картинам художников.

Не очень велика эта высокая, светлая комната, но, хотя вдоль стен её выстроились вместительные шкафы, она почему-то кажется просторной. Пожалуй, это особен-

ность всех комнат, где жил или работал Владимир Ильич. Свет, воздух, простор окружали его даже в малом помещении. Причина, очевидно, в том, что вещи в его комнатах скромны, не бросаются в глаза, разумно расставлены. Ничего лишнего Ленин не любил, здесь всё только самое необходимое.

И прежде всего это, конечно, книги. Ленин не расставался с ними никогда, даже в тюрьме и ссылке. Не зря один из старых друзей шутливо назвал Владимира Ильича «пожирателем книг».

Ленин обладал даром с удивительной быстротой извлекать из книг самое ценное. Работая над каким-нибудь вопросом, он стремился узнать всё, что написано на эту тему. Так, прежде чем написать свою работу «Развитие капитализма в России», он прочитал около шестисот книг.

В шкафах его рабочего кабинета собрано около двух тысяч томов. Не только политические и научные труды, не только богатейшая справочная литература находятся здесь. В первом шкафу, слева от входа, тесно прижавшись друг к другу, стоят томики художественной прозы и стихов, Пушкин и труды о нём, певцы русской природы — Тютчев, Фет...

Самые нужные и наиболее дорогие сердцу книги Владимир Ильич держал у себя под рукой. Среди них на двух этажерках-вертушках, сделанных по его чертежу, — «Справочник партийного работника», «Толковый словарь» Даля. Тут же подарок Георгия Димитрова — болгаро-французский словарь — и любимое детище Ленина, ещё не переплетённый «План электрификации РСФСР».

Рядом с русскими книгами — иностранные... В одной из анкет Владимир Ильич написал, что английским, немецким, французским владеет «плохо». Что это за «плохие знания», можно судить хотя бы по такому случаю. В 1920 году сюда, в кабинет, пришли гости — французы, члены социалистической партии. И вот Владимир Ильич посадил рядом с собой Елену Дмитриевну Стасову, хорошо знавшую французский язык, чтобы она в случае необходимости помогла ему.

Полтора часа длился разговор с гостями. Ленин расспрашивал и рассказывал товарищам о многом...

— В течение всей беседы, — вспоминает Стасова, — мне пришлось подсказать Владимиру Ильичу лишь два — три слова.

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

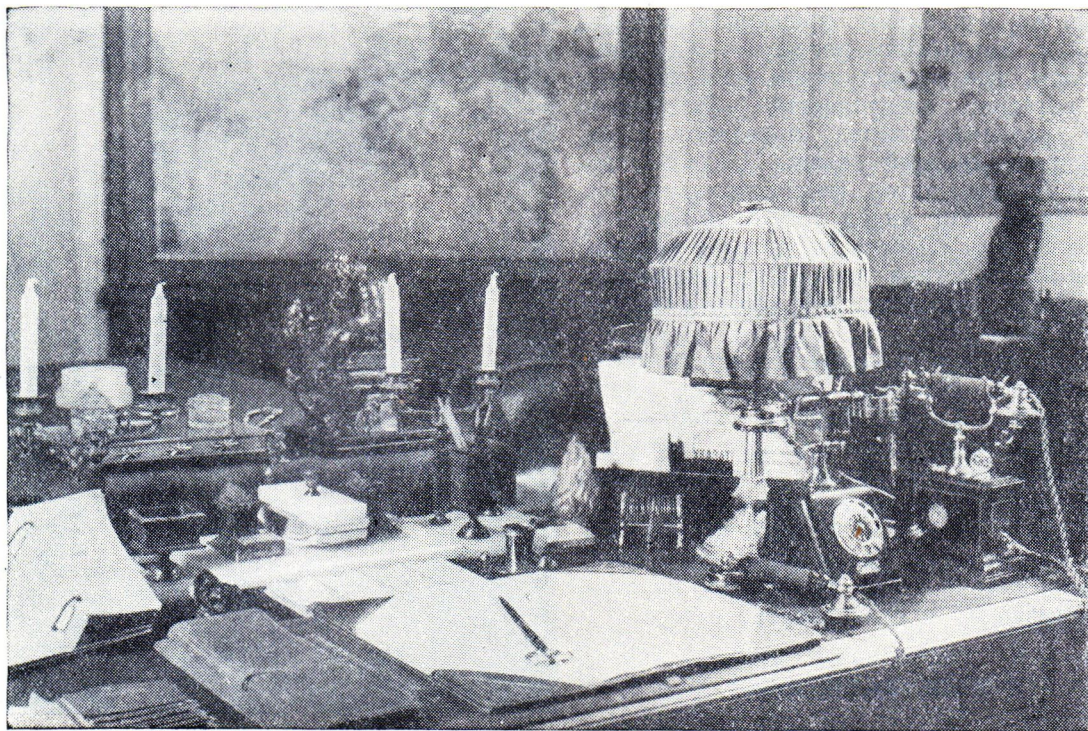
Книжные шкафы, настольная лампа — свет её смягчён скромным матерчатым абажуром — всё это могло быть и в кабинете учёного... Но комната, где работал Ленин, меньше всего походила на тихие кабинеты, от которых и пошло слово «кабинетный» — оторванный от жизни, замкнутый. В кабинете Ленина кипела жизнь.

До предела насыщен был рабочий день председателя Совнаркома. Утром, войдя в кабинет, Владимир Ильич просматривал почту, телеграммы с фронтов и тотчас же подходил к карте — одной из тех испещрённых его пометками карт, что висят на стенах и сейчас. Нередко вслед за тем на фронт летел приказ или распоряжение Ленина.

Вот он, стол, за которым работал Ленин. Простые письменные принадлежности, два ножа, которыми Владимир Ильич разрезал адресованные ему письма. Вот длинные ножницы; если они лежали на бумагах, это означало, что бумаги нельзя трогать. Вот клей в баночке с высокой пробкой; Владимир Ильич называл его «гуммирабик с носиком». Бланки и конверты Совнаркома, бумага жёлтая, шероховатая, бумага тех трудных лет.

Рабочий кабинет Владимира Ильича Ленина.

Стол, за которым работал Ленин.

За этим столом 28 марта 1918 года Ленин диктовал первый набросок статьи «Очередные задачи Советской власти»... Здесь впервые прозвучали слова: «Мы, партия большевиков, Россию убедили, мы Россию отвоевали... Мы должны теперь Россией управлять».

Управлять — не значит администрировать, «писать бумажки». Плох тот коммунист, кто подменяет живое дело писанием «бумажек», не проверяет, как претворяется оно в жизнь.

Боясь брать на себя ответственность, иные работники оттягивали решение дел, пересылали их из одного учреждения в другое, создавали волокиту. Ленин объявил жестокую войну «волокитчикам», бездушным бюрократам — тем, кто пытался утопить живое дело в «бумажном море».

Сам он умел входить даже в мелкие нужды людей.

«У меня сидит т. Иван Афанасьевич Чекунов, — писал он наркому здравоохранения тов. Семашко, — очень интересный трудовой крестьянин, по-своему пропагандирующий основы коммунизма. Он потерял очки... Заплатил за дрянь 15 000 рублей. Очень прошу помочь и попросить секретаря Вашего сообщить мне, удалось ли».

НЕРАЗРЫВНАЯ СВЯЗЬ

Сколько их было, таких, как Чекунов, крестьян-ходоков из дальних деревень, рабочих, красноармейцев!

Немного смущаясь, входил такой посетитель в кабинет к Ильичу и садился в глубокое мягкое кресло — одно из тех, что стоит возле длинного стола, приставленного к столу Ленина.

Смущение тотчас же проходило. С таким острым и цепким вниманием слушал Ленин пришедшего, с таким интересом расспрашивал, что тот, позабыв о робости, выкладывал всю душу. Случалось, в увлечении он даже затягивался вонючей махрой, совсем позабыв о висящей в кабинете табличке «Курить воспрещается».

Не «просителем» был рабочий или солдат, пришедший к Ленину, а равным. Он чувствовал: не только Ленин ему, но и он, простой человек, Ленину нужен. «Ленин — это мы сами», — говорили рабочие и крестьяне про своего Ильича.

Приходили к Ленину и учёные, и специалисты, и писатели... Не раз беседовал он с Горьким.

— Потолковать с вами всегда любопытно, — сказал он как-то Алексею Максимовичу.

Здесь же, в кабинете, произошла встреча Ленина с английским писателем Уэллсом. За столом, где стояли свечи,— на случай, если погаснет электричество,— Владимир Ильич развивал перед приезжим план электрификации всей страны. Недоверчиво слушал Ленина автор фантастических романов Уэллс. Он видел разрушенную, голодную страну. «Россия во мгле» — так назвал он впоследствии свою книгу. Он не мог и представить, что ленинские мечты в скором времени сбудутся.

Каждая вещь в кабинете Ленина по-своему интересна. Напротив стола, над диваном, портрет Карла Маркса, подаренный рабочими Петроградского Совета. Питерцы хотели поднести его Ленину в торжественной обстановке, но он услышал об этом и, взяв портрет, сказал: «Считайте, что вы уже мне его подарили». Так и стоит он сейчас, как напоминание о том, что Ленин не терпел чествований и славословий.

В ЗАЛЕ ЗАСЕДАНИЙ

В длинном зале, где и сейчас заседает Совет Министров, под стеклом стоит простое деревянное кресло с плетёным сидением. На кресле табличка: «Кресло, на котором сидел В. И. Ленин во время заседаний СНК, СТО и Политбюро с 1918 по конец 1922 года».

Те, кто бывал на этих заседаниях, помнят, как вёл их Ленин. Он не терпел опозданий и сам никогда не опаздывал. Докладчику обычно давалось десять минут, а выступающим — две — три минуты. Ленин сам проверял время по часам и говорил иногда: «Закругляйтесь... Я и так дал вам лишние полминуты».

Выступления должны были быть строго деловыми, обязательно с конкретными предложениями. Повторений общеизвестных истин Ленин не любил. «Пошёл доказывать, что Волга впадает в Каспийское море», — недовольно говорил он про таких докладчиков.

Каждое дельное предложение выслушивалось на собраниях внимательно, и все дела решались коллегиально — сообща, по решению большинства.

На снимке вверху — библиотека в квартире Ульяновых. В ней было около двадцати тысяч томов. Внизу — комната Ленина.

Курить на заседаниях запрещалось. Но иные завзятые курильщики не выдерживали, прятались за большую изразцовую печку в кабинете Ленина и курили там в отдушину. Ленин, конечно, знал об этом и, приступая к голосованию, иной раз спрашивал, лукаво прищурясь:

— А как голосуют запечных дел мастера?

В КВАРТИРЕ ЛЕНИНА

Коридор связывает кабинет с квартирой Владимира Ильича. В 1918 году, когда Ленин только переехал сюда, в коридоре была аппаратная, стояли телефоны...

Через переднюю, где висят трости Владимира Ильича и зонтик Надежды Константиновны, мы входим в скромную квартиру Ульяновых. Единственная роскошь её — ослепительная чистота и обилие книг: в домашней библиотеке Владимира Ильича было около двадцати тысяч томов.

На стенах, оклеенных светлыми обоями, фотографии близких. В столовой фотографический портрет матери Владимира Ильича — Марии Александровны, которую Ленин так горячо любил.

За большим столом в столовой обедали редко. Вечером Владимир Ильич часто ужинал на кухне, чтобы никого не беспокоить. Всё здесь говорит о быте более чем скромном: шкаф с незатейливой посудой,

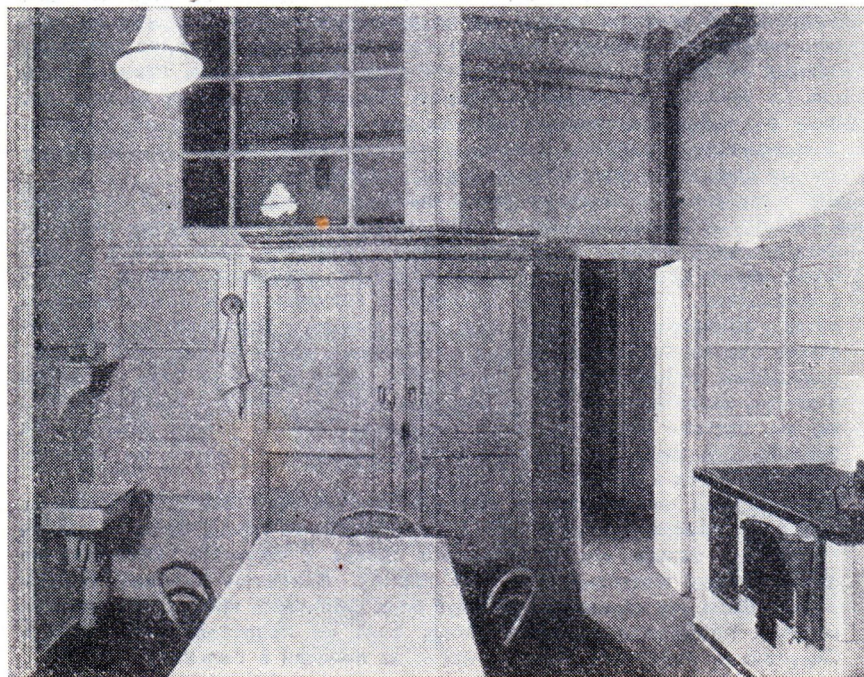
покрытый клеёнкой стол... Клара Цеткин вспоминает, как она застала однажды Ульяновых за столом. На столе был чай, чёрный хлеб, только для гости отыскивали варенье. А ведь люди со всех концов страны слали «гостинцы» любимому Ильичу, но он сердился на эти подарки и отдавал их больным товарищам и в детские дома.

Жили Ульяновы очень экономно. Как-то В. Д. Бонч-Бруевич, управляющий делами Совета Народных Комиссаров, попытался увеличить Ленину оклад, но Владимир Ильич не только отказался от этого, но даже вынес выговор Бонч-Бруевичу.

...И вот мы в комнате Владимира Ильича, где он жил до самого переезда в Горки. Уже больной жил он в этой комнате, но всё здесь приспособлено не для отдыха, а для работы.

На синем сукне стола книга, присланная Ильичу учёным К. Тимирязевым, тут же труд И. Степанова об электрификации РСФСР — автор благодарит Владимира Ильича за то, что его «засадил» за работу и он нашёл в ней своё призвание. Рядом лежат «Памятная книжка строителя» и немецко-русский словарь с надписью: «Дорогому Володе от любящей его Маняши» — так обычно называли в семье сестру Ленина Марию Ильиничну.

Возле кровати, застеленной стёганным одеялом, стоял пюпитр, на нём, даже лёжа в постели, работал Владимир Ильич. Здесь диктовал он свои последние статьи. И не двойная дверь, охранявшая от шума больного Ленина, не «докторская», где сидели врачи, запоминаются нам на прощание. Не о болезни Ленина думаем мы, а о том, как одолевал он слабость и болезнь, как до последних дней вершил он свой огромный труд на благо народа, на благо всего человечества.

Кухня в квартире
Ульяновых.

Книга подвигов и славы

Это совсем особенная книга, не похожая ни на какие другие. На каждой её странице — новые герои, новые действующие лица. В каждой строке заключена целая повесть о подвигах, о доблестных делах, об упорстве, мужестве, трудолюбии, верности и отваге. Герои, о которых ведётся речь на страницах книги, — ребята в красных галстуках. Чудесную книгу эту вы не найдёте на полках библиотек. Она одна-единственная на всю нашу страну и бережно хранится в Москве, в Центральном Комитете Всесоюзного Ленинского Комсомола. На алом её переплёте вытиснены золотые слова: «Книга почёта пионерской организации имени В. И. Ленина». В неё по решению Центрального Комитета ВЛКСМ вписываются имена лучших пионеров, звеньев, отрядов и дружин.

Павлик Морозов вписан первым. Коля Мяготин, его сверстник и земляк, так же смело боровшийся за колхозную жизнь, против её врагов, встаёт перед нами, плечом к плечу с Павликом, на первой странице «Книги почёта». Дальше идут юные разведчики, партизаны и подпольщики времён Великой Отечественной войны: Лёня Голиков, Володя Дубинин, Витя Коробков, Марат Казей, Валя Котик, Витя Хоменко, Шура Кубер.

«Двенадцать отважных» — подпольный пионерский отряд села Покровского тоже вписан в «Книгу почёта». Двенадцать отважных пионеров в тылу врага устроили тайную базу в пещере, о которой никто не знал. Там они проводили свои сборы, там хранили красное знамя, там скрывали от врага раненых бойцов Советской Армии, выхаживали их, а потом переправляли к партизанам. Там была их подпольная «типография». Листовки, написанные от руки на вырванных из школьной тетради страничках, приводили в ярость оккупантов и вселяли надежду на освобождение в сердца советских людей, отрезанных от Родины. Двенадцать маленьких подпольщиков, каждый день рискуя жизнью, не снимали пионерских галстуков. Они не могли носить их открыто, но и спрятанные под рубашкой, красные галстуки давали пионерам силу для подвига.

Коротки и сжаты записи в «Книге почёта», и каждая запись говорит о мужественной жизни, смелых поступках, стойкости, любви к родной стране.

На Украине, в городе Шепетовке, во дворе школы № 4 есть могила. В ней похоронен пионер Валя Котик, ученик этой школы. Каждое утро, проходя на уроки, пионеры отдают салют своему товарищу, юному партизану Вале Котику, отдавшему жизнь за Родину. Немало подвигов совершил Валя в борьбе с фашистами. Это он поджёг цистерну с горючим на железнодорожных путях у Шепетовки, он пустил под откос эшелон с боеприпасами на полустанке Савичи. Он держал связь с партизанами, давал им сведения о силах оккупантов, добывал оружие. От гранаты, которую бросил Валя из засады у шоссе, разлетелась в щепки легковая машина с шефом жандармерии... Но вот гестапо напало на след смельчака. Угроза ареста нависла над Валей и его родными. Тогда вместе с матерью и братом он тайными тропками ушёл в партизанский отряд.

Во время наступления на Изяслав партизанский отряд, в котором был Валя, присоединился к частям, штурмовавшим город. Валею поставили часовым у только что захваченного склада с оружием. Отступающие фашисты вели жестокий огонь по городу. Осколком снаряда тяжело ранило Валею. Но часовой не покинул пост. Обливаясь кровью, теряя силы, мальчик продолжал охранять склад, пока не подоспели наши бойцы. Смертельно раненного Валею на носилках понесли в больницу.

— Приподнимите меня, я хочу видеть, как бегут фашисты,— прошептал мальчик.

Его осторожно подняли.

— Как хорошо! — Он опустил голову, прикусив губу от боли. Но через минуту, преодолевая боль, повторил: — Как хорошо... Приподнимите меня еще раз... Хочу видеть наших танкистов... Я хочу умереть стоя...

Он умер стоя, и грохот орудийных залпов наступающей Советской Армии прощальным салютом звучал над ним.

Вот какая большая судьба стоит за короткой записью о Вале Котике в «Книге почёта».

Жизнь пишет всё новые страницы этой книги. Недавно в ней появились имена мальчиков и девочек, живущих в разных краях нашей большой страны, у её границ. Велика Советская страна, далеко друг от друга эти ребята: одни — в тайге, другие — в горах, третьи — у моря. Никогда они не виделись и не знают один другого. Но у всех у них пионерские галстуки алеют на груди, у всех верные, смелые сердца бьются любовью к Родине. Эти ребята записаны в «Книгу почёта» за помощь пограничным войскам в охране советских границ.

Зорко и бдительно стоят на рубежах Советской страны наши пограничники. Ребята не раз помогали им захватить и обезвредить шпионов и диверсантов. А ведь для этого нужны и смелость, и выдержка, и сообразительность.

Однажды пионер Коля Иванов пошёл в лес, как ходят все ребята: может, по грибы, может, по ягоды. Раздвигая в чаще под кустом пушистый мох и опавшие листья, он увидел не грибы, не ягоды, а оружие — целый тайник оружия. Найти пистолет, «ничей» пистолет, — это ли не приключение для мальчишки! Как удержаться, чтобы не повертеть его в руках, не поиграть с ним, не взять с собой! Но Коля вспомнил: граница близко. Пистолеты и обоймы с патронами не растут в лесу, как грибы. «Ничей» пистолет! А может быть, его спрятал здесь враг!! Мальчик даже пальцем не притронулся к оружию и поспешил на заставу.

Мирным трудом живёт наш народ. В труде этом раскрывается героизм, душевная красота миллионов советских людей, которые перегораживают плотинами могучие реки, в плодородные поля превращают безлюдную степь, строят новые заводы, города, посёлки. И всегда ребята в красных галстуках рядом со взрослыми. Имена таких ребят — героев мирного труда — заполняют в «Книге почёта» новые и новые страницы.

Вот запись о юннатах школы села Кутузово, надёжных помощниках своего колхоза, прилежных и любознательных учениках Ми-чурина.

Ещё одна запись ведёт нас в кубанские степи, к школьнице-пастушке Наде-Красовской. Желая помочь своему колхозу, целое лето пасла она большое стадо, и пасла отлично. Не простое дело — вырастить хотя бы одного телёнка, а в стаде у девочки было восемьдесят девять телят, и все они выросли крепкими, большими и здоровыми. Ни один не заболел, ни один не пропал.

Юные техники из дружины имени Олега Кошевого Славковской школы Полтавской области тоже вписаны в «Книгу почёта» за трудовые подвиги. Умелыми руками славковских пионеров построен радиоузел на сто пятьдесят точек, построены приёмники, проведено радио в двести сорок шесть домов, радиофицированы МТС и двадцать шесть полевых станций. Для физического кабинета своей школы ребята сделали сто восемьдесят наглядных пособий и приборов.

Дальше книга раскрывает перед нами новую картину. Поросшие тёмными елями склоны Кавказских гор в Северной Осетии. Пять пионеров из селения Бирагзанг вместе со своей вожатой Тамарой Дзантамировой Цогоевой тушат лесной пожар на обрывистых, опасных кручах...

У чудесной книги нет и не может быть конца. Ведь её пишет сама жизнь! Всё больше и больше имён будет появляться на её страницах, и каждый из вас, ребята, может стать героем этой книги, если он честен и смел, если он трудолюбив и настойчив, если он верен пионерскому знамени и своей стране.

Сюда, к подножию грозного Алгычанского пика, пробирались в поисках пропавших товарищей герои повести «На вершине Джугджура». Фото автора повести Г. Федосеева.

НА ВЕРШИНЕ ДЖУГДЖУРА

(Окончание)

Г. Федосеев

Рисунки А. Ливанова.

У ПОДНОЖИЯ АЛГЫЧАНСКОГО ПИКА

— Эге-гей!— доносится сверху тревожный голос Василия Николаевича Мищенко, отставшего с оленями и нартой. Я останавливаюсь. Но задерживаться нельзя ни на минуту: жгучая стужа охватывает вспотевшее тело, глаза слипаются, дышать становится трудно.

Я понимаю, что с Василием Николаевичем стряслась беда. Возвращаюсь на крик, но из-за ветра трудно разобрать, откуда доносится голос. Следом за мной плетётся Кучум. Собака, вероятно, инстинктивно понимает, что я иду не туда, что только внизу, в густом лесу, возле костра, можно спастись в такую непогоду. Её морда покрылась густым инеем. Она часто приседаёт, визжит, как бы пытаясь остановить меня, то и дело отстаёт и жалобно воет. Но слепая преданность заставляет её идти за мной.

Я продолжаю подниматься выше. А в голове назойливые, тревожные мысли. Может быть, мы разминутись и Мищенко уже далеко внизу? Как найду потом своих? А одному не спастись, даже если я доберусь до леса. Нет, нужно возвращаться, тут пропадёшь... Возвращаться? А если Василий Николаевич не пришёл и ждёт помощи? Что будет с ним тогда?

— Эге-гей!..— кричу я.

Но ответа нет. Вдвой Кучум бросается вперёд, взбирается на крутой уступ и скрывается между огромными камнями. Я еле поспеваю за ним.

Оказывается, Василий Николаевич вместе с оленями и нартами провалился в щель. Сам выкарабкался, а оленей и груз вытащить не может.

— Браток, замерзаю, не могу согреться,— хрипло шепчет он, и я слышу, как стучат его зубы.

Следом за мной, услышав крики, поднялся и Геннадий. Мы вытаскиваем оленей... А пурга кружится над нами, воет. Где-то совсем рядом протяжно грохочет обвал.

Через час мы уже были внизу, но до становища оставалось километра три. Дорогу перемело. Идём

наобум, придерживаясь склона. За мутной завесой бурана ничего не видно, только изредка выступают из белой мглы каменистые стены оврагов да сиротки-лиственницы, на несчастье своё поселившиеся в этом холодном и скупом ущелье. Под снегом оказалась предательская поросль стланика. Олени стали проваливаться, нарты то и дело переворачивались. Животные заметно слабели. Бойка и Кучум поминутно валялись в снег и зубами выгрызают лёд, приставший к подошвам лап. Мы и на быстром ходу не можем согреться. Но впереди нас ждёт костёр. Скорее бы добраться до поляны!

А идти всё труднее. Стужа перехватывает дыхание.

Мы двигаемся молча. Заледеневшие ресницы мешают смотреть. Вначале я оттирал щёки рукавицей, но теперь лицо уже не ощущает холода. Темнеет. Скоро ночь, сопротивляться буре нет сил. Всё меньше остаётся надежды выбраться из этого стланика. Решаем свернуть вправо и пробираться косогором к скалам. Снег там должен быть твёрже. Но попрежнему через каждые двадцать—тридцать метров нарты проваливаются. Я чувствую, как тает за воротником снег и вода, просачиваясь, медленно расплзается по телу, отбирая остатки драгоценного тепла. Хочу затянуть на шее потуже шарф, но пальцы одеревенели, не шевелятся. Я уже не ощущаю боли в ногах, кажется, ступни примёрзли к стелькам унтов, а кровь отступает в глубину тела. Трясёт, как в лихорадке. Иду всё медленнее.

— Остановитесь: Геннадий отстал!— кричит где-то позади Василий Николаевич.

Остановились. Мокрая от пота одежда заледенела коробом и уже не предохраняет от холода. Хочется привалиться к сугробу, но я знаю: нельзя! Это смерть!

— У-люю... у-люю!..— хрипло кричит Мищенко.

Показывается Геннадий. Он шатается, с трудом передвигает ноги. Мы бросаемся к нему, тормозим, трясём его и сами немного отогреваемся.

— Надо петь, бегать, немного играть — мороз будет пугаться, — советует Афанасий.

Наконец-то нам удаётся выбраться к скалам. Тут действительно снег твёрже и идти легче. Мы немного повеселели. Кричим какими-то дикими голосами, пытаемся подпрыгивать, но ноги негибаются в суставах, мы беспомощны, как тюлени на суше. К ночи пурга усилилась, стало ещё холоднее. А тут, как набеда, сломались обе нарты. С огромным трудом дотащили мы их до поляны.

Густая тьма сковала ущелье. Скоро мы уже не сможем продолжать борьбу. Только огонь может вернуть нам жизнь. Но как его добыть, если пальцы окончательно застыли и не могут держать спичку!

Афанасий стиснутыми ладонями достаёт из-за пояса нож, пытается перерезать им упряжные ремни, чтобы отпустить оленей, но ремни заостенели, нож падает в снег. Я с трудом просовываю руку в карман, пытаюсь омертвевшими пальцами захватить спичечную коробку, и не могу.

Василий Николаевич ногой очищает от снега сушняк, приготовленный вчера проводниками для костра, и ложится вплотную к нему. Мы заслоняем его от ветра. Он, зажимая между рукавицами спичечную коробку, выталкивает языком спичку, губами подбирает упавшую спичку с земли и чиркает по коробке. Вспыхивает огонь. Василий Николаевич сует спичку под бересту, но ветер тут же её гасит. Снова вспыхивает спичка, вторая, третья... и всё безуспешно.

— Проклятье! — цедит Мищенко и выпускает из рук коробку.

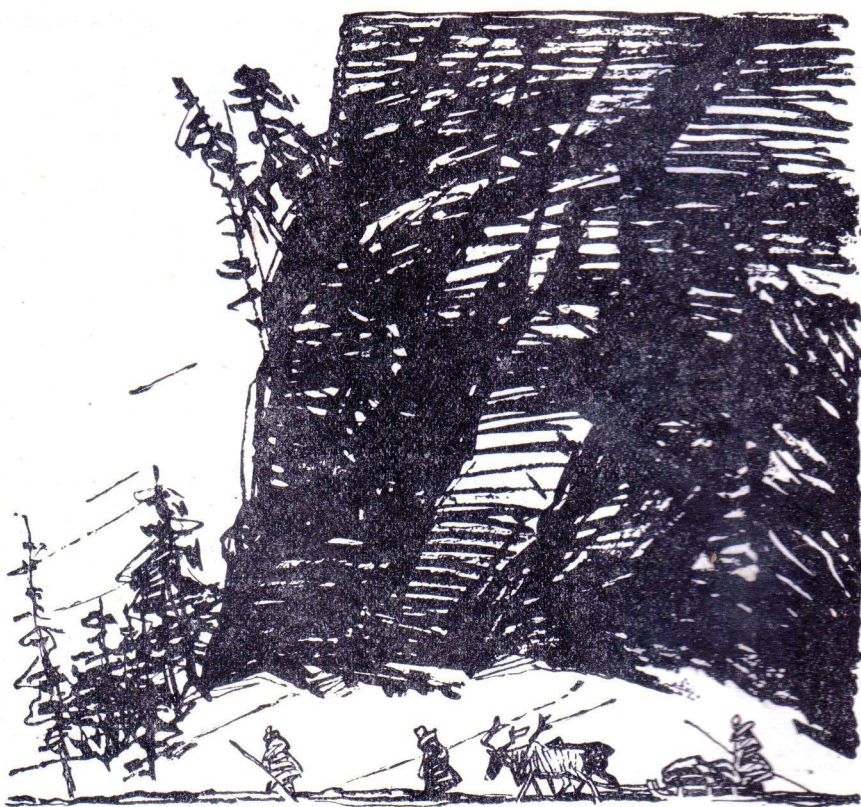
Николай подходит к нартам и пытается достать постель, но не может развязать верёвку, топчется на месте, шепчет, как помешанный, невнятные слова и медленно опускается на снег. Его тело сжимается в комок, руки по локоть прячутся между скрюченных ног, голова уходит глубоко в дошку. Он ворочается, как бы стараясь поудобнее устроить своё последнее ложе. Ветер гонит на него хлопья холодного снега. Ещё несколько минут, и Николая прикроет сугроб.

— Встань, Николай, пропадёшь! — кричит властным голосом Геннадий, пытается поднять его.

Мы бросаемся на помощь, но Николай отказывается встать. Его ноги беспомощны, руки ослабли, по обмороженному лицу хлещет ветер.

— Пустите... холодно... — шепчет он.

Афанасий, с трудом удерживая в заочевевших руках топор, подходит к упряжному оленю. Пинком ноги он заставляет животное повернуть к нему голову. Удар обуха приходится по затылку. Олень падает. Афанасий носком топора вспарывает ему живот и, припав к окровавленной туше, запускает замёрзшие руки глубоко в брюшную полость. Лицо

Афанасия сразу оживает, теплеют глаза, обветренные губы шевелятся.

— Хо!.. Хорошо, идите грейте руки, потом огонь сделаем! — кричит эвенк, прижимаясь лицом к упругой шерсти животного.

А пурга не унимается. Частые раскаты обвалов потрясают стены ущелья. Вскоре Афанасию удаётся зажечь спичку. Вспыхивает береста, и огонь длинным языком скользит по сушняку. Вздогнула сгустившаяся над нами темнота. Задрожали отброшенные светом тени деревьев. Огонь, разгораясь, с треском обнимает горячим пламенем дрова...

Какое счастье — огонь! Только не торопись! Берегись его прикосновения, если тело замёрзло и кровь плохо пульсирует. Огонь жестоко наказывает тех, кто не умеет пользоваться им. Мы не решаемся протянуть к огню скованные стужей руки, держимся поодаль. Знаем: в такие минуты достаточно глотнуть тёплого воздуха, чтобы вернулась способность сопротивляться. К костру на четвереньках подползает Николай. Он лезет прямо в огонь. Его скулы зарумянились, зашевелились сжатые в кулак пальцы.

Василий Николаевич и Геннадий стаскивают с Николая унты, растирают снегом ноги, руки, лицо. Потом поднимают его и заставляют бегать вокруг костра.

Только через час удаётся нам поставить палатку, наколоть дров, затопить печь. Собаки, хотя и привыкли к холоду, на этот раз не выдержали и попросились на ночь в палатку. Мы долго не мо-

жем прийти в себя. Кисти рук пухнут, болит спина. И теперь ещё тепло вызывает страшную боль. Лица и руки у всех отморожены. У Николая на ступнях вздулись белые пузыри. Всех неудержимо клонит в сон. Ложимся без ужина. В последние минуты я думаю о Трофиме и его товарищах. Трудно поверить, что, заблудившись в этих горах, да ещё без палатки, можно спастись от такой беспощадной стужи.

В пургу спишь чутко. Тихо зевнул Кучум, и я проснулся, расшевелил в печке угли, подбросил щепок, дров. Мутным рассветом заползает к нам утро. В горах бушует ветер, трещит лес, со скал осыпаются камни.

В палатке скоро накапливается тепло. Все встают. Закипает чайник, вкусно пахнет пригоревшим хлебом.

— С другой стороны перевал близко, да ни один палка для костра нету, только камень там, в пургу сразу пропадёшь,— говорит Афанасий, наливая в чашку горячий чай.

— Пурга здесь часто бывает?— спрашиваю я.

— Хо... Когда человек сюда приходит, Джугджур шибко сердится.— Афанасий достаёт кисет, долго набивает трубку табаком.— Старики так говорят: когда близко море люди не жили и никто не знал про него, пришёл аргишем¹ к горам охотник. Долго он ходил, искал перевал, но нигде не нашёл проход, всё кругом скалы, камень, стланик. «Однако это край земли, нечего тут делать, вернись в тайгу»,— думал он и стал выючить оленей.

«Зачем охотник приходил сюда?»— вдруг слышит он голос.

«Хо... Ты кто такой, что спрашиваешь?»

«Я Джугджур!»

«Не понимаю. Лучше скажи: что ты тут делаешь?»

«Море караюлю, ветру дорогу перегораживаю».

«А я куту² ишу — густую тайгу, зверя, рыбу. Не знаю, где найду».

«Я покажу, а за это ты направишь ветер на восход

гу, рыбу ловил жирную, птицу стрелял разную, много-много добывал морского зверя. Куту нашёл охотник, а про андиган совсем забыл. Вот и мстит Джугджур человеку за обман, не хочет за перевал пускать, пургу на людей посылает. Слышите, как сердится?».

Медленно тянутся дни. Мы безвыходно сидим в палатке. Я стараюсь гнать от себя мрачные мысли о затерявшихся людях: после такой пурги мало надежды найти их живыми. А над Джугджуром гуляет ветер.

На третий день после полудня Бойка и Кучум оживились, стали потягиваться, зевать.

— Собака погоду слышит,— сказал Афанасий.— Его нос маленький, а хватает далеко. Надо идти оленя смотреть. Где копанину⁴ найдём, не знаю.

Одевшись потеплей, они с Василием Николаевичем вышли из палатки и вернулись с хорошими вестями.

— За горами небо видно, скоро пурга кончится. И, действительно, в полночь ветер стих. После непродолжительного снегопада унеслись куда-то и тучи. Всё успокоилось и, казалось, погрузилось в длительный сон. Только изредка доносились до слуха скрипучие шаги оленей, да потрескивали старые лиственницы, как бы выпрямляясь после бури.

Не дождавшись утра, забарабанил голодный дятел. Угораздило же его начать день у нашего жилья — всех разбудил! Когда я вышел из палатки, за скалистыми вершинами разгорелась заря. На реке бойко перекликались куропатки. Напятили на свежей переносе⁵ белка, настроили мелкими стежками мыши. Здесь недавно пробежал, горбя спину, соболь. А вот лиса петляла возле зарезанного оленя. Изголодавшиеся за три дня обитатели тайги давно на кормёжке. Каким чудовищным испытанием подвергается их жизнь в этих холодных и неприветливых горах!

Пока готовили завтрак, проводники пригнали оленей. Через час мы покинули спасшую нас стоянку.

После пурги Джугджурский хребет сияет белизной только что выпавшего снега. Кругом тишина. Улеглись обвалы. На дне ущелья не колыхнутся заиндевшие деревья. Кажется, стужа сковала даже звуки.

Поднимались мы быстро. Брошенные на подъёме нарты оказались занесёнными снегом. Пока их откапывали и приводили в порядок упряжь, я ушёл вперёд.

На юго-запад от перевала открывалась неширокая панорама удивительно однообразных горных вершин — пологих, пустынных. Только слева из-за ближнего откоса седловины виднелись мощные нагромождения чёрных скал главного Джугджурского хребта. Там и Алгычанский пик.

На перевале я увидел небольшое сооружение, сложенное из камней. Четыре плиты, установленные на широком постаменте, образовали чашу. Чего только не было в этой чаше! Пуговицы, куски ремней, гвозди, спички, металлические безделушки, цветные лоскутки,

солнца. Видишь, он сделал меня голым»,— сказал Джугджур.

«Хорошо»,— ответил охотник. Андиган³ дал Джугджуру.

Тут впереди перевал образовался, за ним охотник увидел большое море и дорогу к нему. Повернул он оленей и пошёл к морю. Чум поставил на бере-

¹ Аргиш — кочевье.

² Куту — счастье.

³ Андиган — клятва.

⁴ Копанина — место кормёжки оленей зимой.

⁵ Перенова — недавно выпавший снег.

гильзы, кости птиц, стланиковые шишки и много другой мелочи.

Пока я рассматривал содержание чаши, подошёл обоз. Афанасий вырвал несколько волосков и бросил их в чашу. Николай достал из кармана с десяток мелкокалиберных патрончиков и, выбрав из них один, тоже опустил в чашу.

— Для чего это? — спросил его Василий Николаевич.

— Так с давних пор заведено. Каждый человек, который идёт через перевал и хочет вернуться обратно, должен что-нибудь положить, а то Джугджур назад не пропустит.

— Хитёр ты, парень! Почему же положил негодный патрончик, с осечкой?

Николай добродушно рассмеялся.

— Джугджур не видит, немножечко обмануть можно, — ответил он, доставая из ниши, сделанной в постаменте, ржавую железную коробку.

— Тут много разных писем. Кто, куда, зачем ходил, кого обидел Джугджур, — всё написано.

Коробка была старинного образца, из-под чая, наполненная доверху разными бумажками.

Я развернул одну из самых пожелтевших. Она была исписана неразборчивым детским почерком и читалась с трудом. «Джугджур, зачем угнал наших оленей, — теперь мы должны вернуться домой пешком, сами тащить нарты, может, в школу скоро не попадём. Сыновья Егора Колесова». В другой записке было написано: «Не годится, Джугджур, так делать, ты десять дней не пускал нас через перевал, холод посылал на нас, и мы выпили много спирта, который везли Рыбкоопу. Как рассчитываться будем? Нехорошо!» Под текстом были четыре неразборчивые подписи. Датировано 1939 годом.

Среди многочисленных записок я увидел знакомую бумагу, которой пользуются геодезисты. Это оказалась записка наших товарищей, работавших в прошлом году на Джугджурском хребте. «Перестань дурить, Джугджур! Взгляни на свою недоступную вершину, на ней мы выложили каменный тур. Ты побеждён! Васюткин, Зуев, Харченко, Евтушенко».

Пока мы читали записки, Николай достал из другой ниши круглую банку, в которую проезжие складывали монеты. Он высыпал их себе на полу дохи и, присев на снег, стал считать.

— Двадцать... сорок пять... рубль.

К нему подошёл Афанасий, лукавым взглядом стал следить за счётом. А Николай весело улыбался. Он высыпал обратно в банку щербатые и потёртые монеты, остальные сложил в ладонь и потряс ими в воздухе.

— Спасибо, Джугджур! Дай бог тебе ещё сто лет прожить!

Видимо, издавна стоит здесь эта чаша, храня легендарную историю Джугджурского хребта. Кто её установил, кто втащил сюда эти плиты?

Афанасий, будто угадав мои мысли, стал рассказывать:

— У того охотника, который первый кочевал к морю, были сын и дочь — так рассказывают наши старики. А когда сын вырос, отец навьючил много добра — тэры¹ и послал сына за хребет жену себе искать. Дорогу рассказал ему правильно, но сын не вернулся. «Однако беда случилась», — решил отец и послал на розыски дочь. Много ездила она, долго искала, пока не попала на перевал. Видит, кости оленей лежат, пропавший тэра, а брата — никаких следов. Стала звать, много ходила по горам, плакала. Вдруг слышит голос Джугджура:

«Сулакикан (так звали её), не ищи брата! Человек обещал направить ветер на восход солнца и обманул меня, за это я превратил его сына в скалу. Видишь, стоит она всегда в тумане, выше и чернее всех остальных».

Взглянула Сулакикан и узнала брата.

«Джугджур, — сказала она, — верни брата в его чум. Что хочешь, возьми за это».

Джугджур молчал, всё думал, потом сказал:

¹ Тэра — выкуп за невесту.

«Хорошо. Сделай из тяжёлых камней чашу, положи в неё самое дорогое, и пусть все люди, которые идут через перевал, кладут часть своего богатства. Когда чаша наполнится, я верну человеку его сына».

Согласилась Сулакикан, втащила на перевал тяжёлые камни, сложила чашу и бросила в неё свою косу. С тех пор каждый охотник, который идёт через перевал к морю и обратно, что-нибудь кладёт в чашу. Однако до сих пор не удалось её наполнить. Ждёт Джугджур, сердится, а Алгычан всё спит.

— Как ты сказал, Афанасий? Алгычан? — переспросил Василий Николаевич.

— Да. Идите все сюда. — И старик повёл нас на склон седловины. — Видите большую скалу? Смотрите хорошо. У неё есть лоб, нос, губы. Это Алгычан, сын охотника. Джугджур сделал его скалой.

— Да ведь мы же идём как раз к Алгычану! — сказал я.

— Хо! Как люди могли ходить наверх? Гора слишком крутой, — удивился Афанасий.

Не задерживаясь больше, мы спустились к оленям и тронулись в дальнейший путь.

Миновав седловину, караван свернул влево. Наш путь вился крутыми зигзагами по отрогам Джугджура. Мы то взбирались на плоскогорье, то спускались на дно безжизненных ущелий и всё ближе подбирались к Алгычану.

У последнего спуска задержались. Я достал бинокль. Перед нами возвышался Алгычанский пик. Он представлял собою нагромождение колющих скал, собранных в одну вершину. На его крутых откосах — ни каменных россыпей, ни снега. Видны только следы недавних обвалов, да у подножия обломки каких-то скал, которые делали приступ к пику почти невозможным. Издали Алгычан действительно напоминал мёртвого великана.

— А где же пирамида? — спросил Василий Николаевич. — Виноградов, кажется, сообщал, что она была построена?

— Пирамиды нет, но тур стоит, — ответил я, рассматривая в бинокль вершину Алгычанского пика. — В самом деле: куда девалась пирамида?

У кромки леса все задержались, чтобы заготовить дров, а я снова ушёл вперёд.

Палатка наших товарищей стояла у подножия пика. Она была погребена под снегом, и если бы не шест, установленный Виноградовым при его посещении, трудно было бы отыскать её среди многочисленных снежных бугров. Я с трудом прорыл проход и влез внутрь. Палатка сохранила жилой вид, всюду были разбросаны вещи, которыми, казалось, только что пользовались, в кастрюле было даже нарезано

мясо для супа. Всё это подтверждало вывод Виноградова, что люди ушли ненадолго и какое-то несчастье не позволило им вернуться в свой лагерь.

Когда пришёл обоз, уже надвигалась ночь, окутывая прозрачными сумерками ущелье. Мы с проводниками взялись за устройство лагеря, а Василий Николаевич с Геннадием решили полностью откопать палатку Королёва. Когда ужин сварился, я пошёл за ними.

— Кажется, мы напали на след, — сказал Василий Николаевич. — Тут вот под снегом верёвки нашли, кайла, гвозди, цемент, к тому же вся посуда здесь, даже ложки. Думаю, они работу на пике закончили, спустили сюда часть груза и пошли за остальным.

— Ну, а куда же девалась пирамида? — спросил я.

Он в недоумении пожал плечами.

— Не знаю, но искать их надо только на подъёме к пику. Место тут узкое, никуда не свернёшь, да и заблудиться негде.

Длинной показалась нам ночь у Алгычана. В палатке тепло, тихо. Слышно, как булькает вода в чайнике.

— Что это? Гром, что ли? — сказал вдруг Василий Николаевич, приподнявшись.

До слуха долетел грохот отдалённого взрыва.

— Обвал, — прошептал Геннадий.

Мы вышли из палатки. Казалось, лопались скалы, рушились утёсы и сползали с вершины потоки камней. Можно было поверить, что проснулся легендарный Алгычан и сбрасывает с себя гранитные оковы.

Через несколько минут гул стих. Но где-то ещё скатывались одинокие глыбы, потрясая ударами скалы.

— Скорее всего, наши погибли под обвалом!.. — вздохнул Василий Николаевич, взглянув на меня.

Та же мысль мелькнула у меня. Вероятно, об этом же подумал и Геннадий.

Время шло к полуночи. В печке потрескивали гаснущие угли. Василий Николаевич лежал на шкуре с закрытыми глазами, плотно сжав губы. В его руке не угасала трубка. Геннадий сидел, сутуля спину, над кружкой давно уже остывшего чая. Что-то нужно сказать, отвлечь всех от мрачных мыслей. Но язык будто онемел, а от тишины ещё тяжелее на душе...

ПОИСКИ ПРОПАВШИХ ТОВАРИЩЕЙ

Прежде всего нужно было обследовать подножие Алгычана. Василий Николаевич уходит влево от нашей стоянки, намереваясь проникнуть в наиболее недоступную часть пика, где скалы отвесными стенами поднимаются к главной вершине. Может быть,

там ему удастся обнаружить обломки упавшей пирамиды. Я пойду вправо. Хочу по гребню подняться как можно выше и обследовать цирки, врезающиеся в пик с юго-западной стороны. В лагере останется Геннадий. Он установит рацию. Нас давно ищут и, конечно, беспокоятся.

Кладу в котомку бинокль, тёплое бельё, меховые чулки, свиток бересты для разжигания костра и дневной запас продуктов для себя и Кучума. Заметив сборы, умное животное упрямо смотрит мне в лицо, будто выпытывает, куда идём.

От лагеря я сразу стал подниматься на гребень. Хорошо, что у меня лыжи подшиты сохатыным камусом: они легко скользят по затвердевшему снегу и совершенно не сдают даже на очень крутом подъёме. Кучум идёт на длинном поводке. Он горячится, рвётся вперёд и почти выносит меня на первый взлобок.

Достаю бинокль, внимательно просматриваю склоны гор, но нигде не видно ни следов, ни других признаков присутствия людей.

Иду дальше. Гребень покрыт густой щетиной торчащих из-под снега острых камней. Впереди громоздятся высокие террасы склонов Алгычана. Всюду россыпи, местами лежат глыбы упавших скал. Подбираюсь к каменным столбам, торчащим, словно истуканы, по краю гребня, и, не найдя там прохода, останавливаюсь.

Кучум, усевшись возле меня, смотрит куда-то в пространство и длинными глотками вытягивает воздух. Видимо, еле уловимый ветерок, изредка налетающий снизу, доносит какой-то запах. Я просматриваю склоны Алгычана. Солнце широким потоком ворвалось в цирк. На снежной поверхности обозначились морщинки, бугры, рубцы, и вдруг совершенно неожиданно среди них я увидел следы. Они вошли в цирк снизу, обогнули озерко и исчезли неровной стёжкой за соседним гребнем. «Кто мог бродить здесь?» — с надеждой подумал я.

Нужно было спуститься к следу, но как? По стенке цирка — круто, к тому же снег там заледевший, местами торчат острые камни. На лыжах опасно. Лучше вернуться назад и войти в цирк снизу. Пока я размышлял, Кучум вдруг завокнулся и, бросив беспокойный взгляд на соседний гребень, стал принохиваться. Хотя человек и обладает зрением лучшим, чем у собаки, я там ничего не заметил. Но Кучум взбудоражен, он продолжает громко вытягивать в себя воздух и наконец бросается в сторону гребня. Я с трудом сдерживаю разгорячившегося пса. Он упорствует, запускает глубоко в снег когти и делает отчаянную попытку сорваться с поводка.

Мне тоже хочется скорее попасть на соседний гребень и заглянуть в скрытую за ним ложину. Может быть, собака почуяла людей или дым?

Я пытаюсь преодолеть упрямство Кучума, но тот продолжает рваться вперёд. Он здоровый, сильный, и на лыжах мне нелегко справиться с ним. Единственный выход — рискнуть спуститься по стенке на дно цирка. Связываю лыжи и пускаю их вниз. Они, скользя, несутся по снежному откосу, то взлетая, то прячась, и наконец скрываются где-то в глубине.

Теперь наш с Кучумом черёд. Как же затормозить бег, чтобы не разбиться на этой стене? Вспомнилось детство и ледянка, на которой часто катался с гор. Я снимаю телогрейку, усаживаюсь на неё, пропустив рукав между ног, и отталкиваюсь. Вначале Кучум бежит впереди, но скорость спуска всё нарастает. Собака уже не поспевает перебирать лапами, падает, летит кувырком. Я работаю руками и ногами, едва удерживаю равновесие. Спускаемся с невероятной быстротой. Снизу сквозь телогрейку начинает холодить. Но вот и дно цирка. Останавливаемся. Кучум встряхивается, озирается, а я смеюсь: от телогрейки остались рукава да ворот, и на брюках большая дыра.

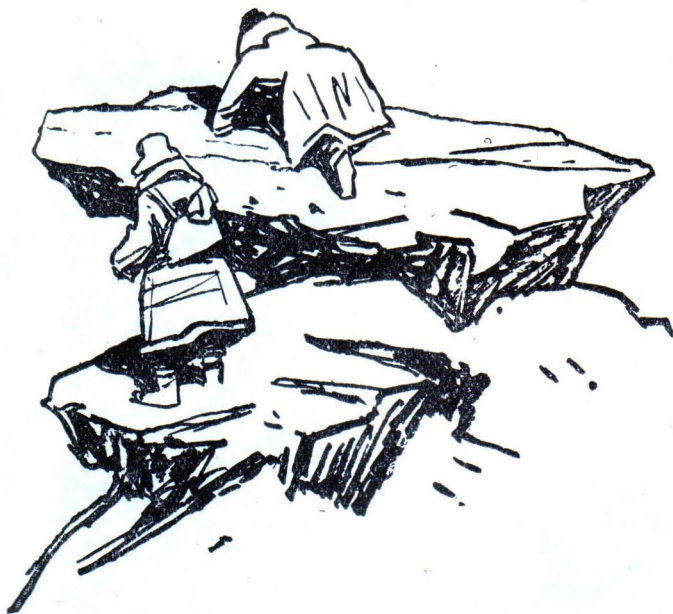
Поднимаемся на гребень. Над нами яркое солнце. Воздух потеплел. Ни одной птицы не видно, и ничто не напоминает о близости живых существ. Только шорох лыж да тяжёлое дыхание собаки нарушают покой гор.

Едва мы преодолели подъём, Кучум снова завокнулся.

Спускаюсь ниже. Вдруг до слуха доносится стук камней. Кто-то удаляется от нас косогором. Собака вытягивается в струнку, готовая броситься на звук. Из-за крутизны вырывается стадо снежных баранов и на наших глазах уходит влево к скалам. Я приседаю. Кучум не шевелится, следит, как они прыгают с камня на камень. Затем поворачивает голову и смотрит на меня, как бы спрашивая, почему я не стреляю. А бараны, отбежав метров на двести, вдруг остановились и, повернув головы в нашу сторону, замерли.

Их семь. Все рога — толстые, коротконогие, с длинным туловищем. На фоне серых камней они кажутся почти белыми. Мгновение — и животные пугливо бросаются дальше. До слуха снова долетает стук камней. Пробежав метров сто, бараны опять останавливаются, потом бегут дальше, то и дело задерживаясь на минуту. Добравшись до скал, животные вытягиваются в одну линию, скачут с кар-

низа на карниз по уступам и, забираясь всё выше и выше, исчезают в щелях.

«Какие красавцы! — думаю я, ещё находясь под впечатлением неожиданной встречи. — Какая поразительная способность передвигаться по шероховатой поверхности почти отвесных скал!» Я смотрю на нависшие серые громады, и не верится, что по ним только что пробежало стадо баранов.

Продолжая поиски, я внимательно осматриваю дно цирка, склоны хребта, хорошо видимые с того места, где мы стоим. Нигде никаких следов.

И снова, в который раз, я задаю себе один и тот же вопрос: «Куда девались наши товарищи?»

Обследовав дно впадины и соседнюю долину, я ни с чем вернулся в лагерь. Василия Николаевича ещё не было. Меня встретил Геннадий.

— Сколько беспокойства наделала пурга! Трое суток все наши станции дежурят, ищут нас, а мы только сегодня вылезли в эфир, — говорит Геннадий.

— Что нового?

— Ничего. Все ждут от нас сообщения, обеспокоены.

— Сообщать-то пока нечего... Не знаю, где будем искать их...

Василий Николаевич вернулся поздно вечером усталый и тоже без результатов.

— Ну и пропасть же с той стороны пика! А какие высокие скалы! Разве там что найдёшь, всё завалено снегом и камнями...

Так мы и уснули, почти потеряв надежду разыскать своих товарищей. На следующий день решили обследовать единственный проход к пику, взобраться на вершину и выяснить, куда же исчезла пирамида. А проводники перекочают ближе к лесу.

На этот раз идём все трое вместе.

От лагеря лощина сразу сужается и узкой бороздой въезжается в пик. Продвигаемся медленно, присматриваясь к волнистой поверхности снега.

За последним поворотом лощина неожиданно раздвигается, и мы видим гору грязного снега, смешанного с камнями, — это остатки обвала. Мы молча стоим у застывшей лавины, которая, быть может, стала могильным курганом над близкими нам людьми. Потом тщательно осматриваем снежные глыбы, сжатые гармошкой, поднимаемся на верх

обвала и наконец в щели находим рюкзак. В нём гвозди и верёвка. Больше ничего найти нам не удастся. Никаких сомнений больше не может быть: товарищи погибли. Видимо, их захватила лавина.

— Там вон на скале вроде площадки... Надо бы тур выложить и имена высечь на камне, — говорит Василий Николаевич, кивнув головой в сторону левой скалы.

Мы взбираемся на скалу и молча собираем плиты для могильного тура.

Вдруг снизу долетел выстрел. Следом за нами быстро поднимался человек, таща за собой какой-то груз.

— Никак Афанасий! — сказал Геннадий. — Не случилась ли ещё какая беда?

Афанасий, заметив нас, остановился, снова выстрелил и стал махать руками, кричать.

— Люди там!.. Люди!.. — наконец разобрали мы.

— Где? Где люди?.. Да говори, онемел, что ли?.. — закричал Василий Николаевич.

— На Алгычане... На самом верху...

Мы бросились к проводнику.

— Я же говорил, не такие ребята, чтобы погибнуть! — кричал Геннадий.

Афанасий передохнул и стал рассказывать.

— Как только мы палатку поставили, Николай и говорит: «Смотри, однако, на Алгычане дым!» Я посмотрел — и верно, дым. Вот и побежал сюда. Взял ящик с продуктами, верёвок...

— Может, сопки курятся? — перебил я его.

— Хол.. Я что, дым не знаю? Говорю, люди живут на Алгычане. Надо идти туда, стрелять, пусть услышат! — И, перезарядив ружьё, он выстрелил.

Сверху послышался протяжный гул. Меньше чем через минуту он повторился ещё и ещё.

Геннадий схватил за плечо Василия Николаевича:

— Слышишь, камни бросают, живы!..

Теперь, как никогда, нужно было торопиться.

Мы кинулись вверх. Какая крутизна! Ни за что бы нам не взобраться без специального снаряжения, если бы под ногами не было свежего, ещё не заледевшего снега. Над нами с двух сторон возвышались скалы, а дальше виднелись утёсы и глыбы разрушенных стен, чудом удерживающихся на склоне гольца. Там-то и зарождаются обвалы, потрясающие Алгычан и сдирающие с пика зачатки растительной жизни.

Василий Николаевич шёл впереди. За ним мы тянули на верёвке лыжи с грузом.

— Доберёмся вон до того выступа и отдохнём, — подбадривал он нас.

Выбивать ступени становится всё труднее. Ноги скользят, рукам не за что ухватиться.

Наконец мы у выступа, но Василий Николаевич, забыв про обещанный отдых, продолжает карабкаться дальше, наскоро отпечатки вдавленных пальцев.

— Вон на плиту взберёмся, там легче будет... А ну, вперёд!..

Так, не отдыхая, забыв про усталость, мы лезли всё выше и выше. До пика уже оставалось немного. Но путь неожиданно преградила совершенно отвесная стена снежного надува. И только тут мы догадались, что произошло с людьми на Алгычане.

Обвал, остатки которого лежали на дне лощины, зародился именно здесь. Он оставил за собой отвесную стену надува и отрезал наших товарищей, находившихся на пике. Ни по снежной стене, ни по скалистым бортам щели нельзя было спуститься. И они

остались обречёнными на смерть вдали от жилья, на вершине Алгычана.

— У-у-гу! — закричал Геннадий.

Эхо оттолкнулось от скал, скользнуло по откосам в ущелье и заглохло.

Вверху загрохотали камни. Затем донеслись ответные крики. Нам спустили камень с запиской, привязанной к тонкой, сплетённой из лоскутков верёвочке.

«Кто вы? — писали наши товарищи. — Мы геодезисты, нас пятеро, попали в беду, не можем спуститься. Сегодня дождли последние остатки пирамиды. Помогите, подайте верёвку, мы седьмой день голодаем, совсем обессилели, есть тяжело больной. Юшманов».

«Не волнуйтесь, — написал я в ответ. — Мы приехали разыскивать вас. Рады, что все живы. Вяжем лестницу, через час подадим конец, закрепите его, и мы поднимемся к вам».

Верёвочная лестница без палок оказалась очень неудобной для подъёма, но всё же нам удалось взобраться наверх.

Четверо товарищей поджидали нас у края надува. Лица их стали скуластыми и до того чёрными, будто обуглились. Одежда превратилась в лохмотья. Никого из них по лицам узнать было невозможно.

— На кого же вы, братцы, похожи! — кричал Василий Николаевич, загребая в свои объятия первого попавшегося.

Говорили все разом, каждый торопился излить свои чувства.

— А где же Трофим Николаевич? — спросил я, сразу заметив отсутствие Королёва.

Все вдруг смолкли.

— Он плох... Лежит. Думали, сегодняшнюю ночь не переживёт, — тихо ответил кто-то из товарищей.

Я бросился по россыпи между крупных камней, прилипших к крутому склону пика.

— Вот и наша нора, — сказал Юшманов, показывая на отверстие в сугробе.

С трудом я пролез на четвереньках внутрь. Узкий ход шёл глубоко под скалу. Помещение было низкое, тёмное, отгороженное от внешнего мира каменным сводом и двухметровым слоем заледеневшего снега. Через маленькую дыру в своде просачивался слабый свет. Эта же дыра, видимо, служила и дымоходом.

Вскоре глаза привыкли к темноте.

В углу на каменной плите, устланной мхом, лежал Трофим. Он приподнялся на локтях, хотел что-то сказать, но хриплый кашель заглушал слова.

— Ты успокойся, — сказал я, — мы сейчас унесём тебя отсюда, и всё будет хорошо.

Трофим протянул мне костлявые руки, обтянутые чёрной, морщинистой кожей. Сухими губами он беззвучно хватал воздух. В широко открытых глазах смещение: он, видимо, ещё не верил в наш приход. В нору влез Василий Николаевич.

— Сядьте ко мне ближе, у меня всё заледенело... Хорошо, что поспели, думал, не дожусь... — говорил Трофим.

Василий Николаевич стащил с него обгоревшие лохмотья и надел свою телогрейку. Я подбросил в огонь пучок лучинок. Геннадий и Афанасий принесли продукты.

Но Трофим отказался есть. Огнём горело его тело, было слышно, как хрипит у него в лёгких.

— Надо же было захватить нас, когда тут, наверху, не осталось ни верёвки, ни топора, ни палатки... — рассказывал он тихо, часто облизывая пересохшие губы. — Бросились к надуву, но где же там спуститься — отвесная стена! А снег твёрдый, как камень, голыми руками не взять. В одном месте увидели старые следы диких баранов. Обрадовались. Ничего не оставалось, как рискнуть спуститься по их следам, думали, всё одно погибать... Ведь ни одежды на нас, ни куска хлеба, а о помощи со стороны и думать нечего было! Разобрали пирамиду, спустили одно бревно к карнизу, где прошли бараны, по бревну забрался туда я. А дальше пропасть. Зверь прошёл по выступам, им привычно... А нам нечего и думать. Стал подниматься с карниза и не могу. Не то оробел, не то уж очень скользким было бревно... Часа два мучились ребята. Пришлось снять с себя бельё, привязаться к бревну. Вытащили меня. А пока стоял на карнизе — место там продувное, холодное, — меня и прошло ветром...

Хриплый грудной кашель то и дело прерывал его рассказ. Трофим стонал от боли, поворачивался лицом к стене и подолгу тряса от непрерывного кашля. Мы укрыли его потеплее своей одеждой.

— Что-то надо было делать, не хотелось сдаваться, сидеть сложа руки, хотя и не на что было надеяться,— продолжал свой рассказ Трофим, всё так же медленно и спокойно.— Стали убежище ладить, решили закопаться поглубже в россыпь, под обломки, тут всё же затишье, не так холод берёт. Работали всю ночь, ребята не растерялись, молодцы, к утру закончили. Лес с пирамиды изломали и камнями раскрошили на лучинки, значит, ещё жить собирались... Развели огонёк и уснули. Меня жаром охватило, как-то нехорошо стало. А наверху ветер разыгрался. Чувствую, дует из угла, где-то щель осталась. Вылез и, пока забивал снегом дыры, ослаб, земля из-под ног выскользнула, перед глазами, показалось, не снег, а сажа. Всё же как-то добрался сюда и вот с тех пор не встаю... Страшной кажется смерть, когда о ней долго думаешь и когда она не берёт тебя, а только дразнит. Ребята сжевали всё, что под силу было зубам. Ели ягель, обманывали желудок. Огонь берегли, спали вповалку друг на друге, чего только не передумали. Обидно было, что пропадаем без пользы, глупо...— Трофим вдруг

стал задыхаться.— Тяжело дышать, колет... в груди колет.

— Выпей-ка горячего чаю, погрей нутро, легче будет. Я сухарик размочил, пей,— захопотал возле больного Василий Николаевич.

Трофим приподнялся, взял чашку, но руки тряслись, чай проливался. Пришлось поить его.

— Хорошо, спасибо, только сухарь, как хина...

Через полчаса мы одели Трофима и помогли выбраться из норы.

Горы были политы светом щедрого солнца, уже миновавшего полдень. Из-за прибрежного хребта виднелся краешек светлого облачка.

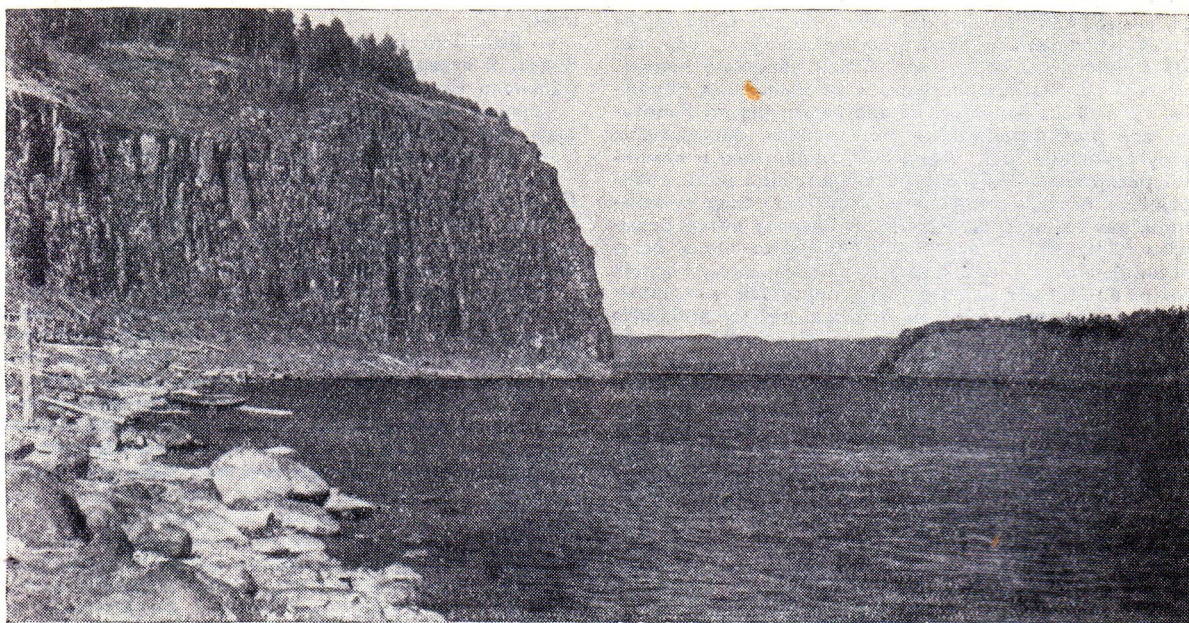
Трофим попросил вынести его на пик. Это было всего полсотни метров. Опираясь на тур, он долго всматривался в синеющую даль необозримого пространства. О чём он думал? Может быть, о том, что эти горбатые хребты, кручи, долины вскоре лягут на карту. Побегут по ней голубые стёжки рек, ручейков. Зелёными пятнами обозначится тайга. Только никому не прочесть на ней того, что перенёс тут с товарищами он, Трофим Королёв, ради этой карты.

КРЫЛАТЫЕ САНИ

Ветер надувает паруса, и бугер скользит по зеркалу скованного льдом озера или морского залива. Он мчится быстрее курьерского поезда, иногда быстрее даже ветра, который его гонит. Сто километров и больше — вот скорость бугера в хороший ветер и на хорошем льду. Ходить на бугере — это спорт смелых и находчивых.

Многие московские школьники строят модели бугеров. И вот в зимние каникулы на катке Стадиона юных пионеров прошли первые состязания этих моделей. На фото — старт. Сейчас тронутся в путь крылатые сани и начнётся проверка мастерства юных конструкторов.

Здесь будет построена Братская ГЭС.

320 000 000 000

Г. Остроумов

В Директивах по шестому пятилетнему плану, в разделе, где говорится о том, какой могучей станет наша промышленность к концу пятилетки, как много будет давать она продукции, мы видим огромные числа: десятки миллионов тонн металла, 135 миллионов тонн нефти, почти 600 миллионов тонн угля.

Но самое большое число стоит против слова «электроэнергия»: 320 миллиардов киловатт-часов. Написать его полностью, и то немало времени надо: 320 000 000 000. Одних нулей десять штук.

Это число — настоящий великан. Уж на что малы маковые зёрнышки, и то, если собрать их 320 миллиардов, понадобится двадцать пять самых больших грузовиков, чтобы их перевезти.

Уж на что необъятна Галактика — гигантское скопление звёзд, в котором наше Солнце — всего только крохотная пылинка, и всё же число звёзд в ней втрое меньше, чем это число-великан.

Но велик ли киловатт-час? Может быть, он под стать маковому зёрнышку?

Вот что говорят подсчёты инженеров.

Если один киловатт-час электрической энергии поработает в угольной шахте, в мо-

торе комбайна или транспортёра, то из недр на поверхность земли будет добыто 75 килограммов угля. На металлургическом заводе киловатт-час прокатает 50 килограммов стали, на сахарном заводе сварит и очистит 42 килограмма сахара, на обувной фабрике сделает 2 пары ботинок, на текстильной — 10 метров хлопчатобумажной ткани. Вот какой умелый и трудолюбивый киловатт-час!

А если его сравнить с человеком, с тем, что может человек сделать своими руками? И такой подсчёт сделан. Киловатт-час может совершить столько же работы, сколько двое сильных рабочих за день.

Вспомним снова о нашем числе-великане. Если мы разделим его на число рабочих дней в году, окажется, что в конце пятилетки каждый день наши электростанции будут вырабатывать больше миллиарда киловатт-часов. Это значит, что на наших заводах, стройках, в колхозах и совхозах каждый день будет трудиться больше двух миллиардов «электрических рабочих». Это больше, чем взрослых людей на земном шаре. Вот какую подмогу даст нам электричество!

Чтобы получить так много электрической энергии, надо построить новые электростанции. Все хорошо знают о двух гигантских

станциях, которые возводит наш народ на Волге: о Куйбышевской и Сталинградской. В новой пятилетке они вступят в строй.

Начато будет строительство Братской и Красноярской ГЭС

в Сибири. Это будут великаны из великанов. Судите сами: одна Братская ГЭС за год сможет давать столько же электроэнергии, сколько Куйбышевская и Сталинградская гидростанции, вместе взятые. А по стоимости строительства она будет вдвое дешевле,

ле, чем две эти волжские ГЭС. И электроэнергия, которую будет давать Братская ГЭС, будет самая дешёвая.

А это значит, что уголь и прокат, обувь и ткани, добытые, сделанные с помощью энергии этой станции, будут стоить дешевле, чем в других местах.

Чудесно расцветёт приангарский край. Обилие энергии, богатейшие залежи угля и руд позволят создать здесь мощную промышленность. Соседство с могучей Братской ГЭС особенно важно для заводов, вы-

плавящих алюминий, магний, титан, для химических предприятий. Эти отрасли промышленности потребляют очень много электроэнергии. Для выплавки тонны алюминия, например, надо 20 тысяч киловатт-часов, а для тонны магния — 50 тысяч. Ясно, что для таких заводов цена электроэнергии очень важна.

Откуда же у Братской ГЭС эти преимущества?

Здесь несколько причин. И первая в том, что станция сооружается на полноводной Ангаре, вытекающей из озера Байкал. Эта река не мелеет летом, как все другие реки. Озеро круглый год в достатке питает её водой.

Будут строить и тепловые электростанции, которые вырабатывают ток, сжигая уголь, торф и самое дешёвое топливо — газ. Среди них тоже появятся гиганты. Турбина на 300 тысяч киловатт — самая мощная турбина в мире — будет установлена на одной из новых тепловых электростанций.

Замечательно, что она, эта турбина, будет только немного крупнее, чем турбины, вдвое менее мощные. Это потому, что она будет использовать пар очень высокого давления и очень сильно нагретый — до 650 градусов, — от нагрева лопатки её будут слегка светиться.

Сверхмощная турбина выгодна не только тем, что на неё затрачено меньше металла, чем, допустим, на три стотысячных турбины. Она по сравнению с ними даст и огромную экономию топлива. На 250 тысяч тонн меньше понадобится ей в год угля.

В нашей энергетике в большую семью электростанций войдут в этом пятилетии крупные атомные электростанции. Их общая мощность составит 2—2,5 миллиона киловатт — под стать такому гиганту, как Куйбышевская ГЭС!

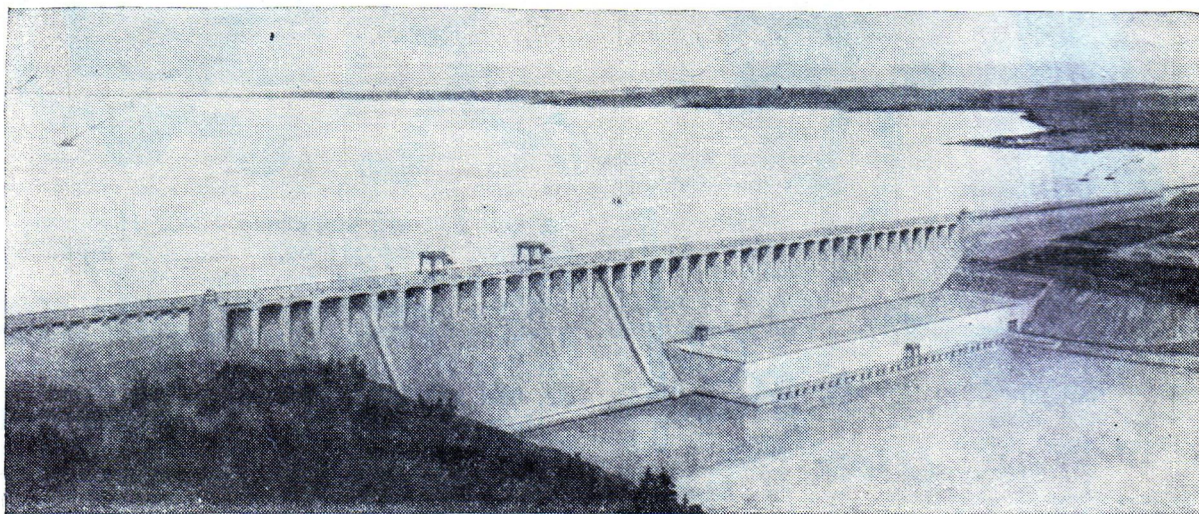
Эти станции будут работать на самом могучем топливе — ядерном. На целый год работы всем атомным станциям понадобится этого топлива всего несколько вагонов. А угля потребовалось бы миллионы тонн!

В новом пятилетии произойдёт еще одно великое событие: будет создана единая высоковольтная сеть, которая объединит все крупные электростанции промышленного центра нашей страны, волжские гиганты, электростанции Донбасса и Урала. Это будет величайшая энергосистема в мире.

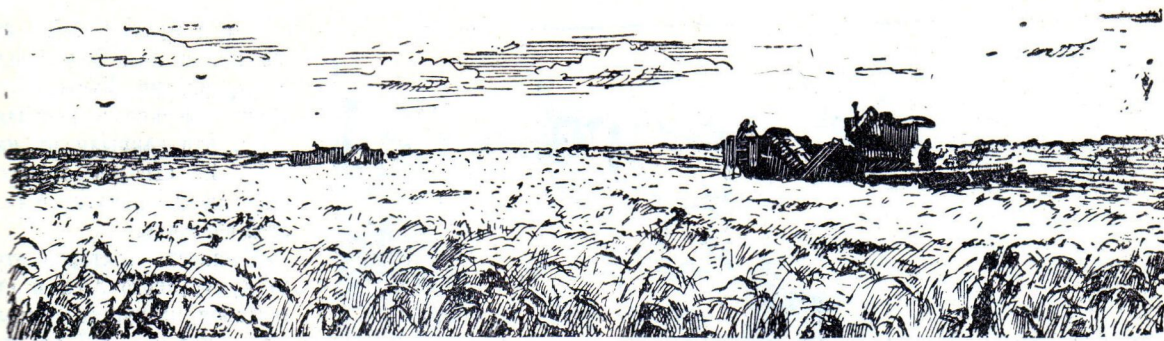
Зачем она нужна?

Представьте такой случай. Большой город получает энергию от одной станции. И вдруг — авария. Жизнь города и промышленности замрёт. А если соединить друг с другом электростанции нескольких городов, то при аварии на одной из них другие придут на выручку — дадут ток городу.

Но аварии, конечно, не так часты. А вот ремонт котлов, турбин обязателен. На станции-одиночке всегда надо иметь неработающий резерв — котёл и турбину, которые подменяют агрегаты, вставшие на ремонт. При объединении электростанций они и во время ремонта помогают друг другу. Говорят: «В единении — сила». Энергетика хорошо подтверждает справедливость этих слов.

Вот как будет выглядеть Братская ГЭС.

ГОД В СТЕПИ

(Окончание)

Е. Гарина

Рисунки И. Фердмана.

ОПЯТЬ В СОВХОЗЕ

Прошло два месяца. И вот я снова приехала в совхоз.

Пыль, жара, ветер... Только я вышла из машины возле директорского дома, как вдруг раздался вой сирены.

Почему в такое необычное время? И почему во дворе детского сада няни быстро забирают ребятшек? И люди бегут с усадьбы по домам?

Жена директора, Раиса Петровна, даже не успев поздороваться, быстро втокнула меня в сени. Мы едва успели захлопнуть дверь, как что-то ухнуло, затряслась земля, зазвенела посуда на кухне, и вихрь мелких камней мелькнул перед окнами... Стало темно.

— Что это?

— Камень рвут, — сказала Раиса Петровна.

Вот как! Оказывается, строители работают! Камень на берегу Ишима столько, что можно выстроить из него целый город. Но я не заметила, чтобы величавые скалы были где-нибудь испорчены: они стояли над рекой всё такие же округлые, и всё так же полз по ним кудрявый можжевельник. Где же тогда карьеры? Когда пыль улеглась, я пошла их искать.

Над глубоким ущельем, по которому весной бушевал поток и где сейчас было совсем сухо, я увидела палатки взрывников. По камням, как змеи, тянулись кабели, трещали какие-то машины с измерительными приборами. Один бок ущелья был разрушен, и дно в этом месте беспорядочно завалили камни. Дальше в сухом ложе, как шашки на бесконечной шашечной доске, стояли кубы уже сложенного камня.

Я прошла по усадьбе. Ничего похожего на тот чистенький посёлок, откуда я уехала в июне. Земля всюду взрыта, везде торчат стены недостроенных саманных домов. В степи за током, где мы видели

сурков, поднялись четыре гигантских зернохранилища. Два из них сложены из камня, а два бетонные.

Долго ходила я по совхозу, не узнавая ни знакомых улиц, ни площадей. Возле одного строящегося саманного дома работали люди. Было уже темно, светила луна. Я подошла ближе и услышала знакомый голос:

— Толкай ещё... Ещё разик! Ещё!

Это Василий. Всмотревшись, я увидела его наверху, между стропил. Пятеро мужчин толкали к нему наверх бревно. Я узнала Федю, Митю Иваненко, Семёна.

— Что вы так поздно работаете?

— Дома друг другу строим, — сказал Семён. — Вот этот — Фёдора, а рядом — митькин. Потом мой будем достраивать.

— Зачем вам дома? Вы же холостяки!

— Что ж, так и будем всегда холостяками? Федька, например, уже не холостяк.

— Да ну?.. Кто же это, Федя?

Василий пробасил сверху:

— На киномеханике женился. В кино теперь будем бесплатно ходить, по знакомству.

— Значит, Женья?..

— Она тут мезонин какой-то хочет, вот и мудрим, — сказал Василий. — Давай, ребята, вот эту балку! Толкай!.. Ну, ещё разок!..

...Утром директор заторопил меня:

— Поехали, поехали хлеба смотреть!

И мы помчались по знакомым дорогам.

Вот поля первой бригады. На дорожную пыль падает тень от высокой, уже созревшей пшеницы «Гордиформе-10».

— Эта пшеница — для высших сортов муки, — пояснял директор. — Для хлеба она не идёт, а только для тортов и разных там кексов. Всего только

Возле одного строящегося дома работали люди.

один дождик прошёл, а пшеница удалась. Завтра начнём убирать.

Потянулись поля второй бригады...

— «Черноуска», по-научному «Мелинопус», — необыкновенный сорт! — сказал директор, остановив машину.

Действительно, необыкновенный: на небе ни облачка, а на пшеницу будто легла чёрная тень от тучи. Я сорвала колосок. Он был толстый, золотой, а длинные колючие усы у него были совершенно чёрные. И до самого горизонта колыхается это море пшеницы, подёрнутое чёрной тенью.

А вот на двенадцать километров вдоль дороги пошла пшеница комсомольской бригады — «Искра», тяжёлая, рослая, с соломой цвета бронзы и с колосом розоватым, как поджаристая корочка на свежем хлебе. Ни одного огреха, ни одного незасеянного «блюдечка».

— Совсем дождей не было, а какова пшеница! — сказал директор. — Землю ребята обработали по всем правилам и снегозадержание во-время провели... Поехали теперь кукурузу смотреть.

Жарко, сухо... Впереди перед машиной то и дело возникают миражи. То кажется, будто видишь на дороге озерко с извилистыми берегами. Подъедешь ближе — озерко становится всё меньше, потом остаются одни заливы, и наконец перед нами просто сухая дорога... То вдруг показывался человек, высокий, как столб, то трактор, нелено громадный. Чем ближе мы подъезжали к предмету, тем меньше он становился, пока наконец не являлся перед нами в своём настоящем виде. Накалённый степной воздух, как оптическое стекло: предметы в нём увеличиваются.

Вот и кукуруза. Да это же прямо лес! Мы пошли между рядами. Кусты были такие высокие и раскидистые, что закрыли от нас небо. Из стволов торчали набухающие початки в толстой оболочке.

Девяносто гектаров этого кукурузного леса и сто гектаров цветущих подсолнухов рядом — всё это будет корм для скота, силос. А может быть, кукуруза даст и зерно, если её раньше времени не прихватит морозом. Заморозки здесь ранние, и никому ещё не известно, будет вызревать кукуруза или нет.

И никому пока не известно, какие сорта пшеницы из тех, которые мы сейчас видели, здесь выгод-

нее всего сеять. Поэтому в совхозе работают учёные. Они посеяли на опытных делянках двадцать сортов кукурузы и теперь наблюдают, как ведёт себя каждый сорт.

Я вспомнила об учёных, потому что увидела на кукурузном поле одиноко работающего человека. Он внимательно осматривал кусты, измерял их рост и что-то записывал. Мы не стали ему мешать и поехали дальше — посмотреть, готовы ли силосные траншеи возле новой животноводческой фермы.

«СТЕПНЫЕ КАПИТАНЫ»

В полном разгаре страда деревенская.
Доля ты русская, долюшка женская,
Вряд ли труднее сыскать...

Я иду меж хлебов к комбайну Кати Глушковой и вспоминаю эти некрасовские стихи. Вот тебе и «долюшка женская». Стоит Катя на командирском мостике и распоряжается своим экипажем из трёх мужчин. На ней лыжные брюки, клетчатый платочек, из-под которого торчат две косички. Лицо у неё озабоченное: пшеница пошла мелкая, надо низко опускать хедер. Катя отодвинула от штурвала помощника, рыжего парня в синем свитере, сама взялась за штурвал и насторожённо наклонилась вперёд.

Слева, справа — везде работают комбайны, «степные корабли». Я стою и смотрю, как по волнам пшеницы уплывают за горизонт величавые машины. Над хлебами виднеется лишь высокий мостик комбайнера и над ним — устремлённый кверху

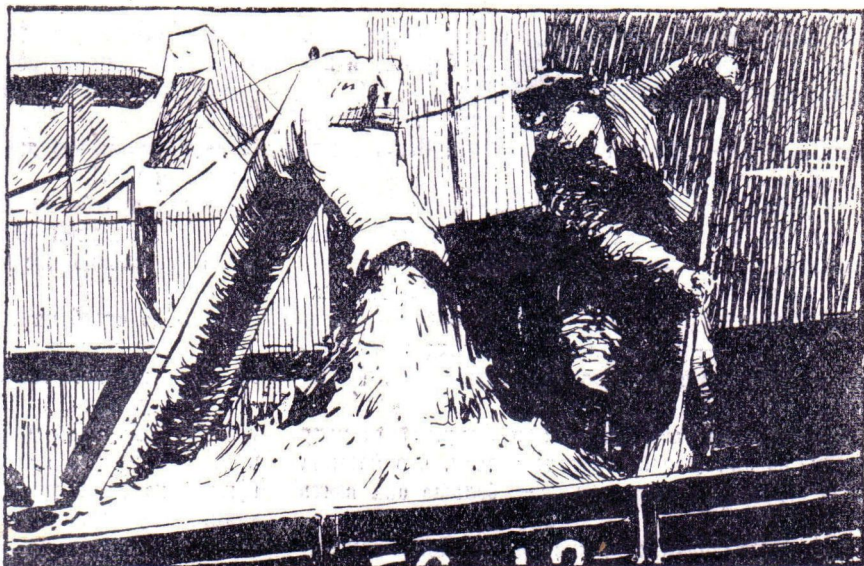
флагшток. А вот и мостика комбайнера уже не видно, и только дымок идёт из трубы...

По дороге мчится грузовик, оставляя за собой облако пыли. Номер на бортах машины чужой — здесь таких номеров нет. По землям совхоза проезжают иногда грузовики в Северо-Казахстанскую область, в Кустанайскую. Шофёр громко поёт, он не обращает внимания на комбайны.

Вдруг один из комбайнов загудел. Когда бункер доверху наполняется зерном, комбайнёр даёт гудок — зовёт машину, чтобы она отвезла зерно на ток.

Гудит и гудит комбайн, шофёр перестал петь и посмотрел по сторонам: кого он зовёт? Ни одной машины вокруг. А комбайн ещё истощнее загудел — настойчиво, прерывисто, будто с ним случилась беда.

Шофёр замедлил ход. Что ж никто не едет на гудок? Ведь остановится, если сейчас не разгрузят, а жалко: день хороший — косить бы да косить... Он свернул с дороги на жнитво. Гудок сразу оборвался. «Ишь ты! — удивился шофёр. — Меня, оказывается, звал!»

Зерно мощной струёй полилось в машину из бункера.

— Ты чего так жалобно вопишь? — крикнул он, подбежав к комбайну.

По железной лесенке быстро спустился комбайнёр, коренастый парень в военной фуражке, из-под которой свисал на лоб светлый хохолок.

— Давай, давай, подъезжай!

— Да я же не ваш!

— Всё равно! Спасибо, что услышал. Я думал, проедешь. Слушай, будь другом, отвези зерно на ток! Да скажи там, чтобы соблюдали, бездельники, график! Нам каждые сорок минут нужна машина, а они присылают через полтора часа. Прямо душа изболелась, чёрт их возьми!

Штурвальный, помощник комбайнера, уже спрыгнул с лопатой в кузов, чтобы разравнивать зерно. И вот оно мощной струёй полилось в машину из бункера.

Шофёр показал на красный флажок, хлопающий на ветру над комбайном.

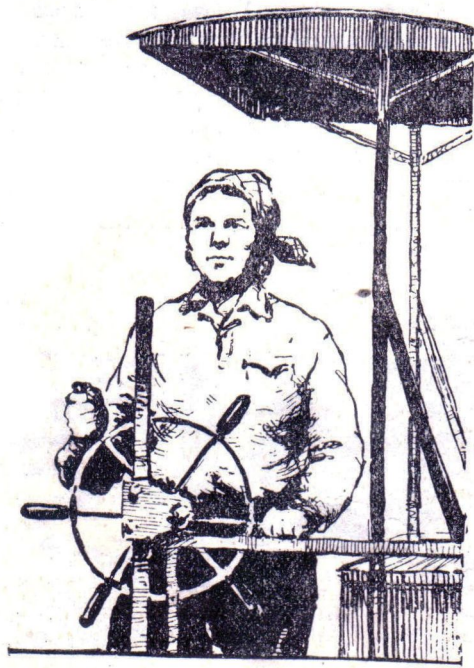
— А флажок всё-таки заслужили?

— Что флажок? — сердито заругался комбайнёр. — Вчера две нормы дали, а сегодня могли дать три — сорок пять гектаров! Они там с ума, что ли, походили: сорок минут хожу да час стою! Сам поеду с тобой, разнесу там всех!

Он достал из кармана книжечку с накладными — документами, по которым ведётся счёт намолоченному хлебу, — заполнил очередной листок и забрался в кабину.

— Ванька! — крикнул он штурвальному. — Смотри за конвейером: там на цепи одно звено ненадёжное! И пошёл, не стой!

Трактор с комбайном тронулся. Шофёр поехал было к дороге, но вдруг раздался ещё один пронзительный гудок. Это волновалась Катя: ей тоже надо

Катя сама взялась за штурвал.

было разгружаться. Комбайнер, сидевший рядом с шофёром, ничего не говоря, взялся за баранку и повернул машину к катиному комбайну.

— Да что вы тут, как беспризорники! — возмутился шофёр. — У меня свои дела есть! Некогда мне с вами возиться.

— Давай, давай, разгрузим, — примирительно сказал комбайнер. — Возьми папироску — «Столичные»...

А сам всё не отпускал баранку, пока не подъехал к Кате.

— Сергей! — закричала Катя, увидев товарища. — Езжай ты на ток, наведи там порядок! Тормозят работу, прямо хоть реви!

Остановились комбайны и по другую сторону дороги, но они уже не гудели: видели, что машина взяла зерно из двух бункеров, — больше она взять не может.

До тока двадцать пять километров. Когда комбайнер с шофёром приехали туда, они увидели скопище машин: одни стояли в очереди на автовесы, другие ждали, пока их разгрузят...

Автовесы — это большой помост, над которым выстроен домик с воротами вместо дверей. Машина въезжает через ворота на помост, и громадные весы, находящиеся под ним в бетонированной яме, показывают, сколько груза она привезла. Щит с измерительной шкалой весов находится в особой комнатке этого домика, где сидит приёмщик.

Больше всего на току было бортовых машин. Их разгружали вручную, лопатами. Самосвалам хорошо: нажал шофёр рычаг у себя в кабине и за полминуты сыпал зерно. А бортовые машины разгружаются по двадцать минут и больше.

Комбайнер увидел этот «базар» и ахнул:

— Чёрт их побери!.. Мы стоим, а они чайными ложечками работают.

Он выскочил из кабины.

— Где заведующий током?

— Ходола приехал! — крикнул кто-то из шофёров. — Будет теперь веселье!

— Заскучал? — ответил комбайнер. — Взял бы лопату да полез зерно разгружать, а то растолстеешь здесь, пока уборочная кончится!

Он побежал искать заведующего.

Работа на току кипела. Шумел электродвигатель, трещали зерноочистительные машины, шуршало зерно на конвейерах. Из куч зерно лопатами двигают к лопастям конвейеров, которые захватывают его и тащат в зерноочистительные машины, а оттуда очищенное зерно льётся прямо в кузова машин, которые

отвозят его на заготовительный пункт — за сто восемьдесят километров...

Ходола уже шёл с заведующим током к бортовым машинам.

— Слушай, это же первобытная работа! Давай фанерный щит!

— Где я тебе возьму?

— В столярной мастерской, у чёрта, у дьявола! Ведь можно же за две минуты разгружать машины!

— Надо столб на току ставить, тогда можно...

— А, значит, ты знаешь, как это делается? Чего же ты терпишь такое безобразие? Давай щит!

— Нету щита.

Ходола широким шагом, почти бегом отправился в посёлок. Через полчаса он вернулся с большим щитом, на двух углах которого были закреплены длинные проволоки. Он влез в кузов машины, на которой приехал, засунул щит стоймя между зерном и передним бортом, разрыл пшеницу и провёл проволоки по дну кузова возле боковых бортов. Потом спрыгнул, зацепил проволоки за крючья стоявшего позади пятитонного «ЗИСа» и крикнул своему шофёру:

— Пошёл!..

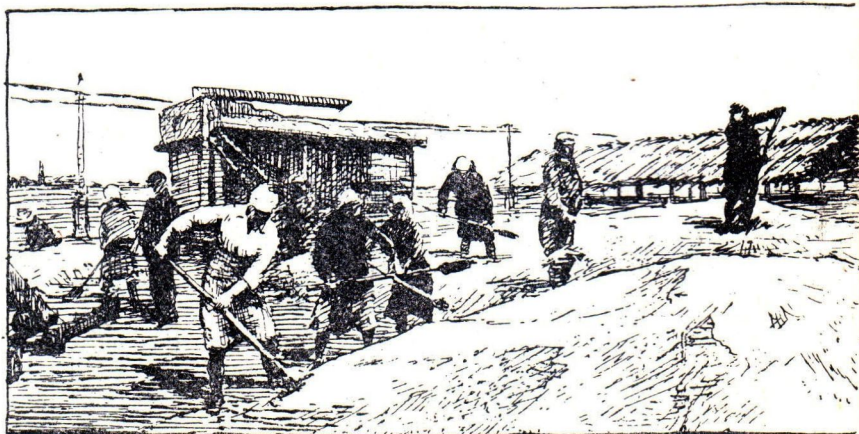
Машина осторожно тронулась, и фанерный щит, как гигантская лопата, сдвинул зерно назад и сыпал его через задний открытый борт.

— Всё! — крикнул Ходола. — Спасибо, друг! Езжай по своим делам!

Шофёр сказал, разворачиваясь:

— Так, так, шевели их! С фантазией пускай работают!

«Базар» зашевелился. Ходола командовал разгрузкой, прыгал в кузова, устанавливал щит, держал его, потому что щит шёл с заминками: надо, чтобы проволоки были натянуты, как струны, на одном уровне с дном кузова, а сейчас, укреплённые за низкие крюки «ЗИСа», они цеплялись за край пола.

Работа на току кипела.

— Чтобы завтра был столб! — сказал Ходола заведующему током.

Он сел на кучу зерна, снял сапоги и стал вытряхивать из них пшеницу.

— Ты его сначала найди, этот столб, — ворчал заведующий. — Ни одной палки на усадьбе не отыщешь: всё строители подобрали.

— У меня есть брусья на дверные косяки. Возьми один и врой здесь, — сказал Ходола.

— Не жалко?

— Нет. У тебя у самого есть такие же брусья. Не додумался?..

Разгруженные машины одна за другой убегали в поля. Ходола поднялся в кабину грузовика, который обслуживал его комбайн, и посмотрел на часы.

— Гони! Ванька опять стоит...

Когда они подъехали к комбайну и зерно посыпалось в машину, Ходола полез под молотилку, проверил что-то. Потом быстро забрался по железной лесенке на свой мостик, сдвинул фуражку на затылок, пустил в ход все механизмы своей сложной машины и взялся за штурвал. Зашелестел на хедере срезанный хлеб, заработал молотильный барабан, засвистели невидимые крылья веялки, и солома мягким ворохом стала падать в соломокопнитель — решётчатый вагончик, идущий на буксире у комбайна. Бункер снова стал наполняться зерном.

Вот уже скрылся корпус комбайна, вот видны только рей и красный флажок. Корабль снова ушёл в открытое море...

ДРУЗЬЯ ИЗДАЛЕКА

Льют и льют дожди... Воду на Ишме рябит холодный, осенний ветер. А по радио мы слышим, что в Москве жаркое лето.

Но в Москве знают, что здесь мокнут поля и что урожаю грозит опасность. И Москва спешит помочь целинникам: в Казахстан идут две с половиной тысячи комбайнов — из Молдавии, с Херсонщины, из

Лучший комбайнер совхоза — Сергей Ходола.

Одесской области. Железнодорожники получили от правительства распоряжение пропускать эшелоны с комбайнами по «зелёной улице», без задержек. И вот уже тянутся по степным дорогам бесконечные караваны...

В Северный совхоз прибыло семьдесят пять комбайнов. Они сразу ушли на поля, но ненастье не даёт работать. Комбайны стоят возле вагончиков, а комбайнеры скучают, поют грустные украинские песни, сушат брезентовые робы и сапоги у пылающих в вагончиках печек-«чугунок».

В одну из дождливых ночей в совхоз прибыла на уборку воинская часть. Утром я увидела на площади перед конторой два длинных ряда новеньких зелёных машин, доверху наполненных грузами: ящики с продуктами, полевые кухни, матрацы, палатки и даже турники в разобранном виде. Тут же, перешагивая через лужи, строились по отделениям парни в пилотках. Они весело подталкивали друг друга, перекливались, шутили с новосёлами.

Было первое сентября. Детишки в наглаженных платьях и брючках шли в школу. Но разве можно спокойно идти в классы, когда на площади столько интересного! Вот идут командиры. А вот идёт генерал. Две золотые звезды!..

Школьники уже раз узнали, что солдаты семь суток ехали, пока добрались до совхоза. Теперь будут убирать здесь хлеб.

Возле столовой стояло ещё штук тридцать незнакомых ма-

Трещали зерноочистительные машины.

Нешуточное это дело — разбить участок для совхозного парка.

шин. В столовой теснота — сесть негде! Оказывается, этой же ночью приехали шофёры из Кокчетава принимать зерно от комбайнов, возить его на элеваторы. Теперь закипит работа. Только бы погода наладилась!

И вот выглянуло солнышко. К полудню усадьба опустела. Все — и приезжие и свои — выехали в поле.

А на другой день мимо посёлка сновали десятки машин с хлебом и порожние. От тока один за другим уходили грузовики с зерном. Комбайны теперь уже не ждали, пока их разгрузят. Они даже не останавливались, чтобы спустить зерно из бункеров: машина подходила, принаправляла свою скорость к ходу комбайна, и зерно сыпалось в кузов прямо на ходу. На красной доске возле конторы каждый день появлялся длинный список передовиков-комбайнеров. На ней было много незнакомых фамилий, но фамилия Ходола всегда стояла первой.

Я поехала посмотреть, как он теперь работает. Комбайн Ходола я узнала по красному флажку: он так никому его и не отдал за всю уборочную. Я пошла к нему через жнивье, но вдруг увидела, что Ходола на ходу спрыгнул с железной лесенки и побежал к соседнему комбайну. Я догнала его.

— Вы куда?

— К дяде Грише, молдаванину. Эй, дядя Гриша! Спустишься на минутку! Скажи, пожалуйста, почему у меня планки на конвейере ломаются. Уж я думал-думал, никак не могу понять!

Седоусый, в тёмных очках дядя Гриша махнул Ходоле рукой, чтоб тот подошёл к комбайну. Они пошли рядом с «кораблём», заглядывая под механизмы, обсуждая какие-то технические тонкости. Поняв, в чём дело, Ходола сказал: «Вот спасибо!» — и заспешил к своему комбайну.

— Я с этим дядей Гришей прямо-таки академию прошёл, — сказал он на ходу. — Кончится уборочная, и уедут опытные комбайнеры. Надо успеть на-

учиться у них уму-разуму. Этот дядя Гриша двадцать лет работает на комбайне, не то что мы, зелёнь.

Недели не прошло, как приехали помощники, а поля уже убраны. На току комсомольской бригады выросли целые хребты драгоценной пшеницы «Искры». Солдаты её перелопатили, просушили, очистили и сложили в два громадных бурта. Это семена на будущий год.

Один за другим возвращаются на усадьбу комбайны. И вот уже тесно на площади за током: стояло там раньше двадцать семь комбайнов, а теперь надо поставить сто четыре!

Москва распорядилась, чтобы две с половиной тысячи украинских и молдавских комбайнов остались навсегда на целине.

А комбайнеры уезжали домой. За прощальным ужином в столовой дядя Гриша сказал Ходоле:

— Разведёте сады — приеду сюда жить. Без садов молдаванам скучно.

Распростилась молодёжь и с весёлыми солдатами. И все радостно удивились, когда солдаты погрузили своё имущество не на собственные, а на совхозные машины, чтобы они довезли их только до железной дороги: оказывается, и новенькие воинские грузовики тоже останутся в совхозе! Вот сколько за десять дней прибавилось техники!

И ЗДЕСЬ ЗАЦВЕТУТ САДЫ

Снова кричат в небе птицы. Домашние гуси, глядя на них, с тревожным гоготаньем поднимаются в воздух и, пролетев немного над подмёрзшей землёй, опускаются на холодный Ишим. Однажды ночью мне не давала спать соседская утка: кричит и кричит, тоскливо так... Оказывается, у неё улетели дети: подложил ей весной хозяин-охотник покинутые дикой уткой яйца, она вывела утят, растила их всё лето, а теперь птенцы улетели.

Вот и «белые мухи» показались и припорошили **степь** и крыши домов. Но это ещё не зима, а только её вестники. До зимы надо ещё многое успеть сделать...

— Жень, где твоя команда? — кричит пожилой инженер-строитель перед окнами нового жениного дома.

Жень мелькнула в окне и тотчас выскочила на крыльцо в брюках, в ватнике, с лопатой.

— Ждут вас, Алексей Александрович, идёте!

Инженер, высокий, сутуловатый, с седыми висками, держал громоздкий теодолит. Они пошли с Женей за столовую, где этим летом были огороды. Тоненькая, шустрая Жень почти бежала за долговязым инженером.

— Алексей Александрович, только давайте всё делать по плану! Чтобы и фонтан был и центральная клумба. Помните клумбы в Летнем саду в Ленинграде? Получатся у нас такие?

— Отчего же не получатся? Канны посадим, мифических богинь из мрамора закажем...

Жень расхохоталась.

— Афродита на целине! Пожалуй, она неплохо будет выглядеть рядом с нашими домами. А струя из фонтана чтобы била вот так высоко! — Жень вскинула вверх руку и подпрыгнула.

На взрытом картофельном поле, где ещё лежала серебристая от мороза ботва, толпилась молодёжь. Посреди поля большим квадратом были составлены саженцы.

— Ну, начнём, пожалуй, — сказал инженер. — Закладываем совхозный парк!

Он раздвинул штатив теодолита, поглядел в глазок направо, налево и укрепил трубку на юг.

— Вот так пойдёт центральная аллея. Володя, Миша, Стёпа, вперёд с вешками! Юра, отмеряй двести пятьдесят метров! Девушки, по сто метров в стороны!

И работа закипела. Лопаты пока бездействова-

ли: в ход пошли рулетки, шнуры, колышки, вешки. Нешуточное это дело — разбить участок для парка, где должны быть кинотеатр, эстрада, три спортивные, детская и танцевальная площадки, много клумб, цветочных грядок и лабиринт аллей и тропинок.

Возле теодолита на доске инженер разложил кальку с планом парка. Жень считала, сколько понадобится лопат.

Но до лопат дело в первый день так и не дошло. К сумеркам только успели «нарисовать» на бывшем огороде будущий парк.

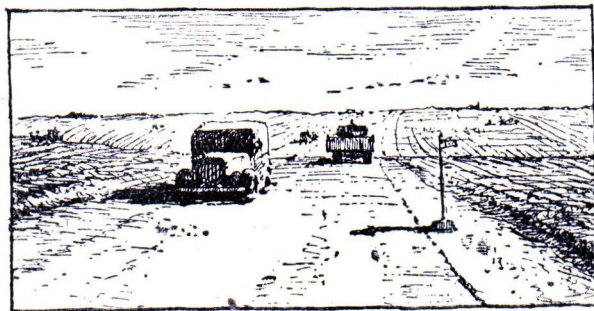
На другое утро командовать пришёл уже не инженер, а агроном-садовод, молодая казашка Зазира. Она распорядилась, где готовить ямки для саженцев и куда что сажать.

А инженер Алексей Александрович хлопочет уже на берегу ручья, впадающего в Ишим. Ручей бежит по глубокой и широкой балке — отличное ложе для пруда. Плотина остановит ручей, и будет здесь водоём, по берегам которого на пятнадцати гектарах раскинется фруктовый сад. Времени терять нельзя: надо этой же осенью построить плотину и весной посадить яблоньки, груши, малину, смородину. Старый инженер шагает поперёк балки, вымеривает, высчитывает, сколько надо материалов, сколько денег для этой плотины, и тревожно поглядывает на небо: птицы летят и летят — скоро зима, а дел ещё много!

Жаль мне уезжать из совхоза, а пора.

Вот и снова дорога на Кокчетав. Но как она не похожа на ту, по которой я ехала в июне! В двух местах её пересекают рельсы — эту железную дорогу построили за лето. А вот наша машина выехала на асфальт, и мы помчались, как по городской улице. Интересно было видеть, как осторожно, не привыкшие к такой роскоши, шагают по асфальтированному шоссе колхозные волы и два верблюда с поклажей...

Нет здесь больше привычной для них дикой степи!

В таких цехах совсем недавно, ещё в прошлом году, собирали паровозы. Могучие мостовые краны бережно подносили к месту сборки высокие паровозные скаты, тяжёлые цилиндры, сухопарники, золотники.

Инженеры, техники и слесари внимательно пригоняли друг к другу части будущих паровозов, придирчиво проверяли работу каждой детали, и из ворот цехов один за другим выходили мощные магистральные паровозы.

Сейчас всё переменялось. Новые, совсем не похожие на прежние детали привезли в цехи, и из их ворот один за другим выходят на дороги страны новые мощные локомотивы «ТЭ-3» — дизельные тепловозы по четыре тысячи лошадиных сил. Фотограф снял сборку такого тепловоза.

А паровозов с нового, 1956 года совсем не строят в нашей стране. Почему так случилось, ты сможешь узнать, если прочтёшь следующие две страницы нашего журнала.

Старик паровоз и его наследники

А. Некрасов

Он неплохо поработал, старик-паровоз, и неплохо сохранился для своего возраста. За полтора десятка лет своей жизни он вырос, стал сильнее, быстрее, надёжнее. Но если взглянуть на портреты паровозов тех времён, когда он делал свои первые шаги, нетрудно узнать на этих поблекших от времени портретах черты могучего красавца — магистрального парового локомотива наших дней. Тот же котёл с трубой, те же колёса с начищенными до блеска шатунами и дышлами, те же цилиндры по бокам, та же будка сзади, а на прицепе тот же тендер с запасом топлива и воды.

И когда смотришь на сегодняшний паровоз, пылуемый жаром, готовый в любую минуту плавно тронуть с места и повести за собой длинный караван вагонов в тысячи тонн весом, кажется, жить бы да жить этому стальному красавцу. И как-то даже не верится, что этот могучий старик уже не живёт, а лишь доживает свой век, что место на стальных путях, где столько лет был он единственным полноправным хозяином, старик паровоз готов уступить своим наследникам.

Что же случилось? Почему заслуженный, полный сил работник должен раньше срока уходить на покой?

Случилось то, что не раз случалось в истории техники.

Жизнь идёт вперёд. То, что вчера казалось образцом совершенства, сегодня становится нелепым пережитком старины. Гусиное перо неопределимую службу сослужило человечеству. Оно и сегодня осталось таким, как сотню лет назад, но никто не пишет гусиными перьями. Токарный станок Петра I до сих пор стоит, готовый к работе, но смешно было бы строить сейчас такие станки. Вот так же и с паровозом.

Как ни спешил паровоз, как ни стремился идти в ногу со временем, он безнадежно отстал от жизни, и это решило его судьбу.

Он отстал не в скорости. Совсем недавно по скорости он был мировым чемпионом и долго держал свои рекорды. И если бы только в скорости дело, он мог бы ещё поднажать и в полтора, в два раза ускорить свой бег.

И не в силе дело. Беда паровоза в другом: он работал неплохо, но он привык жить широко, расточительно, слишком высокую плату требовал за свою работу. Это его и сгубило.

Султан белого пара, вылетающего из трубы паровоза, — красивое зрелище. Огненный сноп искр, похожий на хвост кометы, ещё красивее. Но это дорогая красота: вместе с теплотой пара и раска-

лённых газов, вместе с искрами — не сгоревшими до конца крупинками угля — столько драгоценных калорий, столько энергии уходит без пользы, что человеку — расчётливому хозяину — пришлось призадуматься, прикинуть, подсчитать...

Да и как не задуматься, когда энергия — источник движения, главный источник могущества человека наших дней. А паровоз, даже самый лучший, даже самый совершенный паровоз, 93 процента энергии, заключённой в сжигаемом топливе, в буквальном смысле слова выбрасывает на ветер. Но и это не всё. Он слишком много пьёт. За час работы он расходует 12—15 тонн воды. Он лакомка к тому же: ему подавай хороший, полноценный уголь.

Вот и пришлось искать новых работников, которые взяли бы подешевле таскать тяжёлые составы по стальным путям.

Не сразу нашлись такие работники. Долгое время, хочешь не хочешь, приходилось мириться с дурными привычками паровоза. Он был единственным и незаменимым работником на железных дорогах.

Зато сейчас, когда крепко встали на ноги младшие члены семьи локомотивов — электровоз и тепловоз, — мы без грусти, без жалости расстаёмся с заслуженным стариком паровозом и всю работу на стальных путях передаём его наследникам.

Электровоз — старший наследник паровоза. Он и сам уже не молод: больше полувека назад на улицах больших городов появились первые трамваи. Они исправно возили пассажиров, но выйти на большие дороги магистральных путей им, этим первым электровозам, удалось не сразу. Слишком тихоходны, слишком слабы были они по сравнению с паровозом и слишком дорого ещё обходились в работе. Правда, много меньше энергии, чем паровоз, расходовали они без пользы, их коэффициент полезного действия — КПД, как говорят инженеры, — и тогда был много выше, чем у паровоза, но слишком дорого в то время была сама электроэнергия, мало было электростанций, не умели передавать электрический ток на дальние расстояния.

И тридцать пять лет назад, когда, намечая план электрификации нашей Родины, В. И. Ленин спросил инженеров, нельзя ли перевести железные дороги на электротягу, даже самые передовые инженеры ответили:

— Нет, нельзя, пока нельзя...

С тех пор многое изменилось. Одна за другой выросли по всей нашей стране сотни могучих электростанций. Густая сеть проводов протянулась над просторами нашей земли, шагнул вперёд наука и

техника, и то, что так недавно казалось несбыточной мечтой, сегодня стало действительностью.

Всё дальше и дальше от городской черты отваживались отходить электропоезда. На двадцать, на сорок, на сто километров протянулись линии пригородных электродорог. А потом по северной тундре, по горным дорогам, по безводным пустыням повели тяжёлые поезда электрические локомотивы, с виду похожие на большие вагоны...

Это уже не те слабенькие трамвайчики, которые полвека назад отважились вступить в соревнование со своим могучим предком — паровозом. Современный электровоз — мощная, удобная машина, ни в чём не уступающая паровозу. Огромный поезд из восьмидесяти и ста вагонов без труда тянет такой локомотив, а если нужно, на трудной дороге, где путь идёт в гору, там по два и даже по три электровоза запрягают в тяжёлый поезд, и один машинист без труда управляет двумя и тремя локомотивами.

Электровоз всегда готов к работе. 10—15 минут нужно, чтобы подготовить его к рейсу, а паровоз больше часа приходится топить, пока пар поднимется до нужного давления.

На стоянке электровоз почти совсем не расходует энергии, а паровоз и на стоянке нужно подтапливать, иначе пар остынет в котле. Зимой в сильные морозы паровоз становится особенно прожорливым. От холода он теряет мощность, на него уже нельзя надеяться. А электровоз не боится мороза, в мороз он работает даже лучше, потому что лучше охлаждаются его двигатели.

У паровоза кабина управления расположена сзади, и машинисту то и дело приходится высовываться из окна, чтобы осмотреть путь впереди. На электровозе машинист сидит в своей удобной кабине, расположенной спереди, и без напряжения осматривает путь.

Когда паровоз идёт под уклон, уголь всё равно горит в топке. Электровоз, идя под уклон, совсем не расходует тока, больше того, электровоз в это время сам посылает ток в сеть.

Вот малая доля преимуществ электровоза. Но главное его преимущество — высокий КПД. Паровоз 6—7 процентов энергии топлива расходует с пользой, электровоз — 17—18 процентов.

Но есть и у электровоза свои слабые стороны.

Прежде всего ему нужны провода — тяжёлые, прочные провода из чистой меди. Сами провода не будут висеть над путями, значит, нужно поставить вдоль путей прочные мачты-опоры, соорудить надёжные подвески. По всей линии нужно поставить цепочку выпрямительных подстанций, чтобы превратить переменный ток, полученный от электростанции, в постоянный... За всем этим хозяйством нужно внимательно следить, нужно всё время поддерживать его в порядке.

Правда, и тут кое-что уже сделано: два года назад у нас созданы новые электровозы, которые работают без подстанций, на переменном токе высокого напряжения, с одним тонким проводом. Все нужные преобразования тока происходят в аппаратах, смонтированных на самом электровозе... У та-

кого электровоза КПД выше — почти 20 процентов энергии расходует он с пользой. Но и 20 процентов — это мало.

Вот поэтому рядом с электровозами, прочно завоевавшими своё место на железных дорогах, рядом с паровозами, доживающими свой век, всё чаще и чаще появляются на путях новые дизельные локомотивы — теплоэлектровозы.

О дизельном локомотиве железнодорожники мечтали давно. Ведь дизель — одна из самых экономичных машин. Он работает без топки, без котла. Жидкое топливо сгорает в дизеле внутри рабочих цилиндров, и большая часть тепловой энергии превращается там в механическую.

Но есть и у дизеля своё «больное место». Как всякий двигатель внутреннего сгорания, дизель только на полных оборотах отдаёт полную мощность. Стоит снизить число оборотов, и дизель сразу слабеет, теряет мощность, понижается его КПД.

Паровая машина, электродвигатель — те сразу, с места, на любых оборотах развивают полную мощность, а дизелю нужно сначала разогнаться.

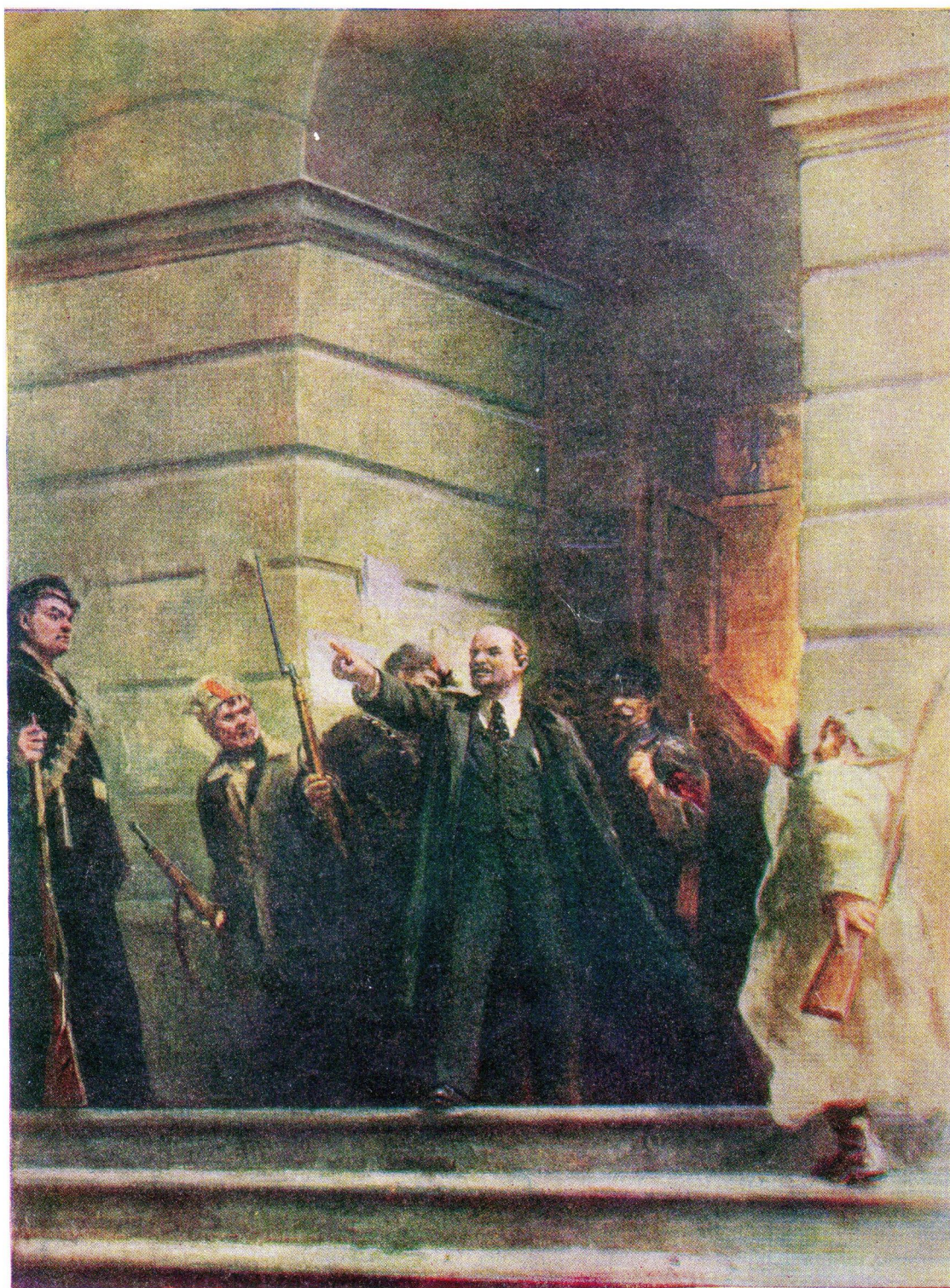
Получается неразрешимая как будто задача: дизель должен работать всё время на одной скорости, а поезду то быстрее, то тише нужно идти, то совсем остановиться, то снова двинуться в путь.

Вот и пришлось хитрить. Дизель соединили с генератором электрического тока. А этот ток через систему регулирующих устройств идёт к тяговым электродвигателям, соединённым с ведущими колёсами. С таким устройством стало возможным разогнать дизель до нужного числа оборотов, а потом на полной мощности, но на любой скорости вращать ведущие колёса.

Вот так и устроен новый локомотив — теплоэлектровоз «ТЭ-3», который всё чаще и чаще будет встречаться на наших дорогах. Его КПД — 25—28 процентов. Немудрено, что он легко побеждает и паровоз и электровоз.

Ни тендера с запасом воды и топлива, ни проводов — ничего не нужно «ТЭ-3». Топливо он берёт на себя и в любую минуту готов к далёкому, безостановочному пробегу. Это быстроходный, мощный, удобный в управлении локомотив. Но есть и за ним тяжкий грех: ему нужно жидкое топливо. То самое драгоценное топливо, в котором нуждаются автомобили и тракторы, подводные лодки и самолёты. Там нечем пока заменить его, а на локомотиве, наверное, скоро найдут замену. Недалеко то время, когда «ТЭ-3», так же как старик-паровоз, сойдёт с дороги и уступит своё место новым машинам — газогенераторному теплоэлектровозу, газотурбовозу и другим мощным, экономичным, сверхбыстроходным и сверхмощным локомотивам завтрашнего дня.

Старик-паровоз прожил полтора века. Теплового, пожалуй, не прожить столько. Новые машины прогонят его с дороги. А мы так скоро привыкнем к этим, не родившимся ещё, новым машинам, что через две — три пятилетки, встретив где-нибудь паровоз, будем смотреть на него, как на допотопное чудовище, и поражаться: зачем же строили эти неуклюжие, тихоходные, неэкономичные машины?

В. И. ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ.

В. Цыплаков.

НА СТОИБИЩЕ.

В. Игошев.

МОСТ

Юрий Коринец

Рисунки П. Кирпичева.

О прошлом этого моста
Я вспоминаю неспроста.

В Отечественную войну
Мост у фашистов был в плену,

И мчались по мосту тогда
Со свастикою поезда.

Мост, содрогаясь, призывал,
Чтоб кто-нибудь его взорвал.

И, ослепив мерцанье звезд,
Взрыв полыхнул. И рухнул
мост.

В обрывистые берега
Уткнулся эшелон врага.

С тех пор смотрели из реки
Одни бетонные быки.

И ждали нас. И мы пришли.
И мост мы снова возвели.

Над речкой, величав и прост,
Встал железнодорожный мост.

Колеса по мосту стучат,
В далекий путь составы мчат.

Мчат, оставляя дымный хвост.
— Счастливый путь! — грохочет мост.

З О Н Т И К

Жорж Коньо

Рисунки В. Цельмера.

Генриетте в тот день нужно было встать в шесть часов. Но матери пришлось долго будить девочку. С вечера у неё были взбудоражены нервы, она с трудом уснула, и теперь её одолевал свинцовый сон.

Отправляясь на работу, на проволочный завод, отец ворчал, выводя свой старенький велосипед из сарая:

— Ну и погода! Не везёт девчонке...

Дождь лил, как из ведра. Через улицу, метрах в тридцати ниже по дороге, стояла деревенская колокольня. Но ливень был таким сильным, что из окошка каморки во втором этаже нельзя было разглядеть стрелки на церковных часах.

Мать окликала девочку, тормошила её и одновременно ворчала на хворост, который никак не загорался, потому что ветер врывался в трубу и гасил огонь.

Девочка ела без аппетита, у неё была тяжёлая голова. Пока она медленно жевала, трое маленьких братишек стояли у стола и взирали на неё в почтительном молчании. А когда она кончила есть, на неё надели нарядный передник, который она носила только по воскресеньям. Передник был сшит из водянисто-зелёной материи в белую клетку,

с пышными буфами на рукавах. День начинался, может быть, самый важный день в её жизни, и когда Генриетту одевали, у неё сжалось сердце.

Мать отворила дверь на улицу и, упершись кулаками в бёдра, некоторое время смотрела на дождь. Ветер трепал её юбку.

Поспешно вернулся домой кот, смешно отряхивая на пороге лапки. С молодого дубка на каменные ступеньки летели брызги. Вода по обе стороны отлогой деревенской улицы бежала, как весной, когда тает снег. Канавки были полны до краёв, и вода бурлила в них с глухим шумом. Слышно было, как высоко над деревней, в парке замка, поскрипывали старые ели. На кухне плиты пола были совсем мокрые, и, глядя на них, казалось, что дождь будет лить часами, а может быть, затянется на несколько дней.

Мать вздохнула, подошла к большому шкафу, который занимал на кухне почти всю стену, и, раскрыв скрипучие дверцы, достала длинный свёрток в пожелтевшей газетной бумаге. Когда она развязала свёрток, в нём оказался шёлковый зонтик со старомодной ручкой. Это был один из её свадебных подарков. Подарок тех самых барышень Миньо, к которым она ходила подённо шить на дом, когда ещё не была замужем.

Собирая рассыпавшиеся на полу шарики нафталина, мать сказала Генриетте:

— Вот, возьми. Я его тебе дарю. Но смотри береги эту вещь! Держи зонтик всегда против ветра, чтобы его не выворачивало. А главное, не вздумай его потерять!

Генриетта отправилась в дальний путь. Идти ей предстояло около часа. В левой руке девочка сжимала ручку широкого, как палатка, зонтика, старательно наклоняя его под порывами ветра, а в другой несла на весу плетёную корзиночку с крышкой. В корзинке лежал завтрак: ломоть деревенского хлеба, варёные белые бобы и немножко слабенького вина в аптечной бутылочке.

Генриетте нравилось ходить по полям с лицом, обращённым навстречу буре, навстре-

чу порывистому ветру, прилетавшему изда-
лка, с далёких безграничных морей. Отцу и
матери и в голову не приходило, что у дочери
такой характер. Это была её детская тайна.
Она вообще любила риск, любила браться за
трудные дела. Может быть, это был протест
против своей участи, желание найти какую-
нибудь отдушину в бесконечных монотонных
хлопотах по хозяйству, в этой скучной рабо-
те, ложившейся тяжким бременем на её
худенькие плечи — плечи старшей дочери в
бедной семье с многочисленными младенца-
ми. Под наружностью послушной девочки у
Генриетты скрывался волевой характер. Вот
и сейчас тяжесть в голове и вся её робость
исчезали по мере того, как она с наслажде-
нием боролась с бурей.

Девочка быстро шла по дороге, и ей до-
ставляло радость слушать, как дождь хле-
щет и стучит по зонтику, чувствовать, как
ветер бьёт её по ногам, ощущать дождевую
сырость, от которой юбка
прилипала к телу.

Когда она уже была в го-
роде, её догнала двухколёс-
ная повозка, полная деревен-

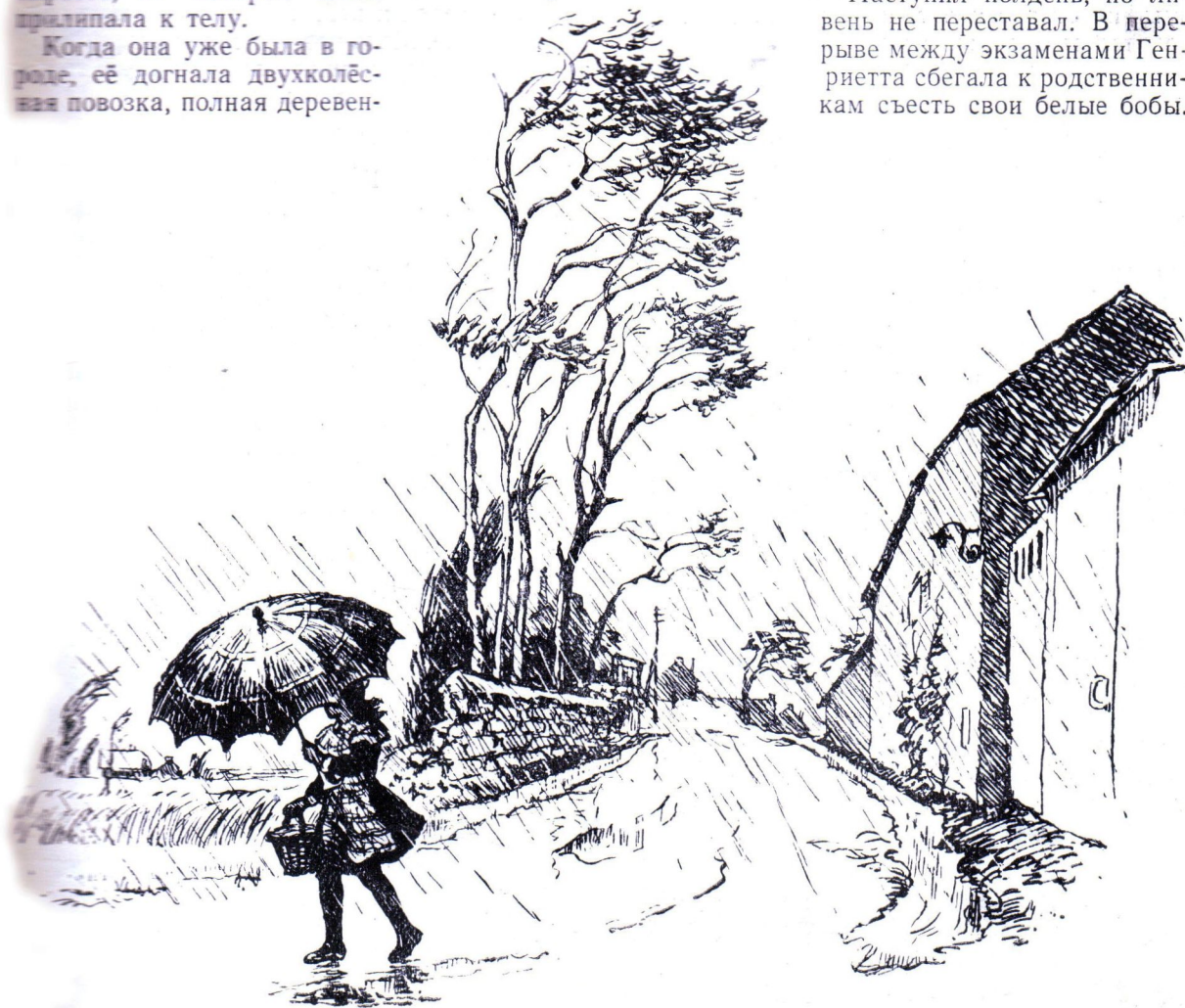
ских девочек. Тех, что были побогаче, сопро-
вождали матери.

Её тоже взяли на телегу. Надо было благо-
дарить, поддерживать общий разговор. Ген-
риетте стало скучно.

Учительницу пришлось ждать. Накануне
она куда-то уезжала и поздно вернулась. Но
когда Генриетта очутилась в помещении, где
должны были происходить экзамены, она
снова почувствовала себя в своей тарелке.
Помещение понравилось ей. Эта большая
стеклянная галерея показалась девочке
огромной.

Диктант был не очень трудным. На вопро-
сы она тоже ответила хорошо. Немного испу-
гала её задача. Но тут ей пришла на по-
мощь начальница школы, очень симпатич-
ная на вид женщина. Она нашла, что экза-
менационная задача выбрана неудачно, и,
постукивая мелом по доске, дала дополни-
тельные пояснения.

Наступил полдень, но ли-
вень не переставал. В пере-
рыве между экзаменами Ген-
риетта сбегала к родственни-
кам съесть свои белые бобы.

На узких улицах старинного городка она ни на минуту не забывала, что с зонтиком надо обращаться осторожно, чтобы его не вывернуло ветром. Было приятно, что дождь льёт и льёт и что день проходит интересно.

После полудня её совсем затормошили на экзамене, и время пролетело незаметно. Никакого удивления по поводу того, что она принята, Генриетта не испытала. Но когда она увидела, что её фамилия стоит в списке выдержавших экзамен на первом месте, всё её существо наполнилось блаженством. Это было как раз то, о чём она страстно мечтала два года. Ведь если бы не эти дополнительные курсы, родители не согласились бы продолжать работать на неё, приносить себя в жертву. А теперь она сможет ходить на курсы. Значит, когда-нибудь и она станет учительницей! Какое счастье! Всю жизнь она будет иметь дело с книгами. Может быть, даже совершит путешествие во время каникул. Даже не одно. И отец сможет тогда отдохнуть на старости лет, и её удача доставит родителям маленькое удовлетворение.

У переезда, где шлагбаум отделял пригород от полей и огородов, она вдруг заметила, что дождь перестал, что солнце уже склоняется к горизонту. Ветер переменился, и вдруг наступила чудесная погода.

Всё блестело в мире, омытом дождём. Зеленела хорошо промытая трава по обочинам дороги, и нивы были полны васильков и маков. Буря не пригнула к земле ещё лёгкие колосья. Вдоль железной дороги на телеграфных проводах сидели птицы и с весёлым щебетом чистили клювами мокрые пёрышки.

В вишнёвых садах сломанные ветки, отягощённые спелыми ягодами, можно было достать рукой. А немного дальше, на огородах, огородники уже снова надели широкополые соломенные шляпы и женщины в белых чеп-

чиках весело переговаривались среди сучковатых хворостин, на которых повис горох.

На каменной ограде кладбища черепица казалась теперь краснее, чем обычно. Зелёные и синие ставни домов словно были покрашены заново.

Девочка быстро поднималась по главной улице деревни. Вот уже показался за поворотом знакомый дом с облезлой штукатуркой, наполовину развалившийся курятник у старой конюшни. Однако розовый куст был в полном цвету, и по другую сторону ворот виноградная лоза блестела мокрыми листьями.

Генриетта вошла в дом. Матери на кухне не было. Слышно было, как она хлопотала наверху. Склонившись через перила лестницы, она крикнула девочке охрипшим от волнения голосом:

— Ну как, всё в порядке?

— Всё в порядке, мама!

Мать спустилась вниз, но не заметила порывистого движения, с которым девочка хотела броситься к ней, чтобы поделиться своей радостью. Мать что-то искала вокруг озабоченными, хмурыми глазами: на стульях, во всех углах, даже на каменной плите.

— Куда же ты его засунула? — наконец крикнула она.

Только тогда Генриетта поняла, что мать была озабочена не результатами экзамена. Она думала только об одном: где драгоценный зонтик?.. И в самом деле, где же она его оставила? Наверное, забыла в школе!

В одно мгновение девочка почувствовала себя сброшенной с облаков в суровую действительность, в свою скудную жизнь. Не говоря ни слова, она бросилась вон из дома, убежала в сарай, в самый его тёмный угол, и, упав лицом в кучу травы, только что накошенной для кроликов, дала волю слезам.

Перевёл с французского А. Ладинский.

ЛИЦО ВЕСНЫ

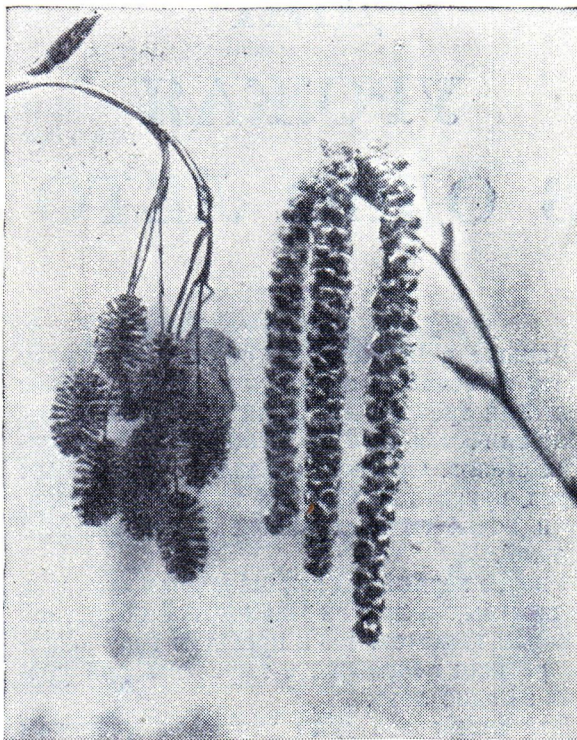
Апрель. Весна идёт по просторам нашей страны, и куда бы ни пришла весна, везде пробуждается жизнь в своём бесконечном многообразии.

Весна смотрит на нас синим глазом пролесок на опушках и проталинках, разукрашивает ветки берёзы и ольхи нежными серёжками, и серёжки эти милее самых пышных и благоуханных цветов лета, потому что они первые.

Но нигде так не удивляет торжествующая сила весны, как в пустынях. Растает под весенним солнцем скудный снежный покров пустыни, жадно впитает земля влагу немногочисленных дождей, и тотчас появляются растения-эфемеры, растения недолговечные, как мотыльки.

Эфемеры должны спешить. Им надо выбросить побеги, распуścić листочки, дать бутоны, цветы, семена за короткую весну пустыни. Им надо пройти весь свой жизненный путь, прежде чем от летнего зноя не сгорят зелёные листочки, не иссохнут корни в раскалённых, потерявших влагу песках.

Три лика весны перед нами здесь, на этих фотографиях. Первые весенние цветы — скромные серёжки ольхи и берёзы. Эфемер, расцветающий среди оживших песков пустыни, и быстрая сибирская река Ия, освободившаяся от зимних ледяных доспехов. Только на её берегу, отброшенные ледоходом, остались ещё ледяные глыбы. Под действием солнца и воды они уже теряют свою плотность, распадаются на отдельные игольчатые кристаллы и становятся похожими на прозрачные цветы каких-то небывалых чертополохов.

ДВА УРОЖАЯ В ОДНО ЛЕТО

Раньше в Чкаловской области кукурузу почти не сеяли. А в прошлом году её посе­вы достигли трёхсот двадцати тысяч гектаров. Южная гостья отлично прижилась в чкаловских степях. Суховой оказался бессильным перед кукурузой. Она не только выстояла, но и почти во всех районах дала высокий урожай.

Уже не первый год выращивается кукуруза на опытных делянках Чкаловской областной станции юннатов. Но в прошлом году юн­наты решили попробовать вырастить два уро­жая за одно лето.

Это интересное дело поручили ученикам 41-й чкаловской школы Паше Тарнову и Ди­ме Копейке. Ещё зимой ребята ознакомились с агротехникой возделывания кукурузы, по­говорили, посоветовались со специалистами.

Сев провели очень рано — 28 апреля (на

колхозных полях сеяли 8—15 мая). Для посева выбрали недавно выведенный мест­ный сорт кукурузы «Первомайская». Се­яли квадратно-гнездовым способом. Почва была влажной, поэтому заделывали семена неглубоко — на пять сантиметров.

На второй день после посева похолодало. — Взойдёт ли? — тревожились ребята.

Но тревога была напрасной. На пятый день появились всходы. Всё свободное время Ди­ма и Паша проводили на своей делянке — пололи, рыхлили междурядья, окучивали ра­стения.

Стояла сильная засуха, но кукуруза росла отлично. В начале июня сочные зелёные стебли достигли метровой высоты. 10 июня юные мичуринцы убрали урожай. Когда под­считали, оказалось, что в пересчёте на гек­тар получено двести шестьдесят шесть цент­неров зелёной массы с початками молочной спелости.

В этот же день к вечеру весь участок был снова вскопан, и на нём во второй раз по­сеяли кукурузу. Попрежнему нещадно пекло солнце, не было ни одного дождя. По совету специалистов ребята после рыхления под­кормили посе­вы калийной солью. На пять вё­дер воды разводили сто граммов калийной со­ли. Подкормка помогла, кукуруза стала раз­виваться ещё быстрее.

В конце сентября кукуруза уже укрывала ребят с головой. Второй урожай оказался ещё

Паша Тарнов и Дима Копейка на своём участке.

богаче, чем первый. В пересчёте на гектар с делянки было получено четыреста центнеров зелёной массы.

Это была победа. Первая настоящая победа юных мичуринцев!

Ребята доказали, что и в засушливых условиях Чкаловской области можно вырастить два урожая кукурузы в год, получить с одной и той же площади вдвое больше сочного корма.

В этом году выращиванием кукурузы в Чкаловской области будут заниматься больше тысячи комсомольско-молодёжных звеньев. И многие из них, используя опыт юных мичуринцев областной станции юннатов, будут выращивать по два урожая кукурузы, но только уже не на крохотных делянках, а на сотнях и тысячах гектаров.

В. Альтов

Мы рады таким помощникам

Чкаловские юннаты Паша Тарнов и Дима Копейка провели очень ценную и полезную работу. Получить за одно лето два — три урожая на одном поле — это интересная и важная задача.

Я рекомендую юным натуралистам, живущим в самых различных земледельческих зонах нашей Родины, тоже поработать над этим.

Кроме того, юннатам следует научиться получать гибриды кукурузы, которые обычно дают самые высокие урожаи. Для этого два сорта, подобранных для скрещивания, высеваются каждый в свой рядок. За делянкой ведётся необходимый уход. Как только появляются мужские соцветия (метёлки) на растениях того рядка, где посеян сорт, который, вы решили, будет материнским, метёлки надо срезать, не дав им зацвести. Тогда на участке произойдёт только межсортовое оплодотворение и будут получены гибриды.

Хорошо, если вы посеете несколько различных родительских пар на изолированных площадках. Это необходимо потому, что не каждое скрещивание даёт урожайные гибриды. На следующий год вы сможете уже получить сложные гибриды, скрестив пары гибридов друг с другом.

В местах, где сеют озимую рожь и смесь вики с овсом, можно попробовать, когда урожай будет убран, засеять эти поля кукурузой на силос или зелёный корм. Можно также постараться получить два — три урожая вико-овса на одном участке. Земля не должна оставаться пустой.

Юные натуралисты могут помочь в решении ещё одной важной практической сельскохозяйственной проблемы шестой пятилетки. Большинство из вас знает, что гороховый суп, гороховое пюре весьма вкусны и питательны. Горох хорошо растёт на наших землях, но собирать его урожай очень трудно. Несмотря на усилия селекционеров всего мира, им не удалось вывести сорта гороха с прочным стеблем. Горох полегает и сейчас так же, как он полегал семь тысяч лет назад при начале его возделывания. Его нельзя убирать механизированным способом.

Я прошу вас, юннаты, заложить опыты по посеву гороха с овсом, пшеницей, горчицей или другими культурами, по вашему усмотрению.

Вам надо найти такую норму посева гороха и поддерживающих его культур, при которой горох не поляжет и его можно будет убирать комбайнами. Пусть процент растений гороха в смешанном посеве будет велик; всё равно это поможет быстро убирать горох на больших полях. А когда урожай будет собран, отделить горох от других культур очень легко на специальных машинах.

Займитесь этими опытами, и вы сможете оказать большую помощь сельскому хозяйству.

Д. В. Горюнов,

кандидат сельскохозяйственных наук,
Главный ботанический сад Академии наук СССР

СИМПАТЯГА

Рассказ Николая Воронова.

Рисунки Ф. Глебова.

Пёс из породы восточноевропейских овчарок, Симпатия, скрестил на перилах балкона передние лапы, свесил морду и смотрит вниз, на мостовую, покрытую ледяной коростой. Глаза у него коричневые, спина чёрная, пористый и влажный нос кажется сделанным из каучука.

Всё, что движется на шоссе: красно-жёлтые автобусы, грузовики, легковые машины, милиционер с полосатой палочкой, — давно знакомо Симпатяге.

В доме напротив, большом, тёмном, точно свинцовом, вспыхивает в окнах свет, поэтому пёс всё чаще поглядывает на фонарь, возле которого останавливаются автобусы: он ждёт Константина, хозяина.

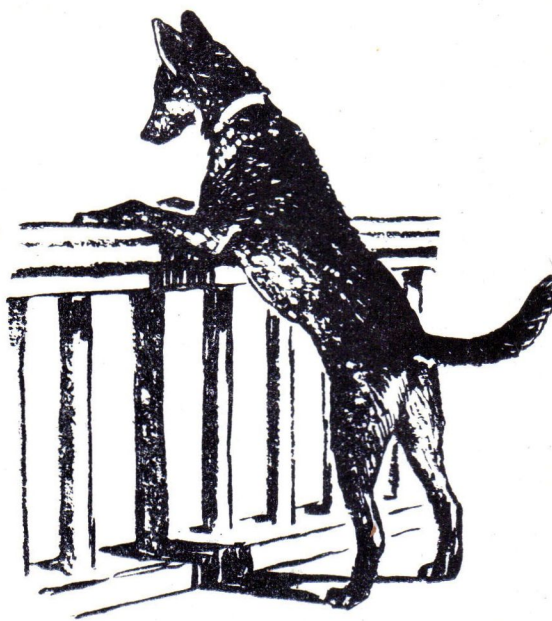
Симпатия дрожит всем телом: замёрз. Ему хочется есть: пуста со вчерашнего дня помятая алюминиевая чашка. Когда ветер доносит сладкие кухонные запахи, Симпатия скулит потихоньку, чтобы не слышала жена хозяина Клара.

А на улице темней и темней. Уже видны не только глаза светофоров, но и лучи их, то жёлтыми, то красными, то зелёными столбами протягивающиеся в воздухе.

Начинает валить снег. Белые хлопья напоминают разваренные рисовые зёрна. У Симпатяги бежит слюна. Он слизывает снежинки с перил. Холодный шершавый чужон больно щиплет язык.

К фонарю подплывает очередной автобус. Выскакивают люди, рассыпаются в разные стороны, но попрежнему не видно среди них Константина. Симпатия взвизгивает от досады, заглядывает сквозь стекло балконной двери в комнату: не прозевал ли хозяина? Может быть, он уже дома? Но в комнате всё ещё нет того, кого он ждёт, а есть та, которую давно хочется искусать. Она лежит на диване. На ней шёлковый халат. В руках книга, оранжевая, в золотых жилках.

До того, как появилась в жилище Константина Клара, Симпатия обитал не здесь, на балконе, а там, в комнате. Его место было между гардеробом и диваном. Хозяин часто и ласково хлопал его по загривку, хорошо

кормил и даже баловал конфетами. Вечерами, положив на стол большую доску и приколол к ней лист толстой бумаги, Константин заставлял Симпатию лежать у стола, а сам сгибался над доской, шуршал какими-то сверкающими штучками по бумаге. Порой, выпрямившись, хозяин брался за подбородок и задумчиво насвистывал, а потом весело вскрикивал: «Верно! Так!» — и щекотал пса концом длинной линейки.

Летом они отправлялись в деревню. Хозяин с рюкзаком за спиной ехал на велосипеде, Симпатия бежал позади. В городе было душно, пыльно, пахло заводской гарью, размякшим асфальтом, дымком, что вылетал из-под машин.

За окраиной начиналась степь. Запахи резко менялись: становились ароматными, нежными, и даже дорожная пыль, отдающая бензином, вкусно пахла солнцем и дождём.

Симпатия перепрыгивал канаву, развалившую землю вдоль большака, летел над травами и цветами. Пушистыми белыми волнами перекачивались на ветру ковыли, склонялись малиновые шапки колких, как ежи, татарников, взлетали в воздух жаворонки. Иногда случалось странное: какой-нибудь жаворонок не оставлял гнезда, притаивался, вытянув шею. Недоумевая, почему птичка, которая может свободно уместиться в пасти, не испугалась его, Симпатия замирал над гнездом, наблюдая за тем, как время от времени дымчатое веко затягивает бесстрашный глазок жаворонка.

Не тронув хохлатого смельчака, довольный своим великодушием, пёс бежал дальше. За степью вставали горы, сначала утыканные кривыми, низкими лиственницами, затем — жиденькими берёзками, а после, в конце пути, — соснами, елями, ольхами, такими долговыми, что на вершины их нужно глядеть, высоко задрав морду.

Останавливались они в пятистенном доме, над коньком крыши торчал белесый шест антенны. В доме жили старик Лука, его дочь Нюра и её сынишка Павлуша, сивый, вёрткий, в длинных брюках, стянутых ремнём на груди.

Старик Лука носил соломенную шляпу, такую же медножёлтую, как его лысина; ходил он, сильно согнув колени, подпирая поясницу руками.

В погожие дни он сидел на чурбаке.

Подсушит штанины, выставит взбухшие фиолетовые ноги и жарит их на солнце. Всякому, кто заходил во двор, Лука жаловался:

— Исходились, изработались ноженки мои, — и давил большими расплюснутыми пальцами на ногу ниже колена: — Вот, смотри: надавил — ямины остались. Как из воска ноги у меня. Врачи так и определяют: восковидность. Травка есть такая. Медвежье ухо. Пью еённый отвар. А то бы совсем обезножил.

В ненастье старик сидел в прихожке, резал табак, катал сковородкой дробь, а чаще молот пшеницу на ручной мельнице.

Нюра целыми днями пропадала на работе. Она была членом кустарной артели: рубила срубы, ладила сани-розвальни, кошёвки, плела коробки. Говорила она басом, как мужчина, курила.

Большая часть забот по дому и хозяйству лежала на плечах Павлуши. Он и еду готовил, и огород полот, и сети ставил, и масло пахтал, и на районном базаре рыбу и яйца продавал.

Лука говорил о внуке:

— Павлушка у нас, будто вихорь: вскипел в одном месте, а ты уж в другое гляди, он уж там крутится. В нашу породу пошёл, в Лесогоровых! У нас в руках дело огнём горит!

Симпатыге нравились все трое: и Лука, и Нюра, и особенно Павлуша. Старик и женщине он позволял гладить себя, а от мальчика даже пищу принимал, несмотря на то, что это почему-то сердило Константина. Чтобы хозяин не видел, что Павлуша кормит его, Симпатыга убегал за сарай, туда, где рос дупластый вяз. Мальчик приходил следом, с глиняным черепком, наполненным ухой, или щами, или простоквашей, вынимал из кармана ломоть хлеба, сдувал с него пыль, крошил в содержимое черепка. Пока Симпатыга ел, настраивая уши: «Не идёт ли Константин?», — паренёк сидел перед ним, заглядывал в глаза, восторженно тёр ладошкой по голове, кудрявил сивые вихры. Когда пёс заканчивал свою тайную трапезу, Павлуша бросался к нему, норовил свалить. Симпатыга вырывался, вставал на дыбы и, облапив Павлушу, легонько прихватывал зубами его ухо. Тот залиvisto смеялся, поддевал Сим-

пятагу за ногу, но побороть не мог. И тогда пёс нарочно валился в траву под торжествующие возгласы Павлуши.

Когда жили в деревне, Константин меньше обращал внимания на Симпатыга, чем в городе. Почти всё дневное время он проводил на берегу: стоял неподалёку от воды и забрасывал длинную прозрачную лесу в речку, где она перекачивалась по гальке. Если Симпатыга спокойно лежал возле него, следя за тем, как он выбрасывает из воды бешено трепещущих рыбок с кремовыми хвостами и стеклянно-зелёной чешуёй, то хозяин не замечал его, но стоило направиться к перекату, чтобы полатать воды, как он замахивался удилищем:

— Куда?! Назад! Пшёл!

Симпатыга, виновато понуриив голову, убежал далеко вверх по реке и там утолял жажду.

Однажды Константин пошёл в горы, долго лазил по ним и сел отдохнуть. Симпатыга, поотставший от него, стал спускаться вниз. Когда до хозяина было совсем близко, он решил незаметно подползти к нему. В таких случаях, если это удавалось Симпатыге, Константин радовался:

— Молодчина, овчарёнок мой, обхитрил! — И награждал чем-нибудь вкусным. Отвалив на губу язык, пёс бесшумно подкрадывался. Вот уже просвечивает сквозь куст голубая рубашка Константина. Вдруг около рубашки качнулось что-то чёрное. Симпатыга тревожно раздвинул мордой ветки. Чёрное покачивалось взад-вперёд. Оно было гибкое, изогнутое, как шея у гуся, изо рта выскакивало что-то тонкое, раздвоенное, вьющееся. Незнакомое существо напряглось, потянуло свою голову с глазом, похожим на чёрную икринку, к локтю Константина и зашипело. Хозяин обернулся и замер. По его испуганному лицу Симпатыга понял всё, прыгнул, разодрав куст, и схватил чёрное зубами как раз возле головы, на изгибе.

Вскоре чёрное перестало скатывать кольцами своё круглое тело. Константин поднял его палкой и брезгливо отбросил в сторону.

— У, змеища проклятая!

Потом он долго гладил пса по морде и ушам, приговаривал:

— Милый спаситель мой! Прекрасный овчарёнок мой!

Этим же летом, после того, как вернулись из деревни, к хозяину стала заходить Клара. Едва появившись в комнате, она сердито взглядывала на Симпатыгу и говорила, отставляя мизинцы:

— Костечка, убери куда-нибудь овчарку.

Собачатиной разит, да и боюсь я её. Вон у неё какие зверские глазищи.

— Что ты, Кларуша, Симпатыга — чистюля! К тому же умный, не тронет. И глаза у него предобрые.

— Удали, говорю, овчарку, а то уйду! — Голос Клары, вначале ласковый, вкрадчивый, делался твёрдым, злым.

Хозяин бледнел, рывком распахивал дверь.

— Симпатыга, в коридор!

Осенью, когда уже облетели деревья, Константин с чужими людьми начал вносить в квартиру какие-то вещи. Один из них, внося узел, уронил круглую подушечку, на которой был вышит павлин. Она пахла Кларой. Хотя Симпатыга не любил Клару, он поднял подушечку и понёс на диван. В это время вплыла в комнату владельца подушечки, злобно взвизгнула и, схватив швабру, ударила ею по ноге Симпатыги.

Пёс долго не вставал на ногу, Константин привязывал к ней плоские дощечки и обматывал бинтом.

Пока Симпатыга болел, он находился в коридоре, а затем хозяин сделал в углу балкона навес и перевёл пса туда.

С тех пор Симпатыга часто сидел голодный и наедался лишь вечером: утром Константин только успевал его вывести погулять и потом торопливо бежал к автобусной остановке.

В последнее время хозяин приходил поздно. Вот и сейчас его нет и нет. Много раз подкатывали к фонарю автобусы и, выпустив пассажиров, отъезжали; лучи светофоров в сгустившейся темноте стали дальше пробивать воздух, а высокая фигура Константина всё не появлялась на тротуаре. Симпатыга устал метаться по балкону, лёг под навес на холодную бетонную плиту. После ухода Константина Клара зачем-то убирала подстилку, а к вечеру выбрасывала, но сегодня она, наверное, забыла выбросить её. От холода и голода Симпатыга и сам не заметил, как жалобно и протяжно взвыл.

Клара крикнула в комнате:

— Замолчи, зверюга!

Немного спустя дверь балкона открылась, и Клара вывалила в чашку тюрю из кусков ржаного хлеба. Хотя Симпатыга и ненавидел Клару, он так хотел есть, что, едва захлопнулась дверь, бросился к чашке и жадно проглотил крупный раскисший кусок, а через мгновение отпрянул назад и начал кататься по бетонному полу, взвизгивая и скуля. Огненная боль раздирала нос, пасть, глотку и внутренности. Будто нос прижгли головеш-

кой, а в пасть, глотку и живот насыпали горячих углей.

Когда пришёл Константин, Симпатыга лежал без памяти, неподвижный и дряблый.

— Плохо же ты, овчарёнок, встречаешь меня. Захворал? А я уже и покупателя на тебя нашёл. Жалко, а продам. Жизнь-то у тебя хуже собачьей. Ну, что молчишь?

Он наклонился над Симпатыгой, потрогал за морду. Тот застонал.

— Постой, постой! Кровь?! Откуда?!

Симпатыга не видел, как хозяин бросился к чашке, как понюхал содержимое и вскрикнул:

— Ах, змеища!

Не видел он и того, как ладонь Константина влипла в сытую и румяную щёку Клары.

Очнулся Симпатыга глубоко за полночь, в коридоре. Под ним был коврик, на спине лежала фуфайка. Неподалёку стояла тарелка с молоком.

Он подполз к ней, окунул морду в молоко, опять почувствовал огненную боль и стал падать в какую-то чёрную яму, в которой летали зелёные искры.

Утром хозяин перенёс его в ванную комнату и ушёл, закрыв снаружи на крючок.

До возвращения Константина Клара дважды проходила мимо ванной на кухню. Ненависть к этой женщине заставляла пса вскакивать и рычать.

Шли дни. Лёжа в ванной комнате, Симпатыга всё чаще вспоминал Павлушу: как мальчик кормил его возле дуластого вяза, как давал ему в зубы корзинку с яйцами, когда ходили на районный базар, как плавал с ним в бочажине, над которой висели чёрные бусины черёмухи. И чем больше тосковал Симпатыга по Павлуше, тем сильнее

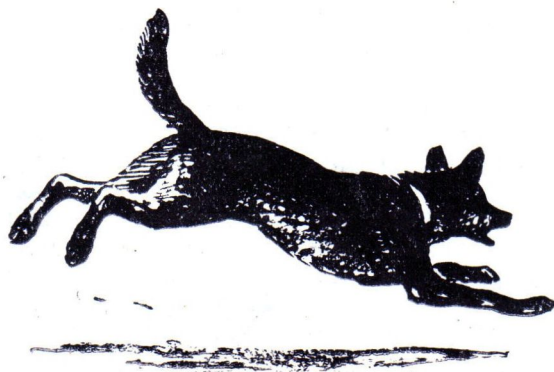
озлоблялся против Клары. Он немного окреп, и теперь, заслышав её ненавистные шаги, сопровождаемые шелестом халата, кидался на дверь и так яростно лаял, что звенели в ванной комнате стёкла.

Как-то утром, когда хозяин вёл его на прогулку, на лестнице им встретилась Клара. Симпатыга зарычал и ринулся на неё. Константин едва сдержал его; острые когти пса успели только вспороть беличью шубку.

На улице Константин отхлестал его и, давши отлежаться, спустил с поводка. Симпатыга пробежал по двору, нырнул под арку и выскочил на тротуар. Хотя было ещё сумеречно, он увидел далеко в конце улицы, на бугре, синий силуэт водонапорной башни. Там, за этой башней, кончался город. Стремительными прыжками Симпатыга помчался вверх по улице.

Большая, белая, словно засыпанная сахаром, открылась его глазам степь. Вдали, красные от утреннего солнца, усталыми верблюдами лежали горы. Сердце пса туго и звонко заколотилось. На миг померещились: Павлуша, смеющийся, тоненький, в брюках, стянутых ремнём, старик Лука, выбирающий дробь из сковороды, мужиковатая доброглазая Нюра, отсекающая от бревна кудрявую щепу. Он радостно залаял, побежал было, но тут же остановился: потянуло к хозяину. Ходит он, наверно, сейчас по улицам и зовёт: «Овчарёнок! Овчарёнок!»

Симпатыга повернул обратно и опять остановился: вспомнил жестокую Клару, огненную боль, беличью разодранную шубку. Переминаясь с ноги на ногу, Симпатыга постоял в нерешительности и побежал к горам, за которыми жил Павлуша. Дорога была накатанная, пахла резиной колёс, лошадиным помётом и лилась вперёд лентами санного следа.

С этого наблюдательного пункта видно далеко вокруг; отсюда удобно наблюдать за чайками.

НА ОЗЕРЕ КИЁВО

Под Москвой, около станции Лобня, есть небольшое заросшее камышами и тростником озеро Киёво. Если взглянуть на него осенью, оно покажется ничем не примечательным.

Между тем озеро это — заповедник, представляющий большой научный интерес.

Замечательно это озеро тем, что на нём расположена огромная колония речных чаек. Несколько тысяч птиц прилетает сюда каждый год ранней весной, и тихое, спокойное озеро наполняется неумолчным гамом.

Ребята, которые учатся в Лобненской средней школе, расположенной на берегу озера, любят чаек и берегут их.

В прошлом году весна была поздней. 5 апреля прилетела первая партия чаек — «разведка», а 9 апреля прилетели и все остальные. Ещё стояли морозы, озеро было покрыто толстым слоем снега. Чайкам нечего было есть.

Ребята беспокоились. Вместе со своей учительницей биологии Марией Григорьевной Коняхиной стали думать, как спасти чаек. Решили устроить на снегу, на середине озера, кормушки. Собрали дома куски хлеба, остатки каши, крупы. Килограммов десять разной еды сразу высыпали, и чайки прямо на глазах у ребят всё склевали.

Каждый день школьники набирали по несколько ведер корма и относили чайкам, пробираясь на лыжах к середине озера.

Но птицам и этого было мало. Они прилетали в посёлок, забирались на помойки и там искали чего-нибудь съедобного.

Наконец зима кончилась. В начале мая чайки начали вить гнёзда. Ребята снова решили помочь своим пернатым друзьям. Принесли на берег озера огромные охапки веток, сухой травы, мха. Чайки ловко расхватывали «строительный материал» и разносили по своим гнёздам.

Ребята берегут и охраняют чаек, потому что знают, какую огромную пользу приносят эти птицы, уничтожая вредных насекомых, очищая поля от грызунов, водоёмы от гниющей мёртвой рыбы.

Охота на чаек запрещена по всей Московской области, но всё ещё находятся браконьеры, которые не прочь ради развлечения подстрелить чайку.

Стоит раздаться выстрелу, туча чаек поднимается в воздух и с криками начинает кружиться над озером. Ребята узнают, что их друзьям грозит опасность, немедленно бросаются к озеру и обычно приводят растерявшегося браконьера в школу или в сельсовет.

Школьники не только бережно охраняют чаек, они ведут точный учёт их гнёзд.

Прошлым летом у ребят на учёте было двенадцать тысяч гнёзд. В конце июня ребята проводили кольцевание чаек. В это время в гнёздах были и уже совсем взрослые птенцы, которые умели летать, и маленькие — «пуховички», и почти в каждом гнезде было по одному — два яйца.

Когда ребята начали кольцевание, чайки встревожились. Туча птиц с громкими криками поднялась в воздух. Заволновались и птенцы. Взрослые убегали, а малыши пищали и больно щипались.

Ребята окольцевали сто птенцов: надели на лапки маленькие алюминиевые кольца с номерами Центрального бюро кольцевания.

Что-то встревожило чаек, и они с криком поднялись в воздух. Но птицы напрасно всполошились: ребята никому не дадут своих друзей в обиду.

Летом чайки с озера Киёво весёлыми стайками летают за теплоходами на Канале имени Москвы.

Весной и осенью, когда на полях идёт вспашка, чайки ходят за плугами и выбирают из земли личинки насекомых.

Москвичи хорошо знают своих чаек. Но знают их и далеко за пределами нашей Родины. На зиму подмосковные чайки улетают в далёкие тёплые страны.

Кольца, присланные из этих стран, помогают проследить пути птичьих перелётов.

Большую помощь учёным, изучающим озеро Киёво, оказывают ребята.

П. Петряев

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

«Волшебное» число

7
почему

Дорогая редакция!

Почему в русских пословицах часто встречается число семь? Например: «Семь раз отмерь, один раз отрежь», «Семеро одного не ждут», «Корми курицу семь лет, всё равно один обед», «Семь бед, один ответ».

Ответьте мне, пожалуйста. Меня это очень интересует.

Алла Савченко.

г. Литвинов, Каменской области.

Ты права, Алла, число семь часто встречается в русских пословицах и поговорках. Твой перечень можно ещё пополнить: «Один с сошкой — семеро с ложкой», «Семи пядей во лбу», «До седьмого пота», «С одного вола семь шкур не дерут». Кроме того, в сказках встречаются семимильные сапоги, семь богатырей, семь жён Синей бороды, волк и семеро козлят, семь братцев мальчика-с-пальчик, семь богатырей и мёртвая царевна, семь горошин в стручке и так далее.

Заметь, что эти примеры уже не только из русского языка и из русских сказок. С числом семь ты можешь столкнуться так же часто в пословицах, поговорках и сказках других народов.

Многочисленности всех этих семёрок может быть два объяснения.

Во-первых, число семь с древних языческих времён считалось чародейским, волшебным, имею-

щим особый, таинственный смысл, особую, таинственную силу, и его поэтому любили употреблять. Про мнимую волшебную силу числа семь уже давно забыли, а в языке остался след от этих старых верований и суеверий.

Во-вторых, десятичный счёт, которым теперь пользуются люди на всём земном шаре, не всегда был единственным. Существовал когда-то и семирочный, и восьмиричный, и пятиричный счёт, то есть считали не десятками, а семёрками, или восьмёрками, или пятёрками.

При счёте пятёрками, например, двузначные числа начинались не с десяти, а с пяти, а при счёте семёрками — с семи.

Семёрки в пословицах могут быть отголосками древнего семирочного счёта.

М. Данилевич

Радиокомандир

Здравствуйте, дорогая редакция!

Я хочу знать, как действуют корабли, управляемые по радио.

Александр Беспрозванных.

посёлок Шкотово, Приморского края.

В конце первой мировой войны в одном из морских портов произошло чрезвычайное происшествие. Охрана порта ещё издали заметила в бинюк идущую с большой скоростью моторную лодку, на которой, к удивлению наблюдателей, не было ни опознавательных знаков, ни людей.

Растерявшаяся охрана ещё не успела что-либо предпринять, как загадочная лодка ворвалась в порт и стремительно понеслась прямо к каменной стене набережной. Ещё мгновение — раздался взрыв, и в массивной каменной стене образовалась огромная двенадцатиметровая пробоина.

Таинственная лодка была начинена взрывчатыми веществами, а управлялась она по радио с сопровождающего её самолёта, который после взрыва скрылся.

Как же управляют кораблём по радио?

На современном корабле большинство работ механизировано. Морякам теперь не приходится самим поворачивать руль, спускать или поднимать якорь и делать многое другое. Эту работу за них совершают различные механизмы, а моряки, нажав кнопку или повернув ручку, включают или выключают эти механизмы.

Теперь представь себе, что около каждой кнопки и ручки управления поставлены радиоприёмники, у которых вместо громкоговорителя включён электромагнит.

Как только в радиоприёмнике появится сигнал из антенны, через электромагнит пойдёт ток. Сердечник намагнитится и притянет к себе ручку управления или нажмёт на кнопку и этим самым заставит действовать различные судовые механизмы, связанные с ним.

Все радиоприёмники присоединены к одной антенне, но настроены они на приём волн разной длины. Каждый приёмник принимает только ту волну, на которую он настроен.

Вот, например, нажали кнопку «полный вперёд», и этим самым включили передатчик, который послал в пространство сигнал волны определённой длины. Попав в антенну корабля, этот сигнал будет принят только тем приёмником, который настроен на волну такой же длины и который управляет кнопкой «полный вперёд». При появлении сигнала

через электромагнит этого радиоприёмника потечёт ток, и электромагнит нажмёт кнопку «полный вперёд».

Вот так и осуществляется управление по радио кораблями, самолётами и другими механизмами.

Советую тебе, Александр, прочитать хорошую книгу С. Д. Клементьева «Радиоуправление моделями кораблей», изданную в Детгизе. В ней подробно рассказано, как самому построить модель корабля, управляемого по радио.

Инженер Ю. Авалиани

Живой объектив

Дорогая редакция!

Я давно хочу понять, как видит глаз. Прошу Вас рассказать об этом.

Серёжа Орлов.
г. Новосибирск.

Сначала я расскажу тебе, Серёжа, как устроен фотоаппарат, потому что глаз очень на него похож.

У фотоаппарата свет, идущий от различных предметов, проходит через оптические стёкла — линзы. Эти линзы так изменяют направление световых лучей, что лучи попадают на фотопластинку или плёнку в глубине камеры и дают там уменьшённое изображение предметов.

В глазу тоже есть оптические линзы. Первая из них — роговица. Она имеет выгнутую форму, как часовое стёклышко. Миновав роговицу, свет проходит через зрачок — небольшое отверстие в радужной оболочке. А за этим круглым окошечком находится вторая линза. Она имеет двояковыпуклую форму, как чечевичное зёрнышко, и называется хрусталиком. Дальше свет проходит через прозрачное вещество, наполняющее весь глаз, и попадает на заднюю стенку глазного яблока, а там находится сетчатка. На ней-то и получается изображение, как на фотопластинке. Но тут и кончается всё сходство с фотоаппаратом. Ведь фотоаппарат сам не может приспособить свои линзы так, чтобы получилось ясное изображение. Человек регулирует и передвигает их, как надо, человек уменьшает и увеличивает отверстие в особой перепонке — диафрагме, — чтобы усилить или ослабить пучок света, падающий внутрь фотокамеры. А вот хрусталик в нашем глазу становится то более плоским, то

более выпуклым, в зависимости от того, смотрим ли мы на далёкий или на близкий предмет. В радужной оболочке находится зрачок, который с помощью специальных мышц сжимается или расширяется. Он увеличивается или уменьшается, пропуская больше или меньше света.

Фотоаппарат не знает ничего о том изображении, которое получилось внутри, на фотопластинке. «Не знает» и наш глаз, взятый сам по себе. Как же мы видим?

В сетчатке глаза заключены особые клетки: палочки и колбочки. Их очень много, около ста сорока миллионов. Когда на сетчатку попадает изображение предмета, палочки и колбочки под влиянием света раздражаются, и это раздражение по нервным путям передаётся в нервные клетки мозга. Все предметы освещены не одинаково, и оттенки падающего на сетчатку изображения с различной силой раздражают колбочки и палочки. В нервных клетках мозга происходит соединение отдельных раздражений в зрительный образ, и в результате получается полное представление о рассматриваемом предмете. Именно с того момента, когда световое раздражение передаётся в мозг, человек может сказать: «Я вижу».

Л. Курилова,
кандидат медицинских наук

Почему кошка видит в темноте

Дорогая редакция!

Мне очень интересно, видят ли кошки в темноте, а если видят, то почему. Объясните, пожалуйста.

Лариса Находкина.
г. Омск.

Кошки в темноте видят лучше, чем человек, потому что сетчатка глаз кошек состоит исключительно из палочек, которые называются клетками сумеречного зрения. Чувствительность палочек к свету очень высока, поэтому они воспринимают совсем слабо освещённые предметы. А предметы освещены и ночью. Даже в самую тёмную ночь не бывает абсолютной темноты.

Кроме того, у кошек хорошо развиты органы осязания: щетинки усов, надбровные щетинки, во-

лоски по краям ушей и так далее. Они помогают кошке ориентироваться в пространстве среди близко стоящих предметов, даже не касаясь их.

Бывают и люди с сумеречным зрением. Их называют никталопами. Если ты помнишь, один из героев Жюль Верна, Жак Паганель, тоже был никталопом.

Л. Курилова,
кандидат медицинских наук

ИЗ ПУТЕВОГО АЛЬБОМА

В Болгарии я бывал дважды. Последний раз — совсем недавно, прошлой осенью. Хорошо путешествовать в этой чудесной стране: не чувствуешь себя чужанином. Речь похожа на нашу. Если собеседник не торопится и говорит медленно, почти всё можно понять. А главное, люди там весёлые, гостеприимные, приветливые, особенно когда узнают, что ты русский.

В столице Болгарии Софии, когда мы приехали, только что выпал снег. Настоящая зима, белая, пушистая, искристая, пришла на целый месяц раньше обычного. Мне, видевшему эти места летом, зимняя заснеженная София показалась по-новому красивой, хотелось рисовать и рисовать, хотелось увезти с собой в набросках и этюдах всё то, что открывалось глазам. Но не поработав и полчаса, как пальцы начинают стын timer, становятся от холода непослушными, неповоротливыми, кисть не держат, хоть бросай!

Тогда я вот что придумал: захожу в какой-нибудь магазин или в мастерскую, прошу разрешения погреться и порисовать, что видно из окна. Не успеешь сказать, как поднимается переполох: тащат стул, усаживают к горячей печке, кто-нибудь поспешно протирает окно до блеска, если даже оно и без того чистое. Чувствуешь себя так, словно ты пришёл к старым друзьям в гости, а они только и ждали тебя, не знают, как принять получше.

Из Софии мы поехали в Пловдив, второй по величине город Болгарии. Когда добрались до него, был воскресный вечер, поэтому мы не могли... проехать по улицам. В воскресные дни здешние горожане не сидят дома. Весь город выходит на прогулку, и улицы, залитые людским потоком, безнадежно непроходимы для транспорта. Чтобы попасть к гостинице, автобус наш долго петлял и крутил по самым глухим переулкам, где уже ни у кого нет охоты гулять.

Пловдив — старинный город, раскинувшийся на семи холмах. Как память былого остались в нём старинные турецкие кварталы с узкими, хаотически перекрещивающимися улочками, с высокими иглами минаретов над старыми мечетями, с домами, у которых верхние этажи выступают над нижними так, что кажется, дом наклоняется к дому пошептать о чём-то. Иногда они почти сходятся, и хозяйка, живущая в верхнем этаже, легко может передать из окна в окно кастрюльку или луковицу взаимы соседке, живущей напротив.

Очень интересный в Пловдиве базар: с горами фруктов, овощей и яркой расписной посуды. Охотно, с весёлой, добродушной готовностью крестьяне соглашались позировать мне, и я покинул базар с богатой «добычей».

Ездили мы и в Тырново, древнюю столицу Болгарии. Это самый удивительный город из всех, какие я видел.

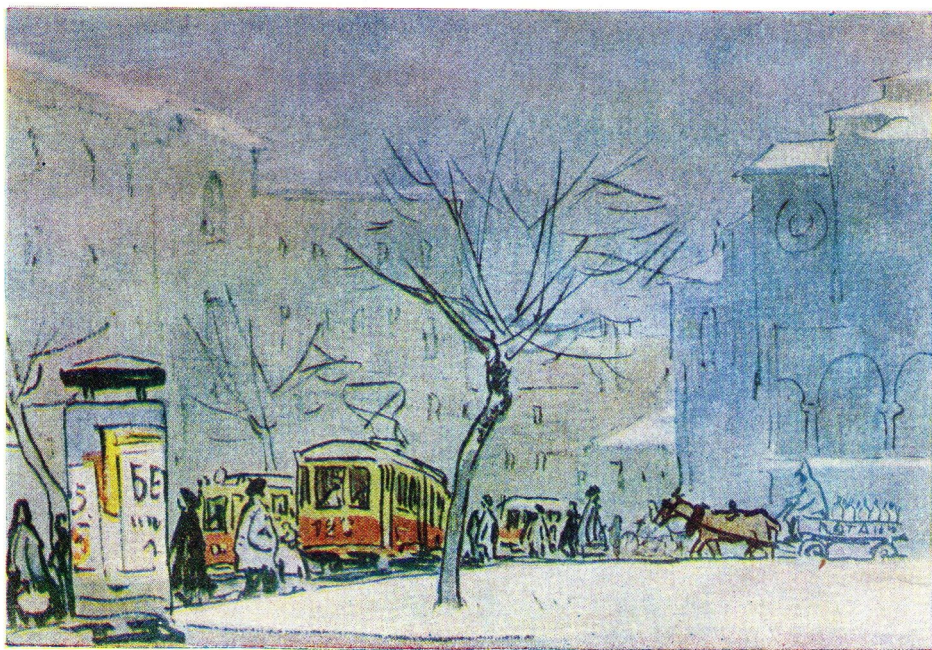
Течёт в узкой долине зажатая крутыми скалистыми склонами речка Янтра, а по этим склонам лепятся дома, как дружное семейство опёнков. В Тырново одни улицы чуть не вертикально лезут на стенку, а другие идут этажами одна над другой. Вы входите в дверь дома, выглядываете через окно в противоположной стене и обнаруживаете, что земля где-то далеко внизу. Не поднимаясь по лестнице, вы вдруг очутились на седьмом этаже, вошли в дом сверху.

Из Тырново мы ездили в село слушать прославленный крестьянский ансамбль народной песни и пляски. Там мне и удалось нарисовать музыканта, играющего изогнутым, словно лук, смычком на инструменте, похожем на виолончель.

В болгарском народном искусстве поражает близость к нашему. Их песни напоминают и белорусские, и украинские, и русские. В цветистых тонких узорах вышивок, в орнаментах гончарной посуды чувствуется всё то же родство. Ведь мы дети одной, славянской семьи!

Первый раз я был в Болгарии сразу после войны, в 1946 году. Как много нового создано за эти десять лет руками свободного болгарского народа! На каждом шагу стройка. В шести десятках километров от Пловдива город Димитровград. Он совсем недавно появился на картах. Маленькая речушка, бегущая через Софию, скоро станет полноводной рекой; плотины целой цепочки электростанций обводняют её. А в Руссе мы видели «Мост дружбы». Перекинувшись через широкий Дунай, он соединяет Болгарию с Румынией. Всё больше мостов дружбы, крепких, как сталь, вырастает между народами, живущими по его берегам.

Художник А. Кокорин

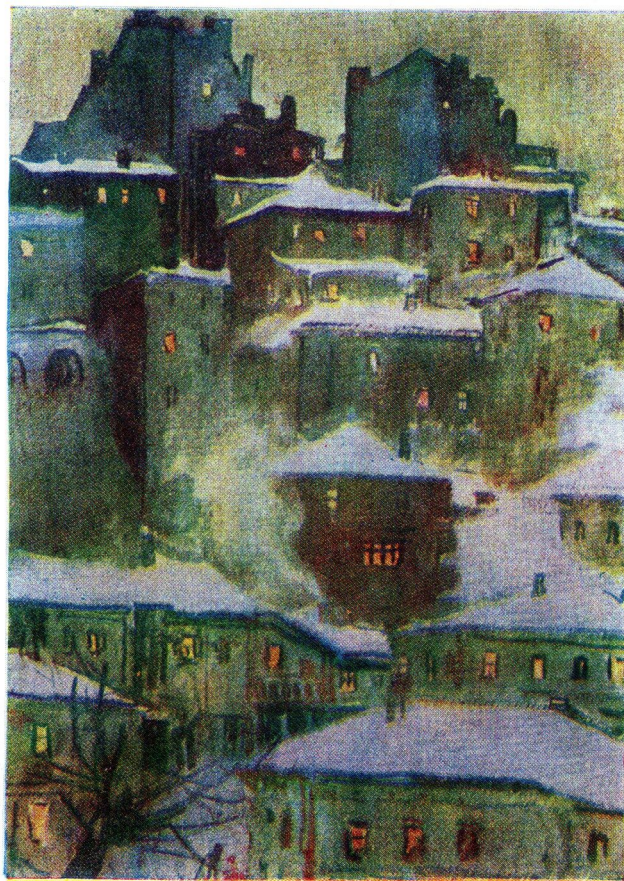
РАННЯЯ ЗИМА В СОФИИ.

СТУДЕНТ.

В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ.

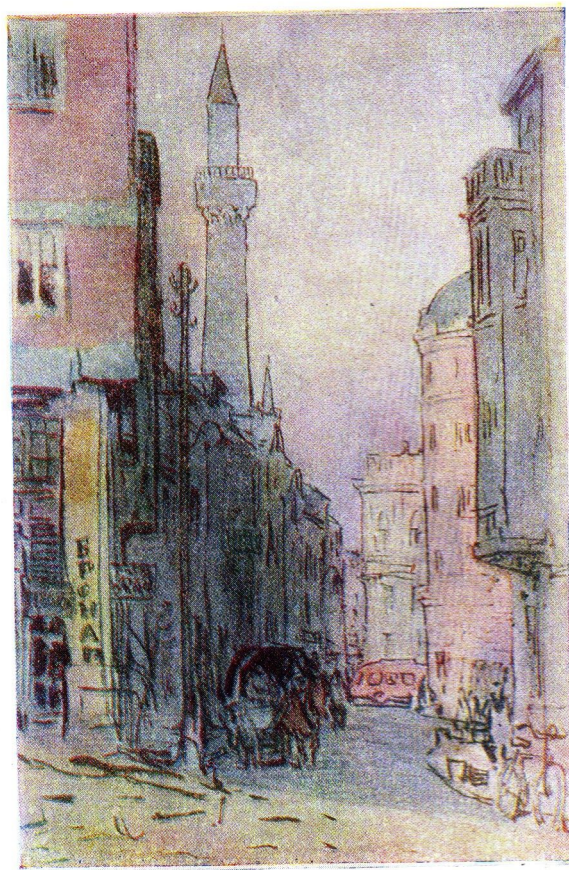
ТЫРНОВО, ВЕЧЕР.

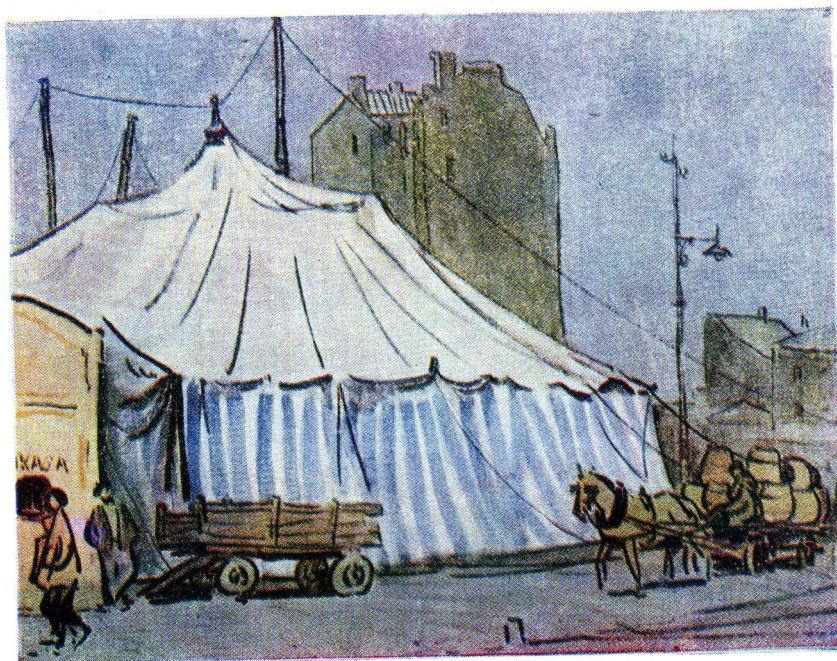
НА БАЗАР.

УЧАСТНИК АНСАМБЛЯ
ПЕСНИ И ПЛЯСКИ.

ПЛОВДИВ, СТАРИННАЯ УЛИЦА.

СОФИЯ, ЦИРК ШАПИТО.

МАЛЕНЬКИЙ ГРАЖДАНИН
СОФИИ.

Из альбома художника А. КОКОРИНА.

СКАЗКА

о малярной Кисти

Виктор Виткович,
Григорий Ягдфельд

Рисунки Е. Щеглова.

1

Зато заперли на ключ. Заперли одного в квартире за то, что он уже успел сегодня свой правый рукав выпачкать синей краской, а левый — жёлтой. И за то, что на него уже успело свалиться ведро с известкой. И за то, что на парадной двери дома, которую так старательно покрасил дворник Варфоломеем, он отпечатал всю свою пятерню, и она почти засохла и останется так до будущего Первого мая, когда Феде будет уже не семь лет, а восемь.

С завистью Федя смотрел из окна на улицу. Ах, если бы он только мог выбраться! Но он был заперт. Заперт на ключ!

Внизу около дома напротив стояли двое в комбинезонах и поливали из шланга дом краской. Половина дома была ещё старая — серая, в пятнах, а половина — уже жёлтая, почти золотая. Федя заметил, как под струёй краски исчезла надпись «Катя-ябеда», которую он написал углем.

Из-за угла выехала аварийная машина, удивительная, с площадкой на тонкой ножке. Какой-то дядя, стоя наверху, снимал с уличных проводов старые бумажные змеи и пожелтевшие голуби, сделанные из катиной тетради по арифметике. Если так пойдёт дальше, то скоро от Феде ничего не останется и никто не будет знать, что он тут живёт!

В конце улицы под полосатым зонтиком пыхтел каток, разглаживая полосы дымящегося асфальта. Интересно подложить под каток папины карманные часы и посмотреть, как они сплющатся и превратятся в большие стенные часы. А возле булочной к стене подвешивали новенькую водосточную трубу. Погудеть бы в неё! Вот бы все испугались!

— Федька! — раздался снизу крик. — Давай сюда!

Это федин приятель Мишка, сияя, нёс резиновую кишку за дворником Варфоломеем. Сейчас они будут поливать улицу. И это тоже без него! Федя мрачно отвернулся и сказал:

— Я занят.

На его счастье и на зависть Мишке, по карнизу этажом ниже шла кошка, отряхивая лапки от ещё не высохшей краски. Федя сейчас же спустил ей на верёвке бумажку. Но

тут из окна выглянула тётя Липа. Бумажка хлопнула её по носу. И тётя Липа, взглянув вверх, подняла крик, перечисляя преступления Феде за неделю. Вчера, кричала она, его химический карандаш упал на балкон в кастрюлю с окрошкой! А позавчера, кричала она, его мыльный пузырь влетел в рот её мужу, спавшему на диване!

— Я не хотел... — сказал Федя и зевнул.

От крика тёти Липы у него всегда стоял звон в ушах и его клонило ко сну. Будто сквозь туман, Федя слышал, как она кричала ещё что-то. Он смотрел слипающимися глазами и видел, как в соседнем квартале развешивали красные флаги, как на перекрёстке укрепляли репродуктор, похожий на огромный колпак, и далеко-далеко на высотном доме поднимали большой плакат. И всюду, куда ни глянь, белели бумажки: «Осторожно, окрашено», — и всюду торчали синие, жёлтые, лиловые ведра с краской...

Вдруг во всех домах, в квартирах, на всех вокзалах и башнях часы начали бить двенадцать. И загудели фабричные гудки. И сразу же за окном сверху показались чьи-то ноги в тапочках. Это, покачиваясь в люльке, спускался маляр, тот, который уже два дня красил лепной карниз под крышей. Спецовка маляра была вся в разноцветных пятнах. Он держал в руке золотую кисть, а в его ведре тяжёлыми волнами ходила маслянистая золотая краска.

— Кто ты такой? — спросил Федя.

— Я? — усмехнулся маляр. — Станный вопрос. Волшебник.

— А вот и нет! — сказал Федя.

— А вот и да! — сказал маляр и посмотрел на Федею весёлыми глазами.

— Разве волшебники ещё есть? — удивился Федя.

— Есть, — сказал маляр. — Во сне и в сказке.

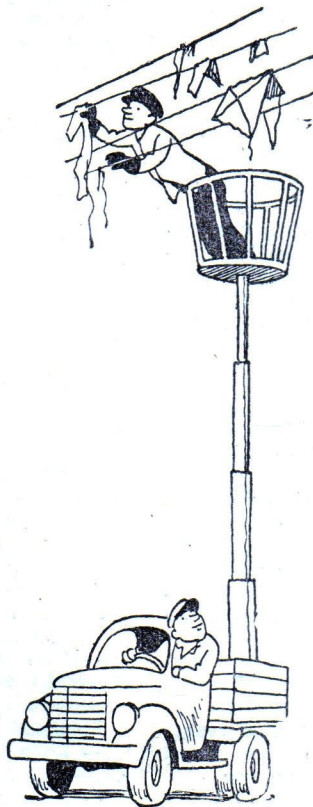
— А сейчас что: сон или сказка?

— Сказка, — подумав, сказал маляр. — Но на всякий случай не просыпайся.

Он поднял золотую кисть. И от неё, как молнии, забили лучи. И вся комната закружилась, поплыла в вихре солнечных бликов.

— Вот! — сказал маляр, протягивая кисть мальчику. — Оставляю её у тебя на целый час.

— До конца обеденного перерыва? — спросил Федя, не смея поверить.

— Да,— кивнул маляр и таинственно наклонился к мальчику.— Только имей в виду: эту кисть нельзя давать никому. Слышишь? Её хочет украсть злой волшебник Абракадабр.

— Украсть? — прошептал Федя.

— Да. Это волшебная кисть! Если ты скажешь ей: «Кисть, а кисть, хочу то, хочу это», — она нарисует всё, что скажешь. И то, что она нарисует, оживёт, делается настоящим.

— Честное слово? — спросил Федя.

— Честное слово,— сказал маляр.

Его деревянная люлька покачивалась на верёвках между комнатой Феи и солнцем, и от этого комната то вспыхивала, как шкатулка с драгоценными камнями, то погружалась в полумрак.

— Слушай,— сказал маляр.— Злой волшебник Абракадабр хочет стереть всю нашу улицу, весь наш праздник.

— Чем стереть? — спросил Федя.— Резинкой?

— Ну, резинкой,— сказал маляр.— Только, понимаешь, особой резинкой, волшебной. Которой можно стереть всё, даже тебя.

Федя хотел спросить ещё что-то, но маляр остановил его жестом.

— Больше я тебе не скажу ничего.

И его люлька словно провалилась. А кисть осталась в руках у мальчика. Золотая, волшебная кисть! Никто этого не заметил. Только внизу, в слуховом окне старого деревянного домика, какой-то старичок, не мигая, смотрел вверх круглыми, как у совы, глазами.

2

ам, внизу, на стене домика, чудом уцелевшего среди каменных великанов, висела вывеска: «Мастерская дырок». И под ней надпись помельче: «Могу в любом предмете проделать дыру любой величины».

Чтобы войти в мастерскую, надо было подняться на чердак по ступенькам, которые пищали под ногами, и толкнуть обитую войлоком дверь, где поблескивали гвозди с медными шляпками. На чердаке всегда плавал какой-то неясный полумрак. В пыльных полосах слабого света поблескивала паутина. На полу валялись дырявые ведра, кастрюли без ручек, погнутые велосипедные колёса и старое железо, рыжее и лохматое от ржавчины. Сверху из балки торчал серебряный потемневший крюк. Если бы вы знали, что это за крюк, вы бы ахнули! Но об этом дальше.

Под крюком на низенькой скамеечке сидел горбатый старичок, а возле него шныряли мокрицы, похожие на маленькие платяные щётки. Огромной резинкой, на которой, очевидно, для отвода глаз, был нарисован заяц, старичок протирал дыры в чём угодно. Резинка его гудела зловеще, как бор-машина зубного врача. Работая, старичок то и дело поглядывал на чёрного кота, дремавшего на стропилах.

Вдруг кот подскочил, его шерсть поднялась дыбом, глаза загорелись один красным, другой зелёным огнём, а от взъерошенного хвоста полетели искры. Так случилось всегда, когда на улице раздавался гудок одного автомобиля. Это был гудок такой тонкий, что ухо человека не могло его уловить. Старичок (вы, конечно, догадались, что это и есть злой Абракадабр) быстро опустил на слухо-

вом окне жалюзи, потом штору, потом занавески. В мастерской стало темно. Тогда, схватив кота за шиворот и освещая им дорогу, как фонарём, старичок открыл дверь.

На пороге стоял тот, кого он ждал. На пришедшем был серый костюм, серые туфли, серая сорочка, серый галстук. У него были серые глаза и серые волосы. Он держал в руках серую трость. Это было удобно. Он мог легко исчезнуть в пыли, сумерках или тумане. В будни он был незаметен. И только на этой улице, где всё сверкало разноцветными красками, ему приходилось опасаться, что его увидят. Поэтому он не вошёл, а вбежал. И только когда старичок закрыл дверь на крючки и засовы, гость заговорил.

— Ну-с? — спросил он.

В королевстве злых волшебников все знали: когда человек в сером говорит «Ну-с?», это значит, что их часы и даже минуты сочтены, потому что его звали Большой Ушан и он был посланником великого короля. Самые могучие волшебники, услышав его «Ну-с?», тряслись от ужаса и становились маленькими, сморщенными, похожими на грибы.

Но Абракадабр почему-то не испугался.

Это удивило Большого Ушана, и он повторил немного громче:

— Ну-с?

Его глаза стали, как две дробины. Он продолжал:

— Его величество король Вампир XVI сердится. Завтра, Первого мая, ровно в семь утра, мы должны волшебной резинкой стереть всю эту улицу, весь этот праздник! Час назначен! Но мы не можем начать нашу великую миссию стирания, пока у них в руках волшебная кисть: то, что мы сотрём, они нарисуют опять. Из-за вас срывается всё! Ну-с?

Вместо ответа Абракадабр молча открыл чулан и, держа кота в руке, поднял его, как фонарь. Красный и зелёный лучи скользнули вглубь чулана, где по углам сидели пауки-крестовики. А посреди чулана Большой Ушан увидел кисти, целый склад кистей разных размеров, малярные, ученические, кисти для художников и даже кисточки для бритья. Все они были похищены Абракадабром в поисках волшебной кисти.

Большой Ушан начал раздражённо:

— Что толку? Сколько кистей, и всё не те...

— Есть и та,— сказал таинственно старичок.— Я нашёл её. Она сейчас хранится на пятом этаже у одного мальчика.

Большой Ушан оживился.

— Кого нужно устранить? — деловито спросил он. — Папу? Маму? Дворника?

— Никого,— сказал Абракадабр.— Мальчик дома один. К тому же он заперт. А дворник... Мой кот

перебежит дорогу всякому, кто вздумает нам помешать. Он обучен магами ещё четырёхста лет тому назад.

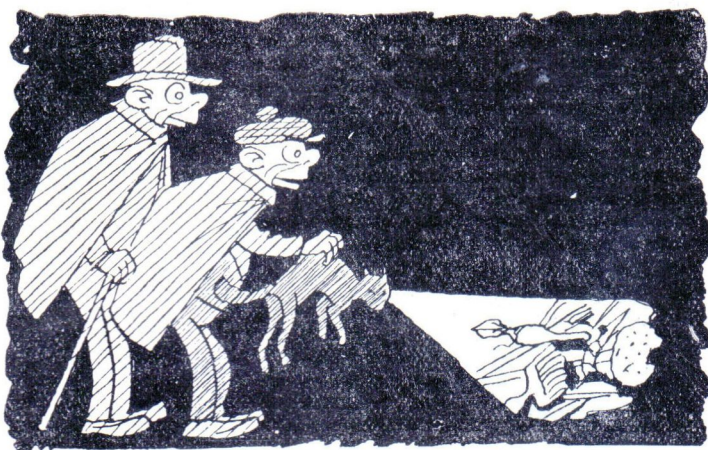
— А он не забыл этого искусства? — осведомился Большой Ушан.

Старичок молча открыл занавеску, штору, жалюзи и что-то шепнул коту, показывая на приближающуюся легковую машину. Чёрный кот выскочил в окно, прыгнул вниз, перебежал машине дорогу, и у неё сразу лопнул баллон.

Увидев это, Большой Ушан удовлетворённо потянулся и зевнул. Абракадабр любезным жестом указал на серебряный крюк. Гость подпрыгнул, перевернулся в воздухе, зацепился носками ботинок за крюк и повис. Теперь вам ясно, что крюк на самом деле был не крюк, а диван. С завистью поглядев на гостя, Абракадабр тоже перевернулся и уцепился за какой-то неудобный гвоздь в балке.

— Уф! — облегчённо вздохнул Большой Ушан. — Приятно после этого дурацкого хождения среди верхоголовых вытянуться как следует!

Молнии на его сером плаще бесшумно раскрылись, обнаружив крылья с перепонками. А крылья Абракадабра выпали из его горба, словно из пара-

ным тёмным углом». Но люди красили и строили, чем дальше, тем быстрее, развалин становилось всё меньше, и рукокрылые из-за тесноты кусались и грызлись.

Чаша терпения Вампира XVI переполнилась, когда ему доложили, что какой-то радиолюбитель-коротковолновик поймал и записал на магнитофон его королевскую речь. И хотя радиолюбитель подумал, что это атмосферные разряды, король желел стереть волшебной резинкой всю улицу, где было совершено преступление. (Вы, наверно, уже догадались, что это была та самая улица, где жил Федя.)

Но прежде всего надо было украсть золотую кисть! По велению короля Абракадабр поселился на фединой улице. Целых два года искал он волшебную кисть, живя среди людей.

И он возненавидел их. Он ненавидел их за то, что они не спят днём, а ночью зажигают огни, так

шютного мешка. И оба волшебника, висая вверх ногами, окутали крыльями свои туловища и головы.

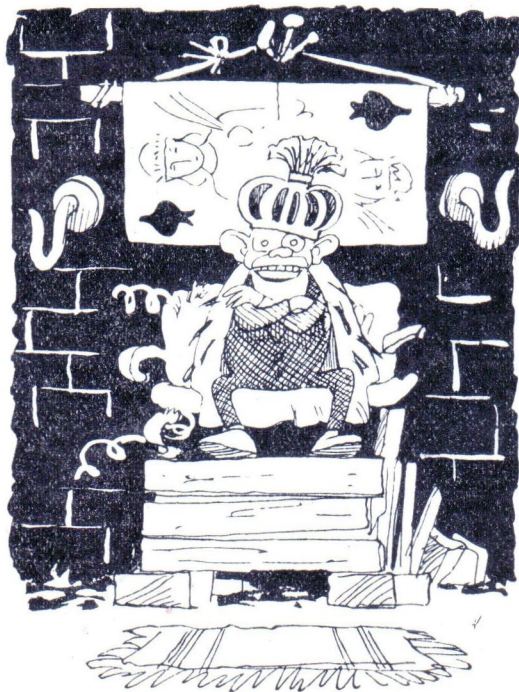
Пока они висят и отдыхают, мы расскажем про злое королевство.

3

оролество рукокрылых волшебников не имело границ. Оно было рассыпано по всему миру. Волшебники жили в развалинах разрушенных храмов, мечетей и буддийских монастырей, в остатках водонапорных башен и обсерваторий, взорванных во время столетних, тридцатилетних и семилетних войн. Те же, кому не хватало развалин, ютились под обшивкой окон и на чердаках. Больше всего волшебники ненавидели свет. Если бы у них хватило умения, они погрузили бы весь мир в сумерки. Когда их королю пришлось вылетать днём по какому-либо неотложному делу, вокруг него поднимались в воздух тысячи подданных, закрывая крыльями солнце.

Вампир XVI был самым мрачным из королей и всё время ворчал, что его подданным не хватает развалин. Он любил говорить: «Нужно иметь сто тысяч развалин, чтобы каждого обеспечить прилич-

что приходится прятать глаза за тёмными очками. Он ненавидел их детей за то, что они играли в шумные игры, и ему то и дело приходилось отгибать назад уши. Он ненавидел всех жителей фединой улицы за то, что у них всё было наоборот и даже великое слово «злой» они произносили так, как будто это не хорошо, а плохо.

Главное же, что терзало Абракадабра, — он должен был днём бодрствовать и ходить вверх головой. Конечно, он не выдержал бы такого страшного мучения, если бы не крюк, тот самый удобный, уютный крюк, на котором сейчас отдыхал посланник короля.

Повисев немного, волшебники перевернулись. Большой Ушан сухо сказал:

— Не теряйте времени!

— Успешно, — сказал Абракадабр. — Ещё целых пятьдесят минут кисть будет у мальчика.

— Пятьдесят! — вскричал Большой Ушан. — Пока вы мне это сказали, осталось сорок девять! А пока я вам ответил, осталось сорок восемь!

— Вы не так считаете, — сказал Абракадабр. — Во сне ведь время считают иначе. Во сне можно в одну секунду прожить целую жизнь.

Натягивая на руку серую перчатку, Большой Ушан насмешливо улыбнулся:

— Вы думаете, мы снимся? У меня совсем другая точка зрения.

Сказав это, он сбегал вниз по лестнице, сел в машину и захлопнул дверцу.

Его машина была точно такого же цвета, как и он сам. На сером радиаторе была укреплена головой вниз серая летучая мышь из стали. Сбоку развевался флажок королевства и на нём герб: два маленьких, совершенно чёрных сердца, а между ними

головой вверх — головой вниз дама пик. Король Вампир XVI, как и все волшебники, был суеверен и любил раскладывать пасьянсы, вот почему у него был такой герб.

Проводив Большого Ушана, Абракадабр торопливо повесил на двери мастерской табличку «Закрито на обед», сунул кота в карман, надел тёмные очки, взял костыли и, прикинувшись инвалидом, вышел. Отчаянно хромя, он направился прямо к фединому дому.

не попадала ни на одну туфлю ни одного прохожего, даже в часы пик. Варфоломей подозрительно покосился на старичка.

Заметив это, старичок наклонился, будто у него развязался на ботинке шнурок: ему, чтобы о чём-нибудь подумать, всегда приходилось опускать голову вниз, иначе у него затекали мозги. Подумав, волшебник незаметно выпустил из кармана кота.

Кот уже собирался распушить хвост и броситься

под ноги Варфоломею, как произошло новое событие. Ах, эти новые события! Как они меняют в жизни всё то, что шло гладко, тихо, спокойно и никому не мешало! На этот раз событием оказался Тузик, выскочивший из подворотни.

Несмотря на заурядную внешность, Тузик обладал храбростью овчарки, хитростью таксы, быстротой борзой, чутьём легавой, мёртвой хваткой бульдога и добрым сердцем дворняжки. Он и был обыкновенной дворняжкой. И ещё одним замечательным свойством обладал Тузик: он издавна отличал хорошего человека от плохого, и если уж лаял на кого-нибудь, можно было поспорить на порцию мороженого: этот человек задумал нехорошее дело.

Увидав Тузика, кот выгнул спину и зашипел, как скворорода. Это могло нагнать страх на кого угодно. Однако Тузик не испугался. С лаем он бросился на кота.

Кот Василий был волшебным котом, и ему, конечно, ничего не стоило бы надеть собаке таких острых пощёчин, что она с визгом удрала бы в подворотню. Однако дело происходило на улице, где, как известно, неблагоразумно обнаруживать свою принадлежность к волшебному миру. Вот почему кот помчался от собаки, доверившись целиком быстроте своих ног. И мы можем вас заверить, он поступил правильно. Тузик был псом, который не побоялся бы и самого чёрта, если бы тот неожиданно выскочил из водосточной трубы.

Спасаясь от Тузика, чёрный Вася три раза обежал вокруг Абракадабра и прыгнул ему в карман. А Тузик, покосившись на костыли инвалида, что-то проворчал про себя и удалился.

Подумать только! Кот перебежал дорогу самому Абракадабру! Хмурясь, старичок прошёл мимо детской пятерни, отпечатанной на двери парадного (это тоже показалось ему дурным знаком), вошёл в лифт и нажал кнопку.

Лифт поднимался медленно, как ртуть в градуснике. Сквозь цветные стёкла лестницы светило солнце, и Абракадабр недовольно морщился, когда по его лицу проплывали красные, синие и жёлтые треугольники света. Вдруг между четвёртым и пятым этажом лифт застрял.

— О, зловреднейший из котов! — прошептал Абракадабр себе в карман. — Разве я тебя учил перебежать дорогу мне?!

Нажав по очереди на все кнопки и не добившись ничего, Абракадабр решил прибегнуть к помощи магических заклинаний и опять нажал кнопки. Но лифт был выпущен заводом «Красная заря», и в технической инструкции к лифту волшебные заклинания не были предусмотрены. А лифтер ушёл на обеденный перерыв.

Напрасно волшебник стучал, кричал и тряс решётку лифта, никто его не слышал.

5

ока злой волшебник сидит в лифте, мы расскажем, что делал Федя с золотой кистью.

Взяв её из рук доброго волшебника-маляра, мальчик, затаив дыхание, смотрел на кисть и не мог на неё смотреться. Каждый её волосок горел золотым огнём. А какой от неё шёл запах! Самый лучший на свете! Расхраб्रившись, Федя попробовал даже сказать: «Кисть, а кисть, хочу...», но дальше у него не хватило духу. Чего он боялся? Он не мог себе объяснить. Но мы-то знаем: если бы кисть и на самом деле оказалась волшебной, Федя бы умер от страха. Ведь ему исполнилось только семь лет, и он был в квартире один! А если бы кисть его обманула, это было бы для него ещё большим ударом. Вот почему, подержав кисть в руках, Федя поставил её в угол. Но глаз с неё не спускал.

«Хоть бы кто-нибудь пришёл...» — думал Федя. — Пусть даже Катя! Я бы тогда...» А что бы тогда? Он представил себе перочинный ножик с двадцатью четырьмя предметами и от этой мысли проглотил слюну.

Подойдя к кисти, мальчик зачем-то осторожно переставил её в другой угол. Когда он нёс её, ему показалось, что кисть сама сделала какое-то движение. Всё же Федя её донёс и только потом отдернул руку, будто обжёгся. Ему захотелось плакать от страха. Но тут раздался звонок.

— Кто там?! — закричал Федя не своим голосом и побежал к дверям.

— Чего орёшь? — раздался солидный голос Мишки. — Давай открывай!

— Мишка! — задыхаясь от радости, заорал Федя. — А что у меня есть! Отгадай!

— Лобзик, — сказал Мишка, который не обладал пылким воображением. — Только, наверное, без пилки. Ты откроешь или нет?!

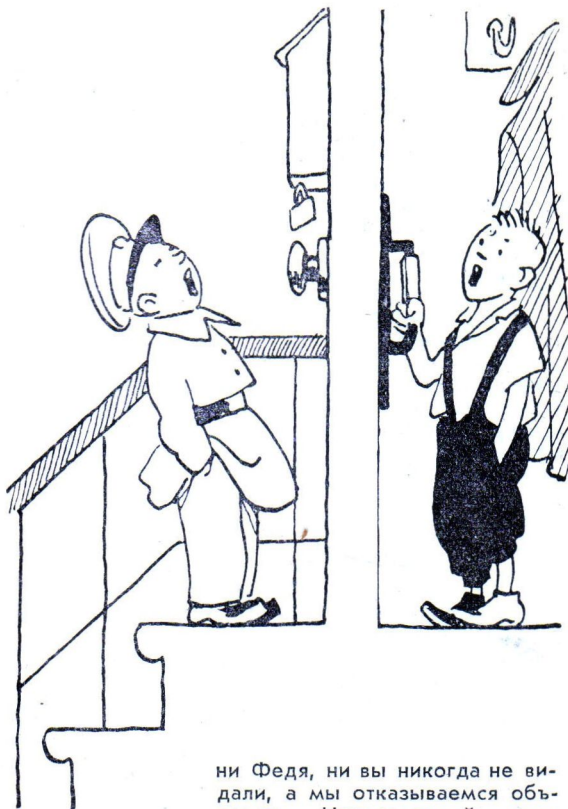
Разве Федя мог сознаться кому-нибудь, а особенно Мишке, что его заперли? Конечно, нет! Он уже хотел соврать, что ключ утащила ворона или ещё что-нибудь, но тут его осенила блестящая мысль.

— Сейчас открою! — закричал он. — Только смотри, не уходи! Не уйдёшь?

Помчавшись в комнату, Федя схватил кисть, подбежал к входной двери, ткнул конец кисти в замочную скважину, зажмурил глаза и прошептал:

— Кисть, а кисть... хочу... — у него от волнения перехватило горло, но он всё же сумел договорить, — ключ!

И вдруг золотая кисть в его руке дрогнула, затрепетала и начала, поверите ли, сама начала прямо на двери, около замочной скважины рисовать ключ, выводя каждую бородку, каждую выемку, загуглилку. И странное дело! Когда Федя смотрел на это, ему нисколько не было страшно. Наоборот, хотелось петь и плясать от радости, как будто это он сам был волшебником. Но вот кисть опять вздрогнула и остановилась. И тут случилось то, чего

ни Федя, ни вы никогда не видели, а мы отказываемся объяснить. Нарисованный ключ стал пухнуть, сделался круглым и упал на пол с металлическим стуком.

Не помня себя от восторга, Федя схватил ключ и открыл дверь. Мишка вошёл и сказал скучным голосом (он ведь ещё ничего не знал про волшебную кисть):

— Там кто-то застрял в лифте. Позвони управ-
дому.

Он встал на цыпочки и, потянувшись вверх, нацепил на крюк новенькую школьную фуражку с гербом.

— Где достал кисть? — спросил он солидно.

— Мишка! Что бы ты хотел иметь? — спросил Федя, охрипнув от волнения.

— Тройку, — сказал тот, не задумавшись. — По арифметике.

Он был на год старше Федя и уже учился в первом классе.

— Я не про то, — сказал Федя, небрежно играя кистью. — Мотоцикл хочешь?

— Из чего сделаем? — деловито спросил Мишка.

— Настоящий! — взвизгнул Федя, сияя от счастья.

— Не ври, — сказал Мишка.

Федя направил конец золотой кисти на стенку и начал торжественно:

— Кисть, а кисть...

Но сказать «хочу» уже не успел. Как назло вошла его сестра Катя, у которой сегодня было только два урока. Катя задирала свой нос очень высоко. Иногда он поднимался выше её голубых глаз. Она всегда всё знала и, о чём бы ни зашла речь, говорила: «Отсюда вывод...» Увидев открытую дверь, Катя подняла крик:

— Где ты достал ключ, вредный мальчишка?!

— Отстань, — сказал Федя и, показав кисть, до-
бавил: — Я его нарисовал.

— Нарисовал? — сказала она злорадно. — Вот папа придёт, я ему скажу, он тебе нарисует! Ты у кого взял кисть?

— Катя, — сказал Федя, — эта кисть волшебная! — Он приложил руку к сердцу. — Честное слово!

Но Кате было уже десять, она ходила в третий класс и не верила в сказки.

— Не говори глупости! — сказала она, сняла телефонную трубку и начала набирать номер домашней конторы. Она хотела сообщить, что у них на лестнице застрял лифт с каким-то старичком.

«Ах, так! — подумал Федя. — Ну, хорошо же...»

Он направил конец золотой кисти на пол, вспомнил любимое катино пирожное и сказал звенящим от вдохновения голосом:

— Кисть, а кисть, хочу корзиночку с кремом!

Волшебная кисть, как и в первый раз, вздрогнула в его руке и начала рисовать прямо на паркете между ножкой стола и упавшим папиным галстуком пирожное. Оно тоже, как и ключ, росло, росло, пухло, пока не превратилось в обыкновенную корзиночку с кремом, и от него пахло ванилью.

Федя испытывал настоящее счастье, увидев, что Мишка, который никогда ничему не удивлялся, разинул рот и так с открытым ртом и остался. А Катя, хотя в домовую контору ещё не дозвонилась, будто зачарованная, положила трубку на стол мимо телефона и опустила на коленки.

Она сперва понюхала корзиночку, потом посмотрела на Федю, на кисть, деловито поправила пионерский галстук и лизнула крем. Федя ждал. Ему для полноты счастья нужно было, чтобы Катя испустила хоть крошечный крик восторга. Но она взяла пирожное, поднялась, отряхнула пыль с коленок и сказала, вздёрав нос:

— Подумаешь! Вот у нас в классе Серафима Алексеевна опустила в стакан белую бумажку, а вытащила красную!

И, повертев пирожное, начала есть.

Федя хотел дёрнуть Катю за косу, но раздумал. А Мишка, глядя, как девочка уплетает пирожное, нерешительно сказал:

— Знаешь, Федя, я больше люблю... как их... «А ну-ка отними!».

— Кисть, а кисть, — сказал с готовностью Федя, — хочу «А ну-ка отними!». Пять штук!

Кисть тотчас же исполнила приказание: на полу

лежали конфеты в жёлтых бумажках с картинками. Целых пять конфет!

Развернув серебряную бумажку, Мишка вынул конфету и так осторожно положил её в рот, будто она могла взорваться.

— Ерунда! — сказала Катя, доедая пирожное и забирая три конфеты. — В шестом классе Серафима Алексеевна электрическую машину показывала, так от головы у всех такие искры летели, спросите у девочек, даже волосы встали дыбом!

— Да что с ней разговаривать! — вдруг взорвался Мишка. — Уходи отсюда!

— Очень надо! — сказала Катя. — Только ничего не разбрасывать! Убирай за вами! — И, задрав нос, она удалилась готовить уроки.

6

Когда приятели остались одни, Федя рассказал Мишке про злого волшебника, и про резинку, и про всё, что знал сам. И мальчики решили действовать.

— Чур, первый! — сказал Мишка.

— Чур, второй! — сказал Федя.

Мишка внимательно осмотрел кисть, как бы желая вникнуть в её устройство, но, не обнаружив ничего особенного, солидно откашлялся и сказал:

— Кисть, а кисть, хочу плотницкую пилу!

Кисть не заставила себя ждать: в его руках она работала не хуже, чем у Феди. Подняв с пола пилу, Мишка провёл пальцем по зубьям, удовлетворённо крикнул и остановил взгляд на ножке дубового кресла. Пила легко вошла в дерево.

— Ты что?! Ты что?! — заорал Федя. — Мама тебе задаст!

Теперь взял в руки кисть он. Чего бы пожелать?

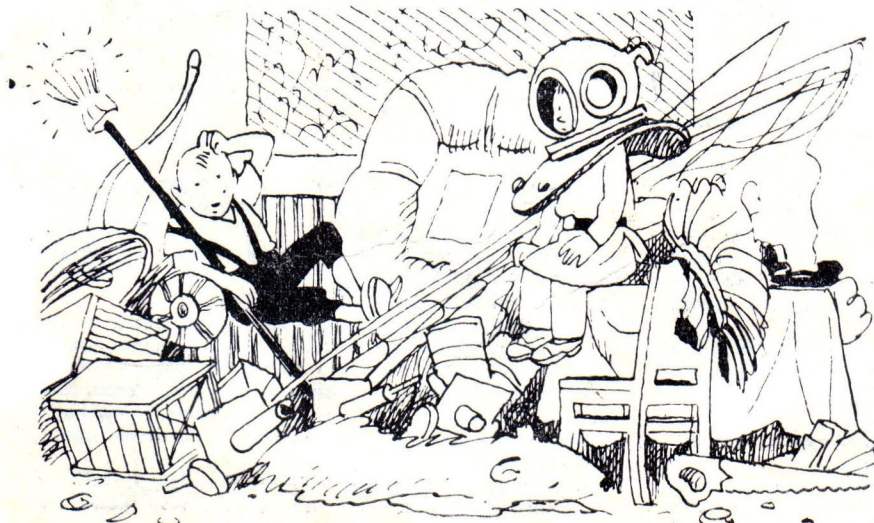
— А что, если мокасины, как у Монтигемо Ястребиного Когтя?

— Трепач! — сказал Мишка.

Но едва мокасины появились на свет, он с большим интересом их осмотрел, в особенности подметки.

Не прошло и пяти минут, как комнату было не узнать. На столе, стульях, диване, шкафу и на полу лежали горами: пушки, стреляющие горохом, лупа величиной с тарелку, мячи для всех игр, какие только есть на свете, тот самый замечательный перочинный ножик с двадцатью четырьмя предметами, полный головной убор вождя племени ирокезов, рубанок, шкура белого медведя, резиновая надувная лодка, оловянные солдатики тридцати шести армий мира, клетки для кроликов, фотоаппарат «Пионер», собрание сочинений Корнея Чуковского, гигантские рога, водолазный костюм и три банки с настоящим жемчужным порошком.

Всё это было замотано удочками, лесками и крючками, которые вцепились во что только можно было вцепиться. Среди всего этого и многого другого, что было бы слишком долго перечислять, валялась на столе телефонная трубка. Злой волшебник, наверно, ещё сидел в лифте.

Мальчики лениво жевали тянучки, с трудом разжимая челюсти, едва отделяя верхнюю от нижней. Их мучило оттого, что после арбуза они пили кокосовое молоко, заедая его жареными ласточками гнёздами с квасом. Они думали: чего бы ещё пожелать? У Мишки на голове был надет набекрень водолазный скафандр.

— Правда, хорошо? — неуверенно сказал Федя.

— Угу, — кивнул Мишка, но счастья в его голосе не было. — Скучно... — вдруг сказал он и с грохотом сбросил скафандр на пол.

Федя хотел накинуться на неблагодарного друга, но неожиданно зевнул и сказал:

— Всё время было так хорошо... и вдруг скучно... Отчего?

Мишка промолчал. Он бы и не мог на это ответить. Но мы-то знаем, в чём дело. И, словно догадавшись, Мишка сказал:

— Почему всегда хочется, чего нет? Почему это? А когда всё есть... — Он снова зевнул.

Мальчики помолчали, стараясь не смотреть друг на друга.

— Вот что, — сказал Мишка. — Бери кисть, и пошли!

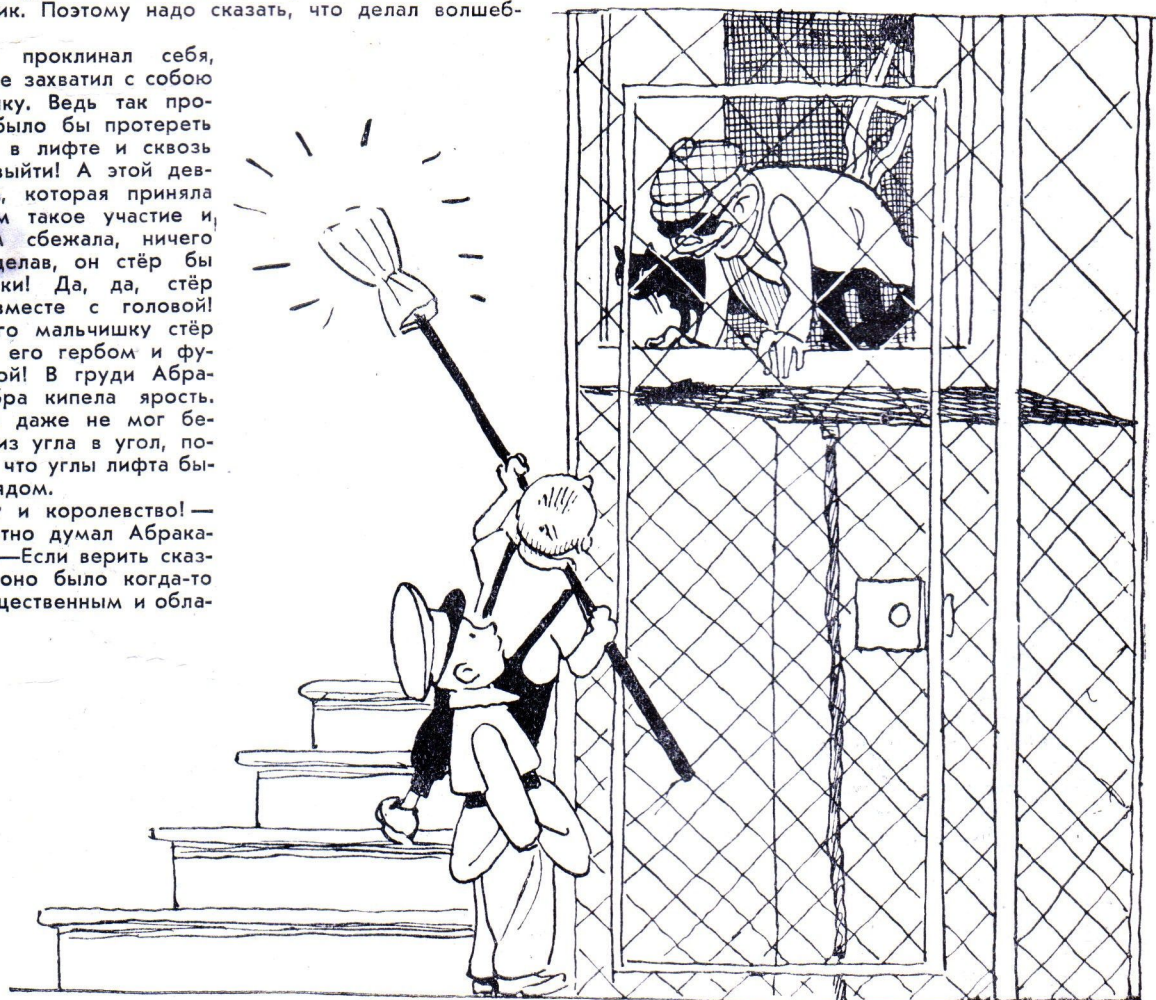
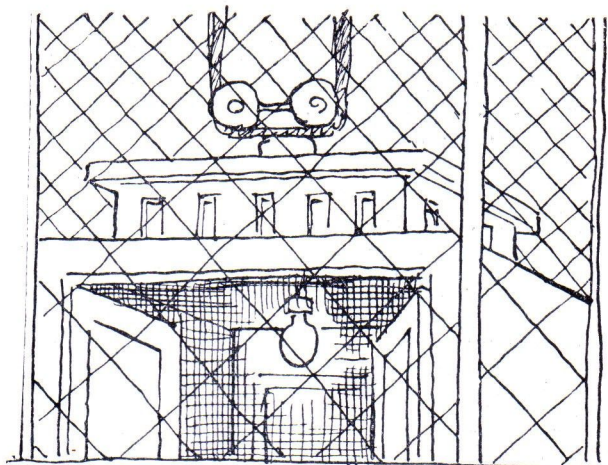
— Куда? — лениво спросил Федя.

— Во двор.

Но прежде чем выйти во двор, нужно пройти лестницу, а на лестнице в лифте сидит злой волшебник. Поэтому надо сказать, что делал волшебник.

Он проклинал себя, что не захватил с собою резинку. Ведь так просто было бы протереть дыру в лифте и сквозь неё выйти! А этой девчонке, которая приняла в нём такое участие и, потом сбежала, ничего не сделав, он стёр бы косички! Да, да, стёр бы вместе с головой! И того мальчишку стёр бы с его гербом и фуражкой! В груди Абракадабра кипела ярость. И он даже не мог бегать из угла в угол, потому что углы лифта были рядом.

«Ну и королевство! — горестно думал Абракадабр. — Если верить сказкам, оно было когда-то могущественным и обла-

дало многими тайнами: там были разные волшебные лампы, палочки, кольца, и всё это куда-то девалось! Разокрали, что ли? Осталась какая-то несчастная резинка, чёрный кот да два десятка заклиний! И это называется королевством!..»

Не успел Абракадабр это подумать, как мимо пронесли по перилам двое мальчиков, сверкнув золотой кистью, и раздался крик: «Стойте!»

Это крикнул Мишка, слетая с перил на четвёртом этаже.

— Совсем забыл! — сказал он Феде.

Мальчики поднялись назад на пол-этажа к старичку. Тот встал на четвереньки (иначе они его не видели) и, глядя на кисть, сказал, сладко улыбаясь:

— Здравствуйте, детки!

— Здравствуйте, — вежливо сказал Федя.

— Виделись, — сказал Мишка.

— Что же ты, милый мальчик, забыл про бедного старичка!

Абракадабр говорил с Мишей, но видел только золотую кисть, её одну, и так вцепился в решётку лифта, что прищемил кота. Кот заорал дурным голосом и вылетел из кармана вверх, как чёрная ракета. Мальчики отшатнулись.

— Вась!.. Вась... Вась... — сказал старичок и взял кота в руки. — Хороший у меня котик?

— Хороший, — сказал Федя. — Сейчас мы вас выпустим. — Он обернулся к кисти. — Кисть, а кисть... Что надо захотеть? — спросил он Мишку. — Ключ? Мишка покачал головой:

— Раз лифт застрял между этажами, ключ не откроет.

«Может быть, сделать новый лифт? — подумал Федя и ответил себе: — Но он-то сидит в старом!» Жалобно моргая, Абракадабр захныкал:

— Я хочу кушать!.. Я проголодался...

Федя велел кисти сделать пончик с повидлом. Когда кисть заработала, старичок так затрясся, что слышно было, как каждая его косточка ударялась о другую. Но этот звук был такой же тонкий, как гудок автомобиля Большого Ушана, посланника короля. Поэтому мальчики не слышали ничего. Зато это слышали собаки всего квартала и подняли такой лай, что сержант милиции, стоявший около домовой конторы, подумал: «Надо не забыть проверить, всем ли собакам сделаны прививки от чумы».

Федя просунул старичку сквозь решётку пончик. Абракадабр взял его и сказал, показывая умильно на кисть:

— Дай поддержать!

Федя колебался.

— Да ты не бойся, отдам! — сказал старичок. — У меня таких кистей целый чулан!

Миша толкнул Федю локтем:

— Пошли!

— Ну, давайте меняться! — закричал старичок. — Я вам кошечку, а вы мне кисточку!

— Не, — сказал Миша. — Кисточка не наша.

И мальчики стали спускаться по лестнице.

— Стойте! Стойте! А как же я?! — завопил волшебник.

— Мы скажем дворнику. Он выпустит.

И они побежали вниз.

— Куда? Куда вы, мальчики? — кричал Абракадабр.

Услышав шум, Катя открыла наверху дверь:

— Федя! Ты куда?

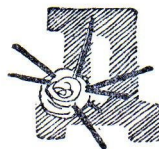
— Во двор! — крикнул Федя и хлопнул парадной дверью.

Абракадабр мрачно усмехнулся: «Ага, они будут во дворе». Он сел в лифте на скамеечку и, для

удобства свесив голову вниз, обдумал план действий во всех подробностях.

Прежде всего он отберёт у мальчиков кисть! А потом... Потом заманит к себе! О, он ещё рассчитывается с этими щенками! Они узнают, кто такой Абракадабр! Он их сотрёт не сразу, нет! Он будет их стирать каждый день по кусочку! Он будет стирать их по ноготку, по волоску! А они будут кричать: «Дяденька, не стирай!..»

Представив себе эту картину, старичок громко засопел от предвкушения мести. В нём кипела такая злоба, что даже его чёрный кот, выдавший вид и привыкший ко всему, вскопился на деревянный косяк и, склонив голову набок, начал смотреть на волшебника, будто видел его первый раз в жизни.

7

ворник Варфоломей поливал двор, смывая разноцветную грязь, оставшуюся от праздничного ремонта. В люке с дырочками кипела и пенная вода, в неё вливались синие и жёлтые струйки. Заметив, что воробы, слетевшие с только что покрашенной крыши, оставляли на вымытом асфальте зелёные треугольные лапки, Варфоломей направил на птиц струю, и они с криком разлетелись, мокрые и взъерошенные.

— С лёгким паром! — сказал добродушно Варфоломей.

К нему подбежали мальчики и сообщили, что кто-то застрял в лифте. Дворник недовольно положил брандспойт и ушёл. А мальчики, горделиво подняв головы, будто настоящие волшебники, двинулись

дальше, обдумывая, что бы такое необыкновенное сделать. Их всё ещё немного мучило, и, наверное, потому в голову ничего путного не шло.

Вдруг Мишка оживился. В глубине двора, на скамейке, между анютиными глазками и урной для окурков, дремала старушка. На её коленях лежали спицы и недоконченное вязанье. Это была нищая бабушка. Она часто давала ребятам конфеты просто за так, ничего не требуя взамен. А когда Миш-

ка нечаянно разбил мячиком её окно, ничья бабушка даже не пожаловалась управдому. Вот какая это была бабушка!

— Знаешь,— сказал растроганно Мишка,— давай закончим её вязанье. Обрадуем старушку!

Мальчики подошли к бабушке, стараясь не разбудить.

— Давай рисуй чулок! — прошептал Федя, протягивая кисть Мишке.

— Какой же это чулок? Это шапочка!

— Сам ты шапочка! — сказал Федя.

И они начали спорить. Мы не будем перечислять все обидные слова, которыми обменивались приятели, решившие сделать доброе дело. Эти слова вы и сами знаете. Вернёмся лучше к дворнику и волшебнику.

Варфоломею ничего не стоило починить лифт, и Абракадабр очень скоро почувствовал, что лифт поплыл вверх и остановился на пятом этаже. Старичок вышел и постоял, прислушиваясь к удаляющимся шагам дворника. Потом, подхватив подмышку костыли, он побежал вниз теми бесшумными шагами, какими умеют бегать волшебники. Выскочив на улицу, Абракадабр дал пинка своему коту. Чёрный Вася помчался к мастерской дырок и исчез в форточке. А волшебник на костылях заковылял к воротам.

Он задыхался от нетерпения. Наконец-то волшебная кисть, та самая, которую он искал целых два года, наконец-то она у него в руках! Остались сущие пустяки: войти во двор и отнять её у мальчиков.

(Продолжение в следующем номере).

Этот маленький автомобиль с маркой «Мир» не только напоминает «взрослую» машину своими очертаниями и деталями, он может развивать скорость до 25 километров в час. Позади сиденья установлен бензиновый моторчик «НР-1,25». Его мощности вполне достаточно, чтобы провезти по хорошей дороге води-

теля с одним пассажиром. Посмотрите, как удобно устроился в машине девятилетний «водитель». Сейчас зашумит мотор, и автомобиль плавно тронется с места. Машину эту показывали на I Всесоюзной выставке автомобильных моделей. Сделал её токарь московского завода «Точизмеритель» А. С. Кусакин для своего сына.

ГЕНЕРАЛ ЛУКАЧ

Это было осенью 1936 года, почти двадцать лет тому назад.

В те дни у всех на устах были слова: «Барселона», «Гвадалахара», «Мадрид»... Ещё недавно знакомая только по книгам и учебникам географии Испания была теперь здесь, в Москве, на каждом шагу. Дети носили синенькие пилотки с кисточками — их называли «испанки». Взрослые подолгу простаивали у газетных стендов, хмуро вглядываясь в первые военные сводки с «мадридского фронта». И дети и взрослые повторяли два коротких испанских слова: «Но пасаран!». И не было человека, который не знал бы, что эти слова означают «Не пройдут!», что «не пройдут» фашисты, солдаты Гитлера и Муссолини, в Мадрид — сердце сражающейся Испанской республики.

Итак, осень 1936 года.

В уютной комнате большого московского дома сидят двое — гость и хозяин. Уже поздно, гость собирается уходить. Хозяин — небольшого роста, плотный, широкоплечий человек — кладёт руку ему на плечо:

— Подожди, посиди немного. Кто знает, когда ещё мы увидимся. Я ведь сегодня уезжаю.

— Уезжаешь? Сегодня?.. Куда?

— Сейчас в Ленинград. Потом... дальше.

Неторопливым, спокойным жестом он достаёт из бокового кармана пиджака кожаный бумажник, вынимает оттуда красную книжицу и протягивает её товарищу. Тот разглядывает её, недоумевая: заграничный паспорт... С фотографии на него смотрит лицо собеседника, а рядом — чужое, незнакомое имя: «Пауль Лукач, коммерсант...»

— Пауль Лукач? Кто это?

— Это я. — Хозяин улыбается. Тёмные усы оттеняют ослепительную белизну его зубов, у глаз собираются весёлые морщины. И, внезапно став серьёзным, он говорит вполголоса:

— Я еду туда...

А через несколько месяцев уже на весь мир гремело имя генерала Лукача. В газетах упоминались всё новые и новые места боёв: Каса дель Кампо, Сиерро-рохо, Ха-

Матэ Залка.

рама, Гвадалахара — названия городов и населённых пунктов, под которыми солдаты Лукача держали оборону и поднимались в контратаки. Бойцы 12-й интернациональной бригады, которой он командовал, говорили, что сама смерть испуганно отступает перед храбростью этого человека. Испанские крестьяне любовно называли его «генерал пуллер» — генерал народа.

В бою под Уэской он был смертельно ранен: осколок вражеского снаряда попал ему в голову. И тогда только стало известно, кем был на самом деле легендарный генерал Лукач. Все узнали, что под этим именем поехал в Испанию сражаться с фашизмом и погиб венгерский писатель Матэ Залка.

* * *

Есть писатели, после которых, кроме всех написанных ими книг, остаётся ещё одна, ненаписанная, самая прекрасная книга — их жизнь. Таковыми писателями были Николай Островский, Юлиус Фучик. Таким был и Матэ Залка.

Он родился в апреле 1896 года в маленьком венгерском селе на берегу Тиссы. Ему было семнадцать лет, когда в столичном журнале был напечатан его первый рассказ. Он уже всерьёз считал себя писателем и думал, что дальнейшая его судьба решена. Но

отец — строгий венгерский барин — не допускал никаких нарушений порядков, установленных старинным провинциальным укладом жизни.

— Я надеюсь, — сказал он, — что мой сын выберет себе другую профессию. Предлагаю тебе немедленно отбыть год военной службы в том полку, в котором служил я сам.

Так юноша, голова которого была забита наивными мечтами о литературном успехе, попадает в гусарский полк и на долгие годы прощается с литературой. Он утешает себя: пройдёт год, он сбросит гусарский мундир, поступит в университет... Но всё случилось совсем иначе.

Началась мировая война, и в августе 1914 года Матэ Залка отправляется сначала на сербский, потом на итальянский, а потом на русский фронт.

Он не опозорил славу «красных дьяволов» — венгерских гусар. Вскоре на его погонах — офицерская звездочка, а на груди — медали за храбрость. Но после двух лет, проведённых на фронте, перед ним во весь рост встала мерзость и грязь этой разбойничьей войны. Он видит высокомерие и трусость штабных офицеров, нечеловеческие страдания солдат, выносящих на своих плечах весь ужас бессмысленной кровавой бойни. И тут в его жизни происходит событие, определившее всю его дальнейшую судьбу.

В 1916 году во время знаменитого прорыва русскими войсками волинско-галицийского фронта Залка был взят в плен. Двадцатилетний офицерик, румяный и круглолицый, он попадает в Сибирь — в глазах европейца самое дикое и страшное место на земном шаре. После солнечной, зелёной Венгрии — угрюмые бараки, окружённые колючей проволокой, грязь, часовые...

Впрочем, офицерам в плену было не так уж плохо. Но Матэ Залка не захотел пользоваться преимуществами, которые давало ему офицерское звание. Он порвал с офицерами и перешёл жить в солдатские бараки. Наравне с солдатами хотел он делить все тяготы плена.

Здесь, в лагерях военнопленных, юноша Матэ Залка получил первые уроки революционной борьбы.

— Тут были мои университеты, — с улыбкой вспоминал он потом, — правда, холодные университеты, но учили там хорошо.

Один из героев романа Николая Островского «Рождённые бурей» рассказывает, как в 1917 году в русском плену поднял пленных «отчаянный парень — венгерец, лейтенант Шайно»:

«...Он нам прямо сказал: «Расшибай, братва, склады, забирай продукты и обмундирование!» Мы так и сделали. Но большевистская революция туда ещё не дошла. И нас распатронили. Шайно упрятали в тюрьму. Его и нас, заводил из солдат, собрались судить военно-полевым. Но тут началась заваруха! Добрались большевики и до наших лагерей. Всех освободили. Пошли митинги. И вот часть пленных решила поддержать большевиков. Собралось нас тысячи полторы, если не больше, — мадьяры, венгерцы, галичане... Всё больше кавалеристы. Вооружились, достали коней. Захватили город. Тюрьму открыли. Нашли Шайно, и сразу ему вопрос ребром: «Если ты действительно человек порядочный и простому народу сочувствуешь, то принимай команду и действуй!» Лейтенант только подмигнул. «Рад стараться, давайте, — говорит, — коня и пару маузеров». И пошли мы гвоздить господ русских офицеров!..»

«Отчаянный лейтенант Шайно», о котором

Матэ Залка — генерал Лукач. Испания. 1936 год.

В дни боёв в республиканской Испании был создан пионерский лагерь, который назвали славным именем генерала Лукача.

рассказал в своём романе Николай Островский, — это Матэ Залка. Гусарский офицер «императорской и королевской армии его апостольского величества императора Франца-Иосифа» стал красным командиром. Он прошёл по всем фронтам гражданской войны — от Сибири и Урала до степей Украины. Он партизанил на Дальнем Востоке и дрался с белополяками, под командованием товарища Фрунзе сражался с бандами Врангеля. В числе первых командиров, которым было поручено выбить из Крыма остатки засевших там врангелевских войск, он участвовал в знаменитом штурме Перекопа.

Человек отчаянной смелости, железной выдержки, непреклонной воли, он совершил много славных подвигов. Он увёз от колчаковцев целый поезд с золотом, спрятал его в тайге и сохранил до прихода Красной Армии.

Он вспоминал, как после окончания этой боевой операции был вызван в Москву, к Владимиру Ильичу Ленину:

— Ленин сказал: «Здравствуйте, товарищ Залка...» — и обнял меня...

Но никогда не рассказывал он о том, что по приказу Ленина был награждён золотым оружием. Он не любил говорить о своих орденах и наградах.

* * *

Прошли, отшумели грозные годы гражданской войны.

Матэ Залка не мог вернуться на родину. В старой Венгрии он был объявлен государ-

ственным преступником, за его голову была обещана награда.

Он остался жить в Советской России.

Осуществилась мечта его юности — он стал настоящим писателем. Он написал много хороших, правдивых книг. Давным-давно уже сменил он военную гимнастёрку с синими кавалерийскими петлицами на обыкновенный костюм. И только боевой орден на лацкане пиджака напоминал о том, что этот штатский человек с полным, благодушным лицом был когда-то лихим конником, смелым и волевым командиром.

Но как только пахнуло порохом с газетных страниц, как только появились первые сообщения о фашистских бомбах, разорвавшихся над мирными городами, писатель Матэ Залка бросил недописанные книги, оставил дом, семью, Москву, ставшую его второй родиной, и, не раздумывая, уехал сражаться за свободу далёкой, чужой страны.

Бойцы республиканской Испании написали на могиле генерала Лукача:

Я хату покинул,
Пошёл воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.

Эти строки взяты из «Гренады» — прекрасного стихотворения Михаила Светлова. В нём говорится о том, что не надо плакать над могилами тех, кто погиб за революцию:

Новые песни
Придумала жизнь.
Не надо, ребята,
О песнях тужить...
Не надо, не надо,
Не надо, друзья!
Гренада, Гренада,
Гренада моя...

Жизнь придумала много новых песен. Но есть старые песни, которые остаются вечно новыми, не умирают и не стареют. Такой песней была замечательная жизнь Матэ Залки, писателя, коммуниста, бойца.

Б. Сарнов

Г Е Н Е Р А Л

Памяти Матэ Залка

К. Симонов

Рисунок Ф. Лемкуля.

В горах этой ночью прохладно.
В разведке намаявшись днём,
Он греет холодные руки
Над жёлтым походным огнём.

В кофейнике кофе клокочет,
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжёлой листвой шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зелёной листвой
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

Давно он уж в Венгрии не был —
С тех пор, как попал на войну,
С тех пор, как он стал коммунистом
В далёком сибирском плену.

Он знал уже грохот тачанок
И дважды был ранен, когда
На запад, к горящей отчизне,
Магдьяр повезли поезда.

Зачем в Будапешт он вернулся!
Чтоб драться за каждую пядь,
Чтоб плакать, чтоб, стиснувши зубы,
Бежать за границу опять.

Он этот приезд не считает,
Он помнит все эти года,
Он должен задолго до смерти
Вернуться домой навсегда.

С тех пор он повсюду воюет:
Он в Гамбурге был под огнём,
В Чапее о нём говорили,
В Хараме слышали о нём.

Давно уж он в Венгрии не был,
Но, где бы он ни был, над ним
Венгерское синее небо,
Венгерская почва под ним,

Венгерское красное знамя
Его выручает в бою.
И, где б он ни бился, он всюду
За Венгрию бьётся свою.

Походный огонь освещает
Суровые складки лица,
Рукав с генеральской нашивкой,
Тяжёлый кулак кузнеца.

Недавно в Москве говорили,
Я слышал от многих, что он
Осколком немецкой гранаты
В бою под Уэской сражён.

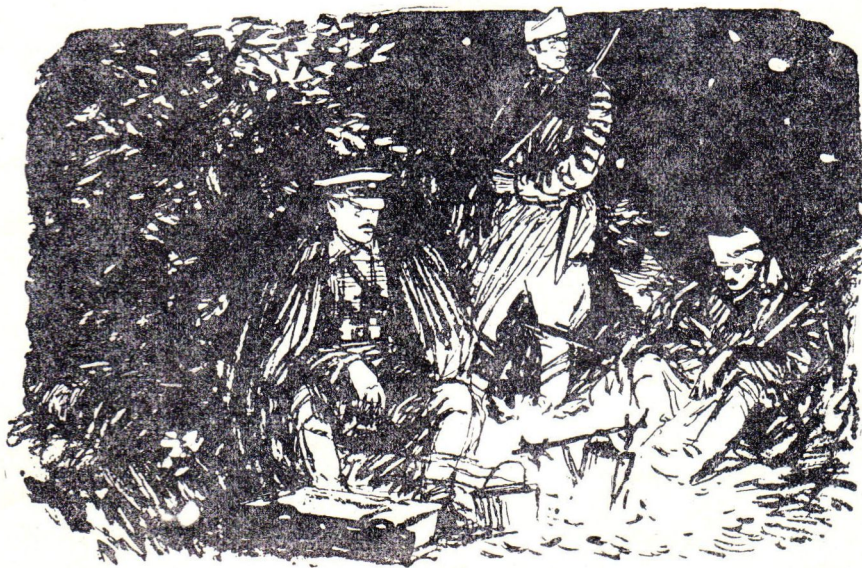
Но я никому не поверю:
Он должен ещё воевать,
Он должен в своём Будапеште
До смерти ещё побывать.

Пока ещё в небе испанском
Германские птицы видны,
Не верьте: ни письма, ни слухи
О смерти его неверны.

Он жив. Он сейчас под Уэской.
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжёлой листвой шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зелёной листвой
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

1937 год.

У нас есть тир

Стрелковый кружок у нас в школе самый любимый. А заниматься в этом кружке могли только немногие: большого помещения не было. В подвале школы, где у нас раньше был тир, тесно, там одновременно могли стрелять только двое. Всем нам хотелось стрелять в настоящем тире. Мы решили, что сумеем его построить сами.

Это уже не первое наше общее дело. Мы сами разбили сад на школьном участке, сами ограду поставили, в школе радиоузел соорудили, каток сделали...

И вот через школьное радио комитет комсомола обратился ко всем ребятам с призывом принять участие в стройке. Желающих нашлось много. Мы составили расписание и

определили, какой класс какую работу на себя возьмёт.

Сначала расчищали площадку для стройки. Перетаскали горы щебня, обломков кирпича и камней. Потом стали рыть котлован под фундамент. Мы очень торопились. Нужно было вырыть двести двадцать кубометров земли, а зима не за горами. Мы приналегли всей школой и кончили до заморозков.

Сперва не всем ребятам хотелось приниматься за трудную работу. Некоторые говорили, что ничего не получится. Мы никого не уговаривали. Просто дружно принялись за работу. И скоро стройка увлекла всех.

Тир у нас получился замечательный: пятьдесят метров длины, и широкий — шесть человек одновременно могут стрелять.

Тир строится.

Пока шла стройка, девятнадцать лучших стрелков школы занимались на курсах инструкторов - общественников по стрелковому спорту. А сейчас им поручено вести занятия в кружках. У нас теперь двенадцать стрелковых кружков для всех классов, от пятого до десятого. Володя Балашов из 9-го «В» ведёт кружок в 8-м «А» классе, Валерий Лебедев из 10-го «Б» — в 5-м «А» классе. Гена

Тир ещё не был закончен, а уже шли тренировки.

Руцкий и Боря Рабинович занимаются с семиклассниками.

У нас в школе двадцать шесть стрелков-разрядников. А через год — два, мы уверены, их будет гораздо больше, потому что наши ребята занимаются стрельбой с большим увлечением.

Если у вас в школе ещё нет своего стрелкового тира, очень советуем построить.

Дина Просветова,
ученица 9-го «А» класса,
секретарь комсомольской организации
школы № 37, г. Воронеж.

Мы будем поднимать флаг

Гимнастика — очень красивый вид спорта. В нашей школе много хороших гимнастов. На смотре художественной самодеятельности города Сызрани наши акробаты заняли первое место.

Каждое полугодие мы проводим в школе соревнования по гимнастике.

Одно из таких соревнований состоялось недавно. Я тоже принимал в нём участие. В спортзале собралась вся школа — и ребята и преподаватели... Вначале был парад участников — по шесть гимнастов из каждого класса. Потом лучшие гимнасты школы, те, кто завоевал первенство на прошлом соревновании, подняли флаг.

Началось соревнование. Я выступал на перекладине, на кольцах, на канате. Мы все, конечно, волновались, но старались делать упражнения легко, чётко, красиво. Лучшие результаты показал Коля Какаулин из седьмого класса: из тридцати возможных очков он получил 29,3. Я набрал 28,7 очка и занял первое место среди шестиклассников. Среди девочек лучшей гимнасткой оказалась Таня Аляева из шестого «А».

На следующем соревновании мы будем поднимать флаг. Это большая честь.

Равил Абдрашитов,
ученик 6-го «Б» класса школы № 24, г. Сызрань.

Бой на

рапирах

Я очень люблю фехтование и занимаюсь им уже шесть лет. Этот вид спорта развивает в человеке быстроту, ловкость, смелость, силу, волю к победе. Есть такое изречение: «Фехтование — простое искусство: уколоть противника и не дать уколоть себя». Но вся трудность в том, что ведь и противник стремится к тому же!

В начале этого учебного года мы организовали в своей школе секцию фехтования. Желающих заниматься, и девочек и мальчиков, оказалось много. Кроме фехтования, мы два раза в неделю занимаемся гимнастикой на снарядах.

Пока ещё никто из членов нашего кружка не участвовал в соревнованиях. Но мы гото-

Вольный бой на рапирах.

вимся к ним. Правда, не у всех всё сразу получается. Вот, например, у Володи Новикова и у Зои Егоровой сначала дела шли совсем плохо. Но они так упорно тренировались, что сейчас догнали и даже перегнали многих ребят.

Хорошие успехи у Виктора Остапенко и у Володи Иванова. Они скоро уже смогут по-

лучить спортивные разряды. Тогда у нас будут новые, свои инструкторы, и мы сможем расширить нашу секцию. Будем принимать и ребят из пятых — шестых классов. А желающих заниматься фехтованием очень много.

Герман Скорлупин,
руководитель секции, ученик 8-го «А» класса
274-й школы, г. Москва.

Команда с нашей улицы

Когда мы учились в шестом классе, то часто с завистью смотрели на старших ребят, которые занимались в баскетбольной секции. Любителей баскетбола у нас было много, а в секцию нас не принимали. Тогда мы организовали свою команду. Всё лето каждый день тренировались на площадке около школы и очень сдружились.

Мы жили на одной улице и всегда были вместе: и на речку купаться ходили вместе, и в лес за грибами, и на целую ночь на рыбалку. Поэтому нас и прозвали «Команда с нашей улицы».

Этим же летом мы начали проводить товарищеские встречи с другими уличными командами. Играли мы ещё плохо и поэтому почти всё время проигрывали. Но дружба помогала нам стойко переносить эти поражения, и мы снова тренировались.

Осенью в школе был объявлен розыгрыш первенства по баскетболу. Свою первую встречу мы проиграли. Эта игра ясно показала наши недостатки. Нам не хватало выносливости, умения быстро бегать.

Мы начали по утрам делать зарядку, стали заниматься лёгкой атлетикой, бегать, ходить на лыжах. Сдали нормы на значок «БГТО».

Теперь у нас есть школьная сборная команда седьмых классов. В неё вошли трое ребят из «Команды с нашей улицы» — Витя Митрофанов, Толя Никитин и я. Мы уже играли с семиклассниками 2-й и 17-й школ и выиграли!

Вадим Каменский,
капитан сборной баскетбольной команды 7-х классов
школы № 1, г. Владимир.

Перед дальним походом

Скоро наступит лето, и мы пойдём в многодневный поход Владимир — Гусь-Хрустальный. Мы уже разработали маршрут, распределили обязанности, провели несколько тренировочных походов. Мы знаем, как нужны эти походы, потому что хорошо помним урок прошлого года.

Это был наш первый тренировочный поход. Снега было мало, и мы отправились пешком, а не на лыжах. Шли через лес, болото, овраги. Учились ориентироваться по компасу и карте. В школе на уроке казалось, что это легко, а в незнакомом лесу мы с компасом чуть не заблудились. Но больше всего хлопот было с костром. Из нас только один Серёжа Волков (он раньше ходил с отцом на охоту) умел развести огонь из мокрых дров и в любую погоду. А теперь мы все научились этому.

Конечно, многие ребята в тот день стёрли

Маршрут похода разработали заранее.

себе пятки, и плечи у всех ломило от рюкзаков, уложенных не очень умело...

Хорошо, что это был только учебный поход и у нас было время подготовиться к настоящему путешествию.

Таня Горбатова,
ученица 7-го класса школы № 11, г. Владимир.

СОВЕТЫ ЮНОМУ ТУРИСТУ

ПОХОДНАЯ ВЕРЁВКА

Среди снаряжения туристской группы верёвка — необходимейшая вещь. Это должна быть хорошая, новая верёвка длиной в 10 метров, диаметром 7—8 миллиметров и весом 350—400 граммов.

Новую верёвку прежде всего надо хорошо вытянуть, а затем на концы «наложить марку», то есть закрепить концы прочной, суровой ниткой, чтобы они не лохматились. «Марка» делается так, как указано на рисунке 1.

Рисунок 1.

Витки накладываются ровно и туго. Всего 8—10 витков. Потом следует потянуть за левый конец нитки до тех пор, пока второй конец не спрячется под обмоткой.

Концы нитки отрезать и конец верёвки подравнять. После этого вся верёвка размечается цветной ниткой на метры и ниткой другого цвета на полуметры.

Такой верёвкой в походе можно будет вести разные измерения.

Носить верёвку удобнее всего аккуратно намотанной на тонкую фанерку (рисунок 2). В таком ви-

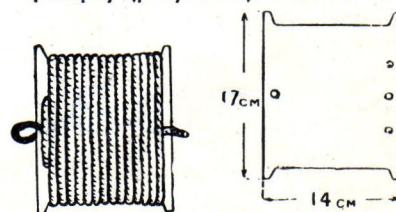

Рисунок 2.

де её можно подвесить к поясу или положить в рюкзак.

С помощью походной верёвки можно быстро и легко, даже без

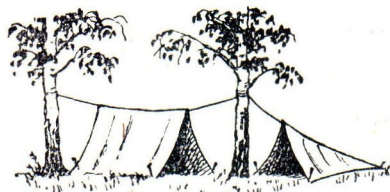

Рисунок 3.

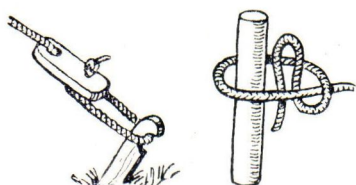

Рисунок 4.

всяких стоек, поставить палатку (рисунок 3). Концы верёвки при этом крепятся так, как показано на рисунках 4 и 5.

В походе вам всегда может понадобиться верёвочная лестница. Из одной походной верёвки получается лестница около 5 метров длины (рисунок 5).

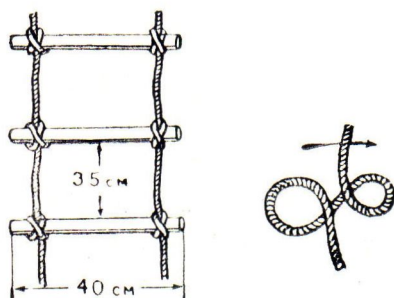

Рисунок 5.

Узел для ступеньки делается так, как показано на рисунке 5. Наложив левую сторону восьмёрки на правую, надеваете готовый узел на конец ступеньки и концы верёвки туго затягиваете. Это узел очень прочный и нескользящий.

Взбираясь по такой лестнице, рукой надо брать не за ступеньку, а за верёвку над ступенькой.

Рисунок 6.

В походе может случиться, что кто-нибудь повредит ногу и его нужно перенести. Тогда вы из ве-

рёвки плетёте «тесьму», как показано на рисунке 6. Двое ребят надевают «тесьму», связанную в кольцо, себе на плечи и сажают пострадавшего.

Походная верёвка пригодится при переходе вброд речки или когда вам придётся взбираться или спускаться по крутому склону оврага. Походную верёвку, привязав к ней поплавок (баскетбольный или футбольный мяч), вы можете бросить утопающему.

Ну и, наконец, с верёвкой на привале можно придумать десятки различных игр и гимнастических упражнений. Верёвка — скакалка, через верёвку можно прыгать, можно устроить соревнования: кто кого перетянет и т. д.

Приготовьте заранее такую верёвку и потренируйтесь с ней перед походом.

КАРМАННЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Каждому из вас, ребята, полезно иметь такие часы. Они не займут много места и всегда, стоит только выглянуть солнышку, покажут вам довольно точное время.

Часы лучше всего сделать из картона, а циферблат (такой, как показан на рисунке 7) вычертить тушью на хорошей белой бумаге. Через центр циферблата с юга на север прочертить красную линию, чтобы легче было устанавливать

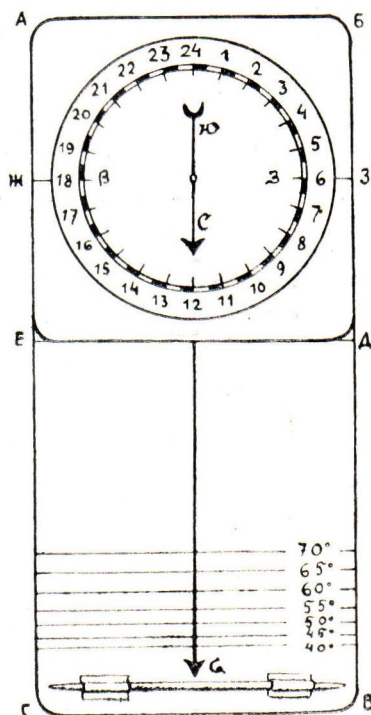

Рисунок 7.

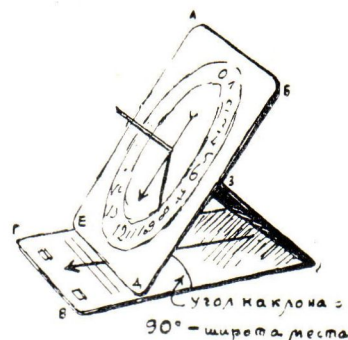

Рисунок 8.

часы по полуденной линии (по компасу).

Вырезанный из картона прямоугольник АБВГ с закруглёнными углами сгибается пополам по линии ЕД, а в верхней половине по линии ЖЗ отгибается в обратную сторону.

Верхней своей половиной АВЗЖ циферблат приклеивается к прямоугольнику АБВГ.

В центре циферблата, наклеенного на картон, прокалывается дырочка, в которую перпендикулярно к плоскости циферблата ставится теневая палочка. Эту палочку следует сделать из твёрдого дерева. Её длина — 5 см, толщина — 2 мм, концы заострены. Чтобы палочка не терялась, для неё надо сделать из плотной бумаги «прихватки», как показано на рисунке 7.

Чтобы определить по солнечным часам время, надо ориентировать их по компасу, поставить циферблат под определённым углом и посмотреть, куда падает тень от палочки.

Угол наклона циферблата зависит от географической широты места, где вы живёте. Например, Москва расположена на широте $55^{\circ}45'$. Угол наклона для Москвы равен приблизительно 34° ($90^{\circ} - 56^{\circ} = 34^{\circ}$). Так же легко вы сможете высчитать угол наклона для любого места. Установите один раз циферблат своих часов точно под этим углом и проведите на прямоугольнике ГЕДВ яркую линию, по которой и будете всегда устанавливать циферблат. На чертеже показаны такие линии для разных городов: Мурманска, Архангельска, Ленинграда, Москвы, Киева, Симферополя, Баку.

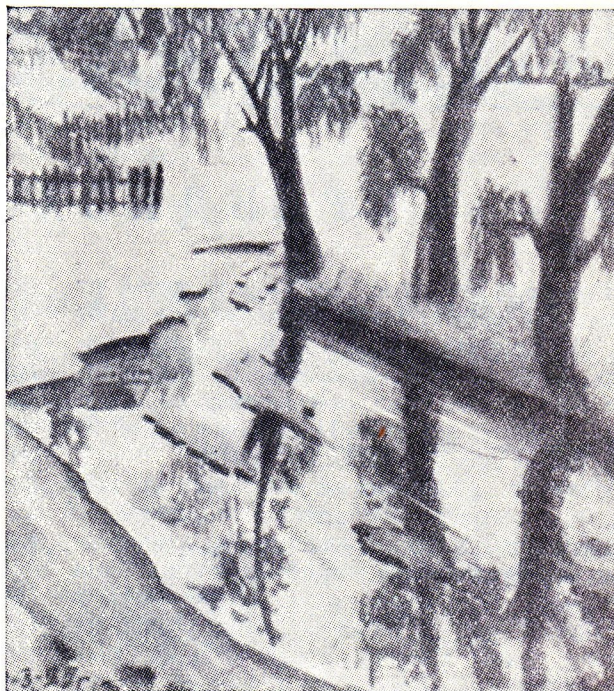
Ещё вы должны запомнить, что ваши часы показывают солнечное время. А у нас в стране введено декретное время (все часы переведены на час вперёд). Не забывайте об этом.

Н. Звескин

ПОДСНЕЖНИК

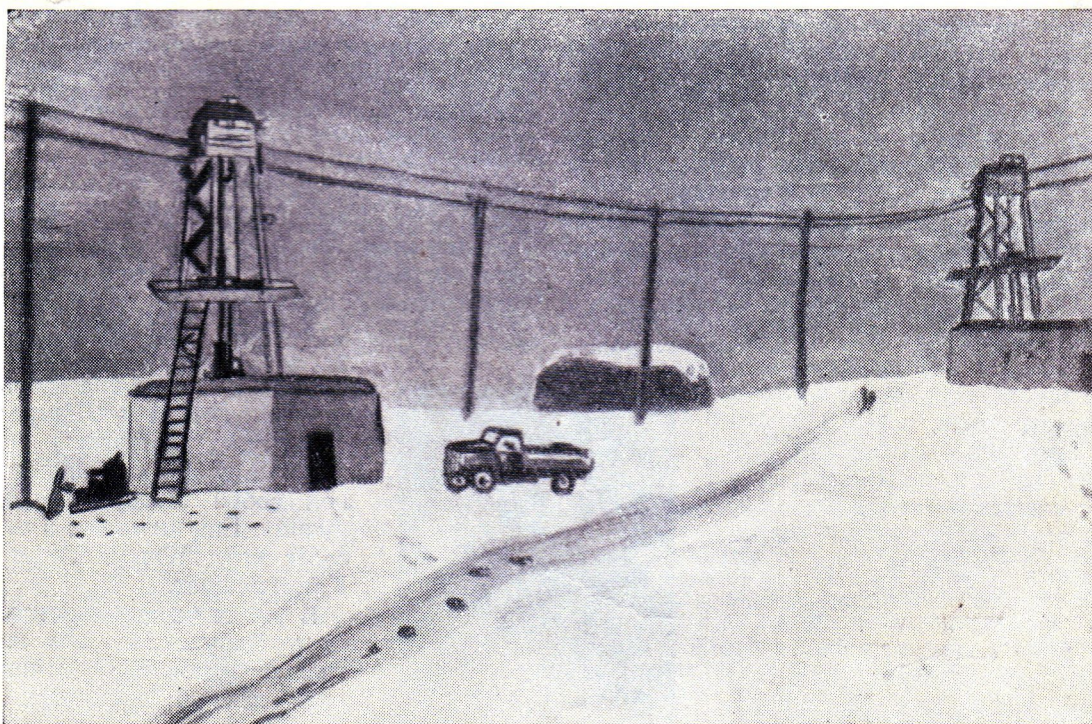
В стакане стоят цветы лесные,
Синие звездочки и голубые,
С нежнозелёной, неяркой листвою,
И пахнут подснежники ранней
весной,
Свежестью пахнут и талой водой,
Будто бы я на поляне лесной.
Я, наклонившись, спросила цветок:
— Ведь не шумит ещё вешний поток,
Скованы льдами быстрые речки,
В избах по-зимнему топятся печки,
И не летят журавли в небесах,
Птицы ещё не запели в лесах,
Кто же, цветы, пробудил вас от сна?
— Кто? — мне цветы отвечали.—
Весна!

Лера Серкова,
член литературного кружка
Московского городского дома пионеров.

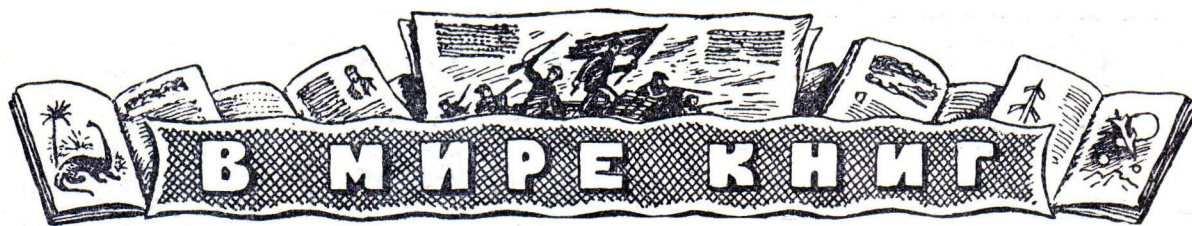
Весна.

Рисунок В. Медведева,
г. Павлов-Посад

Буровые вышки вблизи нашего села.

Рисунок Вити Гранкина,
Белгородская область.

ПРАВДИВАЯ КНИГА

«Родители пытаются отгородить детей от множества вещей. Но дети видят и узнают всё. Они видят смерть и горе, узнают любовь и ненависть, подлость и благородство, низменные поступки и высокие взлёты», — говорит писатель Н. Дубов в одной из глав новой своей повести, «Сирота».

Вероятно, даже самые младшие из вас, подумав, согласятся с этими словами.

О том, что жизнь — сложная и подчас совсем не лёгкая вещь, герой повести Лёша Горбачёв узнал очень рано. Никто не мог отгородить его от невзгод: отца убили на фронте, мать умерла, когда Лёшка был ещё маленьким. Сразу же после её смерти в доме появился дядя Троша, и Лёшка оказался в полной зависимости от этого скользкого, похожего на жабу человека.

Тёмные делишки опекуна, превыше всего ставившего деньги, возбуждали у Лёшки не вполне осознанную, но яростную ненависть.

Вот он один в чужом городе — жалкий, голодный, бездомный... Как заброшенная собачонка, плачет Лёшка под дождём.

И тут внезапно жизнь поворачивается к мальчику другой — прекрасной, светлой своей стороной.

— Ты чего ревёшь, герой? — спрашивает, наклонившись над ним, человек в блестящем чёрном плаще.

Через полчаса Лёша в самом чудесном месте, о котором может мечтать мальчишка. Он сидит за длинным столом в кают-компании, сладкий чай дымит перед ним, вокруг блеск, сияющая чистота большого торгового судна.

В фантастической повести мы, безусловно, прочитали бы о том, что мальчик Лёша стал юнгой, а там, глядишь, — и капитаном... Но Дубов пишет правдивую книгу о жизни, а в жизни всё происходит хотя и не

менее чудесно, но, во всяком случае, значительно медленней. Нечего делать мальчугану на борту судна, которое отправляется в заграничное плавание. Лёшкино счастье кончилось так же внезапно, как началось. И вот уже старпом — старший помощник капитана — хмурый, но заботливый Алексей Ерофеевич провожает мальчугана и говорит ему на прощание простые и запоминающиеся слова:

— Учись, работай. Становись человеком. Чтобы люди тебя уважали...

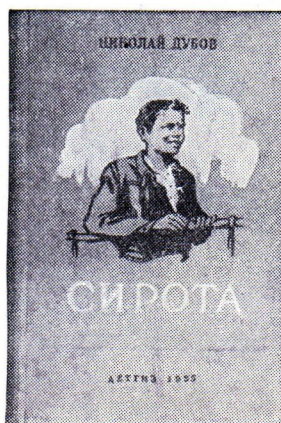
Писатель рассказывает о жизни Лёши ярко и подробно, как взрослый взрослым, без смягчений и прикрас. Как живые, встают перед нами образы увлекающегося, горячего Витьки, вдумчивого Яши Брука, Людмилы Сергеевны, директора детского дома, обыкновенной, скромной женщины.

Постепенно на наших глазах взрослеет Лёша, исподволь складываются его склонности, вкусы, его характер...

Что это за характер, вы можете судить хотя бы по такому случаю. Ребята купаются в море; Лёша заплыл далеко: он немного щеголяет тем, что он хороший пловец... Его нагоняет девочка Кира. И вдруг ребята, оглянувшись, видят, что берег стал совсем маленьким, пожалуй, до него не доплыть... Кира выбивается из сил, в страхе она цепляется за Лёшу. И тут Лёшу тоже охватывает животный страх: впервые в жизни ощущает он под собой жуткую, холодную пучину. Ещё немного, и она засосёт его, Лёшку, а тут ещё Кира мешает.

В ужасе он вырывается, бросает Киру... Но это длится только мгновение. Отчаянный крик девочки приводит Лёшу в себя.

— Берись за плечо! — приказывает он и плывёт вместе

с ней, хоть это и трудно, плывёт медленно, напряжённо, упорно...

— Что же тут особенного? — быть может, спросите вы. — Ведь вначале-то Лёшка всё-таки струсил?!

Но люди, испытавшие в своей жизни что-нибудь подобное, не зададут такого вопроса. Они знают, как силён у человека инстинкт самосохранения, как нелегко иной раз победить его. Не тот храбр, кто никогда не испытывает страха, а тот, кто сумел победить свой страх во имя добрых, благородных человеческих чувств.

Одиноким мальчик, сирота не пропал у нас в стране. Не пропал потому, что ему помогло государство, помогли добрые люди, и потому, что сам он не захотел пропасть. «Жизнь трудна, но хороша, и многое в ней зависит от вас самих», — говорит всей своей книгой писатель Дубов. И, заканчивая книгу, мы от души радуемся тому, что Лёша Горбачёв постепенно становится таким человеком, о каком говорил с ним при расставании Алексей Ерофеевич, — настоящим человеком, которого уважают другие люди.

Ю. Новикова

ИСТОРИЯ ОДНОГО СПОРА

Представьте себе такую забавную историю: встретились два слова и заспорили. И были это не какие-нибудь обыкновенные слова, которые могут легко помириться друг с другом, а слова «Да» и «Нет».

Вот попробуйте помирить их!

Узнал об этом споре мальчик Сурик, поговорил со словами-спорщиками и

С тех пор сдружился навсегда

Два разных слова — Нет и Да.

О чём же поговорил с ними Сурик? Вы сможете легко узнать об этом, если прочитаете небольшую книжечку, которая так и называется — «Да и Нет». Написал её армянский поэт Гурген Борян.

Наверно, стихи, напечатанные в этой книжке, понравятся вам, и хорошо, если вы почитаете их своим младшим братишкам и сестрёнкам.

СКАЗКА ДЖУНГЛЕЙ

Образ человека, выросшего среди зверей, издавна привлекал людское воображение. Ещё в древнем Риме сложилось предание о мальчиках, вскормленных волчицей; к этой теме обращались писатели разных эпох и стран. Но из всех книг о человеке-волке, пожалуй, самая пленительная — книга о Маугли — «лягушонке», юном индусе, которого воспитали джунгли.

Возможно, что некоторые из вас никогда ещё не читали этой повести-сказки. Тогда вам предстоит чудесное знакомство с книгой, которая приоткроет перед вами новый, благоуханный уголок мира. Он сказочен, этот уголок, от него веет жарким и сырым воздухом подлинных джунглей. И, углубляясь в их густые заросли, вы встретите там новых друзей.

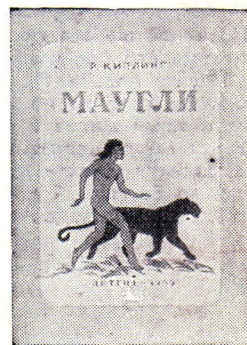
Конечно, «Маугли» Р. Киплинга — сказка. Но, читая её, вы всерьёз возненавидите жадного тигра Шер-Хана и лизоблюда-шакала Табаки. Тем сильнее полюбите вы тех, кто помогал мальчику Маугли в трудные минуты: волчицу-мать и «серых братьев» — её сыновей, мудрого волка Акелу, могучую пантеру Багиру и прежде всего Балу, учителя Маугли, толстого, старого медведя Балу, описанного с таким тёплым юмором.

Но больше всех, разумеется, вы полюбите самого Маугли. Храбрый и неутомимый, растёт смуглый мальчик в глубине джунглей, мужая в борьбе с силами природы. У братьев-волков перенял он лёгкость бега, проворней обезьян лазает он по деревьям, как рыба, плавает в потоке. Отчётливо — точно мы видим всё это своими глазами — встаёт перед нами чёрная заводь, где мальчик, играя, борется с удавом Каа, тяжёлые

кольца удава, в шутку обнимающего стройное тело Маугли, стремительный вихрь чёрных с жёлтым колец и мелькающих ног и рук...

Идут года. «Лягушонок» вырос, умом и бесстрашием он побеждает всех своих врагов... Как истинный хозяин джунглей, бродит он по зарослям, рослый, сказочно красивый; недаром индийская женщина Мессуа, увидев этого юношу с чёрными длинными волосами, с венком гиацинтов на голове, приняла его за лесное божество.

Но не только физической силой привлекает нас образ Маугли. У юноши-волка, того, кто может остановить на бегу оленя и сбить с ног дикого кабана, есть одна особенность, не свойственная зверю: взгляд его постоянно мягок. Даже во время драки глаза Маугли не вспыхивают хищным огнём. Выкормыш волчьей стаи, он прежде всего человек, и человек с твёрдым словом и верным, благородным сердцем... Надолго запомним мы образ смуглого юноши, его четвероногих друзей, скалу Совета, на которой собираются волки, тёмную реку Вайнгангу, всё сказочное царство джунглей.

Ю. Савицкая

МОРЕ ЦВЕТОВ

Летом в солнечный день стоишь у цветника и любишь цветы. А они, как разноцветные огоньки, пламенеют. Красные, синие, жёлтые — тончайших рисунков, чудесных расцветок и ароматов. Точно праздник у них под солнцем! И так близка и понятна сердцу эта радость!

У цветов есть какое-то особое свойство — поднимать настроение. Недаром люди издавна любят украшать цветами свои праздники. Ещё в древнем Риме в большие праздники улицы и дома утопали в цветах.

Скоро у советской молодёжи будет большой праздник. Он начнётся в сентябре. Это будет фестиваль советской молодёжи — торжественный показ её достижений. А летом будущего года к нам съедутся юноши и девушки из всех стран света на Всемирный молодёжный фестиваль.

Но какой же это праздник без цветов! Нам надо встретить его так, чтобы кругом было море цветов, чтоб шагу нельзя было шагнуть без цветов, чтоб отовсюду глядела на нас эта разноцветная, глазастая и такая милая сердцу радость.

У нас много цветов. У нас любят цветы. Но пусть к празднику юности их будет столько, сколько никогда не бывало. А для этого надо, чтобы их выращивали тысячи людей — и взрослые и ребята.

Можно увлекаться техникой и в то же время с увлечением разводить цветы. Можно быть самоотверженным юным географом и ухаживать за цветами. Можно любить рукоделие и с такой же любовью отдаваться цветоводству.

Академик Павлов, несмотря на то, что очень был занят наукой, находил минутки, чтоб копаться в саду. Писатель Леонид Леонов даже на балконе своей московской квартиры, на четвёртом этаже, разводит цветы. Шофёр Л. А. Колесников много лет отдавал все свободные часы своему саду во дворе. Он создал сто восемьдесят новых сортов сирени.

Цветами может заниматься всякий. И, поверьте, время всегда найдётся.

Создать море цветов! Такова наша задача.

Огляните места, где вы каждый день бываете. Огляните не просто так, а придирчивым взглядом украшателя жизни. И будьте уверены, вы сразу почувствуете: здесь нужны цветы, и тут цветы, и там цветы!

А потом на сборе отряда обсудите, где и что делать. Какие устроить клумбы, какие дорожки и загородки. Какие цветы разводить.

Тут простор творчеству. Можно пойти по садам и по любительским цветникам, поучиться, перенять ценный опыт, почитать книжки по цветоводству.

На больших листах бумаги начертите план участка, где будет ваш цветник. И на этом плане нарисуйте клумбы, дорожки, скамейки, ограды. Наметьте, где какие цветы сажать.

После этого, не откладывая, беритесь за работу. А работа такая. Очистка участка от мусора, выравнивание площадки, планировка. Подготовка почвы. Разбивка клумб и дорожек. Устройство оградок. И, самое главное, заготовка семян и выращивание рассады.

Из-за семян придётся немало побеспокоиться. Часть семян найдётся и у вас самих. Один принесёт семян львиного зева, другой — ромашки, третий — портулака. Может быть, нужно будет пойти к цветоводам-любителям, попросить у них семян, рассаду, черенков или купить семена в цветочных магазинах и на рынке.

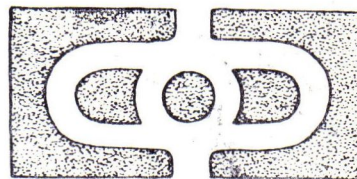
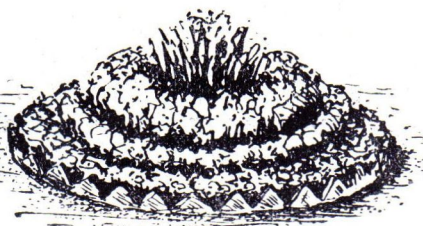
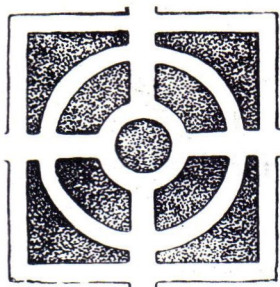
Цветы бывают однолетние (цветут одно лето) и многолетние. Многолетние особенно интересны. Их посадил один раз, а они цветут не один год. Многие из них цветут обильно и долго. Размножать их легко черенкованием и делением кустов.

Особенно позаботьтесь о выюющих растениях. Разрастаясь, они сплошь покрывают стены. И так уютно выглядят окна школы или детского дома в этой зелёной стене! Для этого хороши выюнки, турецкие бобы, дикий виноград.

В апреле надо уже выращивать рассаду. Конечно, хорошо бы иметь парник. А если его нет? Тогда можно выращивать рассаду на подоконниках в школе и дома.

Сбейте из тонких дощечек ящики размером 26×50 или 26×26 сантиметров, высотой 7—10 сантиметров. В дне ящика провертите дырочки для стока излишней воды и прикройте их черепками горбом вверх, чтобы не высыпалась земля. Засыпьте дно тонким слоем гравия или крупного речного песка. Это дренаж. Потом запол-

Здесь показано только два образца разбивки цветника. Вы можете придумать многое другое, в зависимости от формы вашего участка.

ните ящик хорошей огородной или садовой землёй, предварительно просеянной через решето.

Перед посевом землю в ящиках нужно пригладить ребром линейки или дощечки, полить и провести на её поверхности ребром линейки неглубокие бороздки на расстоянии $3\frac{1}{2}$ —4 сантиметров друг от друга. В эти бороздки и высеваете семена: мелкие — не глубже чем на 0,5 сантиметра, крупные — чуть поглубже.

Более крупные семена (бобы садовые, душистый горошек, выюнки и др.) лучше высевать в горшочки из питательной смеси по 3—4 семечка в каждый.

Ящики и горшочки прикройте стеклом и поставьте на хорошо освещённый подоконник. Если будет мало света, молоденькие всходы станут изо всех сил тянуться к свету. Стёкла временами приподнимайте для проветривания посевов. Растеньица обрызгивайте или поливайте осторожно из лейки или через решето. Прореживайте их. От прямых солнечных лучей всходы притеняйте бумагой.

Когда сеянцы поднимутся настолько, что их можно брать руками, надо провести пикировку, то есть рассадить растеньица пореже, дать им больше простора и воздуха. При пикировке следует прищипнуть кончик стержневого корня, тогда он даст больше боковых побегов. Пикировка сделает растеньица более сильными, с хорошей корневой системой, которая лучше держит землю при пересадке в грунт.

Пикировать нужно в такие же ящики или в горшочки.

Добытые вами черенки многолетников укореняйте в небольших ящиках или площадках с влажным речным песком. Чтобы черенки не высыхали, прикрывайте их стеклом.

Но вот на улице потеплело, и заморозков уже можно не опасаться. Теперь рассаду нужно пересадить на клумбы. Конечно, клумбы к этому времени должны быть уже подготовлены.

Нужно заранее хорошенько продумать, как расположить цветник. На рисунке показано, как примерно можно разбить цветник, какую форму дать клумбам.

Но здесь можно многое придумать самим применительно к вашему участку.

Клумбы по задуманному плану расчертите на земле. Почву в клумбах хорошо подготовьте, сделайте её рыхлой и хорошо удобрите перегноем. По краям обложите её кусками дёрна или кирпичом, поставленным на ребро.

Высаживать рассаду в клумбы нельзя как попало. Нехорошо, если высокие цветы окажутся у вас по краям, а мелкие в середине. В середину нужно сажать рослые цветы, а к краям — помельче. Надо также подобрать и расцветку клумб, чтоб когда цветы зацветут, не было бы излишней пестроты и случайных пятен. Некрасиво, например, когда красные цветы расположены рядом с оранжевыми, оранжевые — рядом с жёлтыми. И очень красиво, например, когда рядом с оранжевыми цветами растут синие, рядом с красными — белые. Можно в середину клумбы подобрать красные цветы на высоких стеблях (георгины, маки), вокруг них — ободок белых цветов, затем — анютины глазки и гвоздики, а по самому краю — снова ободок мелких белых цветов вроде алисума.

Для высадки в грунт выберите пасмурный день или высаживайте рано утром и вечером. За час до высадки полейте растеньица, тогда к корешкам лучше пристанет земля и мелкие корешки, не обрываясь, будут выниматься вместе с комом земли.

В клумбе рукой сделайте ямки такой глубины и ширины, чтобы корни рассады помещались свободно, не заглубаясь. Потом корни засыпьте землёй и слегка прижмите её рукой. Землю вокруг высаженных сеянцев выровняйте и сразу же полейте.

Крупные растения рассаживаются подальше друг от друга (на расстоянии 50—70 см), мелкие — поближе (5—10 см).

Для озеленения стен вдоль них высаживается рассада вьющихся растений. Но перед высадкой, отступая на 15—20 сантиметров от стены, надо натянуть вертикально шнуры или проволоку или установить тонкие жёрдочки, чтоб растения цеплялись за них и тянулись вверх. Внизу, вдоль посадки, можно уложить дёрн или посеять траву.

Цветы красят жизнь. Без цветов и праздник не в праздник. Будем же миллионами заботливых рук создавать новое замечательное «море» — море цветов.

К. Кочетков

Марафонский бег на первенство СССР. Это первая половина дистанции. Самые сильные спортсмены вырвались вперёд, но бегут пока группой, не стараясь опередить друг друга: они берегут силы. Слева вы видите автомашину. Судейские машины всегда сопровождают марафонцев.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

А. Красильщиков

Как родились олимпийские игры, откуда они пошли, вы узнали из прошлого номера «Пионера», а сейчас мы расскажем вам, как уже в наше время был возрождён этот обычай древней Греции.

В самом конце прошлого столетия французский педагог Пьер де Кубертен предложил проводить олимпийские игры, сделав их всемирным спортивным праздником, чтобы пробудить в человечестве «дух свободы, мирного соревнования и спортивного мастерства». Было решено первый такой праздник устроить в Греции, на родине олимпиад, и праздник состоялся в 1896 году в Афинах. На этой первой олимпиаде нашего времени самым интересным событием был новый вид состязания — марафонский бег. Его происхождение, как и происхождение самих олимпийских игр, связано с историей Эллады. Около двух с половиной тысяч лет назад персидский царь Дарий хотел поработить Элладу. Огромная армия персов высадилась в сорока километрах от Афин, у села Марафон. Решив, что наступление — лучший вид обороны, афиняне выслали в Марафонскую долину своё небольшое войско во главе с военачальником Мильтиадом. Войско преградило дорогу на Афины, заняв позицию в узком, труднопроходимом ущелье. Персы двинулись в бой. Дав им подойти на расстояние полёта стрелы, греческие воины по приказу Мильтиада бегом бросились навстречу. С детства привыкшие к физическим упражнениям, они пробегали расстояние, отделявшее их от врага, быстрее, чем успевали прицеливаться персидские лучники, и, почти не понеся потерь, стремительно вступали в бой. Персы, не выдержав натиска, обратились в бегство. Одержав победу, Мильтиад немедленно послал гонца в Афины, где народ с тревогой ожидал вестей об

исходе битвы. Молодой воин Диомидон был этим гонцом. Всю дорогу от Марафонской долины до Афин юноша мчался бегом. Вбежав на главную площадь города, он только успел крикнуть: «Радуйтесь! Мы победили!» — и упал мёртвым.

И вот на возрождённой олимпиаде ввели марафонский бег в память подвига Диомидона. Двадцать пять спортсменов из разных стран встали на старт возле селения Марафон, чтобы пробежать тот же путь, по которому за двадцать пять столетий до них мчался быстроногий воин Мильтиад. Всю дорогу бегунов сопровождали всадники и велосипедисты. Заканчивался бег на специально выстроенном в Афинах олимпийском стадионе. Семьдесят тысяч болельщиков на стадионе и множество за его пределами напряжённо следили за состязанием. Наконец пушечный выстрел оповестил о приближении лидера бега к стадиону, и когда толпы народа увидели, что первым бежит грек, крестьянский юноша Спиридон Луис, восторгу не было границ. Особенно радовались греки. Юноша стал национальным героем.

Луис пробежал 40 километров 200 метров за 2 часа 58 минут 50 секунд. Такой бег требует колоссального напряжения, выносливости, силы и особой тренированности. В истории первых марафонских состязаний известны случаи, когда не выдерживали даже отлично подготовленные спортсмены.

Так было с итальянцем Дорандо Пиетри в 1908 году, на четвёртых олимпийских играх, которые проводились в Лондоне. Пиетри первым вбежал на стадион. Судьи приготовились остановить свои секундомеры, а болельщики уже приветствовали Пиетри как победителя. Но вдруг итальянец зашатался и упал на дорожку. Стадион замер в напря-

жённом молчании. Итальянец с трудом поднялся, сделал несколько нетвёрдых шагов и снова упал. До финиша оставалось всего лишь пятьдесят метров, но Пиетри был почти без сознания. Он не слышал, как по трибунам вдруг прокатился тревожный ропот, не видел, как в марафонские ворота вбежал американец Хейс. Заслуженная победа ускользала от Пиетри. Сочувствуя ему, полисмен и один из судей взяли его под руки и провели через финишную черту. Пиетри закончил дистанцию первым, а победа не была присуждена ему из-за этой незаконной помощи. Но через некоторое время Пиетри всё-таки доказал, что он сильнейший марафонец в мире. На другом состязании он значительно опередил Хейса и пришёл первым.

В наше время, чтобы предотвратить несчастные случаи, по всей дистанции бега устраиваются питательные пункты, и марафонцы на ходу могут выпить стакан глюкозы, которая поддерживает сердце в его напряжённой работе.

В истории соревнований по марафонскому бегу бывало, что случай вырывал победу из рук достойнейшего, но только раз, на третьих олимпийских играх в американском городе Сент-Луисе, она чуть не досталась обманщику. Зрители с нетерпением ожидали финиша марафонского бега. При появлении американского бегуна Лорца стадион разразился аплодисментами и приветственными криками. Никто не знал, что Лорц нечестным путём обогнал своих соперников. Свернув тайком с дорожки, он сел в поджидавшую машину, проехал добрую половину дистанции и только недалеко от стадиона продолжал свой бег. Ему вручили золотую медаль. Прибежавший через четверть часа настоящий победитель, американец Хикс, был довольно равнодушно встречен зрителями. Только к вечеру обманщик был разоблачён. Судьи дисквалифицировали его и отдали награду Хиксу.

В 1920 году расстояние от селения Марафон до Афин было измерено заново, более точно. Получи-

лось 42 километра 195 метров. Сейчас все соревнования в марафонском беге проводятся по этой новой дистанции, причём не на беговой дорожке стадиона, а за его пределами. Только старт и финиш происходят на стадионе. За городом по всему пути устанавливаются контрольные пункты, а вслед за бегунами идут машины с судьями. Так как в разных местностях условия бега не одинаковы (в одной больше подъёмов, другая более ровная), то мировой рекорд в марафонском беге не регистрируется, а лучшее время, показанное каким-либо марафонцем, называется мировым достижением. Сейчас мировое достижение принадлежит английскому спортсмену Джиму Петерсу. Он быстрее всех сумел пробежать 42 километра 195 метров — за 2 часа 17 минут 39,4 секунды.

Одним из лучших в мире марафонцев считается советский спортсмен Иван Филин. Два года назад, во время легкоатлетических соревнований на первенство Европы, только случайность помешала ему стать чемпионом по марафонскому бегу. На протяжении всей дистанции он был первым. Первым вбежал он и на стадион. Но по недосмотру судей дорожку не успели во время разметить, и Филин победил не в ту сторону. Когда же он наконец заметил ошибку, было уже поздно: на стадионе показались финн Карвонен и финишировал первым. Всю ночь заседали судьи, не зная, как быть. Наконец под утро было решено считать чемпионом Карвонена, так как всё же он первым пересёк ленточку финиша, а русскому спортсмену Филину — истинному победителю — выдать золотую медаль с выгравированным на ней временем, за которое он пробежал дистанцию. Карвонен публично заявил, что он считает свою победу случайной.

...Час за часом, день за днём всё ближе шестнадцатые олимпийские игры. Как всегда, выстроятся на старте бегуны на дистанцию Диомидона. Щёлкнет выстрел, и начнётся бег. В нём примет участие и наш Иван Филин. Пожелаем ему победы!

А это питательный пункт на марафонской дистанции. Каждый бегун получает здесь глюкозу и стакан минеральной воды.

СОВЕТЫ ЮНЫМ БЕГУНАМ

Во время бега сердце работает особенно напряжённо. Пока спортсмен пробежит марафонскую дистанцию, оно перекачает шесть тысяч литров крови — целую цистерну! К такой работе организм можно подготовить только постепенно, и первой ступенькой в тренировке бегунов должна стать сдача норм БГТО.

Последите за собой, как вы бегаёте длинные дистанции, — наверное, ставите ногу с пятки на носок. Но это неправильно. Эмиль Затопек выиграл марафонский бег на пятнадцатой олимпиаде потому, что пробежал всю дистанцию, ставя ногу с носка. Это дало ему огромное преимущество — значительно удлинило его шаг. Учитесь и вы так бегать.

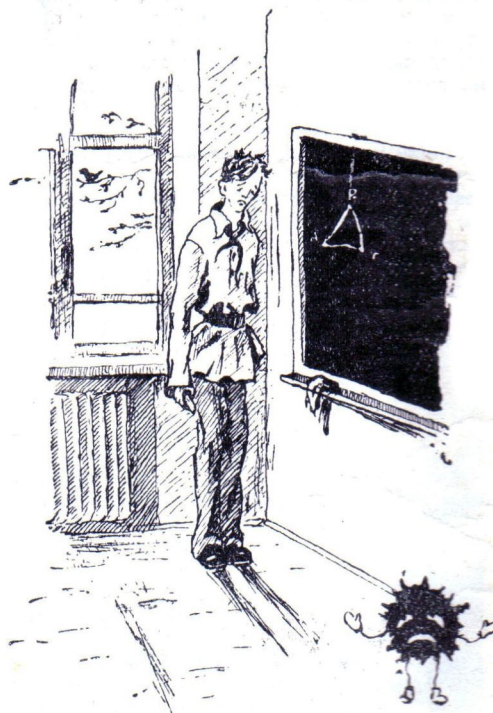
Джим Петерс, которому сейчас принадлежит мировое достижение в марафоне, однажды сошёл с дистанции только потому, что не сумел правильно, как говорят спортсмены, «разложить на дистанции» свои силы. Рассчитывать свои силы должен научиться каждый бегун.

Однажды во время марафонского бега на первенство СССР бегун В. Щепров сошёл с дистанции потому, что стёр себе ногу. Перед бегом подгоняйте свою обувь, чтобы она была удобной.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ СПОСОБ

Есть у школьников приметы,
Их — увы! — не сосчитать.
Скажем, лечь в постель одетой —
Лучший способ сдать на «пять»...
Вот учитель вызвал Милу,
А Наташа — верный друг —
Палец сунула в чернила,
Чтоб не сбилась Мила вдруг...
Можно прятать медь под пятки,
Поддержаться за порог...
...Но не лучше ли, ребятаки,
Просто выучить урок?

УМАЯЛСЯ

Весёлыми потоками
Шумит весна-краса...
Андрей перед уроками
Пробёгал три часа.
Он гол забил со славой,
Домчался до реки...
И гибнет, гибнет, «плавающая»,
Андрюша у доски...